

А. А. Епифанцев

**НЕИЗВЕСТНАЯ
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.**

**БЫЛ ЛИ ГЕНОЦИД
АДЫГОВ?**

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Е67

Е67 А. А. Елифанцев
«Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов?»
М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2010 — 356 с.
ISBN 978-5-91146-420-2

Книга представляет интересный и новый взгляд на многие острые вопросы войны на Кавказе XVIII-XIX вв., в том числе на вопросы причин поражения черкесских народностей в Кавказской войне и правомочности применения термина «геноцид» к выселению адыгов с Кавказа. Она разбирает некоторые наиболее популярные взгляды на определенные моменты Кавказской войны — своего рода легенды и мифы того периода, а также рассматривает современные аспекты исторических событий, их влияние на происходящее в наше время и причины того почему тема Кавказской войны и геноцида адыгов в последнее время получила большую популярность.

Книга адресована не только историкам, но и всем, интересующимся прошлым и настоящим Кавказского региона и будет интересна самому широкому кругу читателей.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Е67

ISBN 978-5-91146-420-2

© А. А. Елифанцев, 2010

И спросили ученики Иисуса:
«Скажи нам, каким будет наш конец?»
И сказал Иисус:
«Открыли ли вы начало, чтобы искать конец?»

Евангелие от Фомы, ст.19.

ВСТУПЛЕНИЕ

Помните как начинается книга О. Генри «Короли и капуста»? Фразой о том, что в ней читатель сможет прочесть обо всем, кроме королей и капусты и именно поэтому фраза «короли и капуста» поставлена в заглавие. Примерно в такой ситуации находится и эта книга. Это не историческая книга и написана она не для историков. Тот, кто думает иначе, ошибается, может закрыть её и отложить в сторону.

Это книга о нас и для нас — современников, для обычных людей, не имеющих ученой степени по истории, но интересующихся ею и видящих причины многого из того, что происходит сейчас именно в прошлом. Для нас с Вами.

Это не сухая и заумная историческая работа, от которой заснет даже часовой и в которой упоминаются факты, не имеющие никакого отношения к действительности. Наоборот — это попытка понять действительность через призму исторических фактов и ответить на вопрос «а что же мне делать сегодня, зная, что в истории было вот так?»

В этой книге речь пойдет о Северном Кавказе — о происходившем там когда-то и о происходящем там сейчас. Нынешние Кубань, Ставрополье, Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия. Когда-то, 200 лет назад, эти земли прошли через глубокие процессы, полностью изменившие на них ход истории. Эти процессы назывались Кавказская война и после ее окончания Кавказ выглядел уже совсем не так как раньше. Некогда могущественные и грозные черкесские народы потерпели оглушительное поражение, были частично истреблены и частично выселены с родной земли, а край стал осваиваться значительным количеством русских переселенцев. Тогда из более чем миллионного населения Черкесии на родной земле остались только 5% адыгов — остальные погибли в войне, умерли от эпидемий, голода, были выселены в Турцию и другие исламские страны. Только вдумайтесь в эту цифру — 5%! После II Мировой войны на территории Белоруссии, пострадавшей от войны больше других, осталось около 50—55% от довоенной численности населения. Адыгов на Кавказе осталось в 10 раз меньше.

Это величайшая, мало с чем сравнимая трагедия целого народа. Если мы представим, что Россия сократилась с нынешних 89 субъектов федерации с населением в 149 млн человек до всего одной 7-миллионной Московской области (не дай Бог, конечно!), то это хоть как-то покажет то, насколько трагично адыги закончили ту войну.

Почему так случилось и почему случилось именно так? Могло ли быть иначе? Могли ли адыги победить? Существовал ли геноцид адыгского народа

и если да, то как это влияет на события сегодняшнего дня? Какие выводы из всего этого должны сделать мы — ныне живущие? Как современная этническая политика черкесов зависит от событий 200-летней давности и оправдано ли это? Как события прошлого влияют на другие нации, живущие на Северном Кавказе?

Если для историков, живущих где-нибудь в Москве, эти вопросы представляют исключительно научную ценность, то для народов Северного Кавказа феномен той войны далек от прошлого. В определенном смысле, давно завершившись, эта война еще сейчас продолжает будоражить умы наших современников, а её результаты подвигать людей на какие-то шаги не в далеком вчера, а в нашем с вами совершенно конкретном и очень осязаемом сегодня.

Вообще, Кавказская война — достаточно странный период. Возможно, это самый малоизвестный период в истории российского государства.

И дело тут не в том, что по нему нет источников информации, как раз наоборот — источников предостаточно, пишут о ней часто и с охотой, снимают и продолжают снимать фильмы. Проблема в том, что серьезных, глубоких и беспристрастных материалов по этой войне очень мало — практически не существует. В Советском Союзе, все касающееся Кавказской войны упорно замалчивалось, что делалось, видимо, для вящего спокойствия проживающих в кавказском регионе потомков её участников. В наше же время описание той войны, её ход и оценки разнятся настолько, что иной раз не понимаешь — об одних ли и тех же событиях идет речь?

Вырвавшись из прошлого, Кавказская война стала ярким примером крайней политизации нашего общества, превратившись из исторического факта в инструмент достижения своих целей различными общественными, научными и сословно-этническими группами. В настоящее время можно выделить несколько уже ставших традиционными подходов к этому периоду.

Первая точка зрения — это «Имперская» позиция. Она берет начало еще в той — Императорской России и плавно перерождается в наши дни в позицию государственническую. Эта позиция характеризуется некоей нейтральностью, оправданием появления России на Кавказе интересами Империи, необходимостью защитить закавказские народы и вообще стремлением развиваться и усилиться. Адыги в этой концепции предстают как «непокорные племена», которых Россия по законам имперского развития должна была покорить, чтобы затем включить в свой состав на принципах равенства, братства и общности исторических судеб. Тема жестокости в этой теории не разрабатывается, да и о какой жестокости вообще может идти речь если мы говорим об одной общей судьбе и об одном, советс..., простите, российском народе? Поэтому сторонники этой концепции решительно и полностью забывают об имевших место на Северном Кавказе жестокостях и зверствах и как бы говорят — ну, было и было, что уж теперь? Главное — вместе.

Версия эта политически правильна, но, однако, имеет один маленький недостаток — никакого отношения к истории она не имеет, и, думаю, что на Кавказе в нее уже никто не верит. Но это не смущает

представителей наших правящих органов и они ежегодно выделяют средства на празднование дня «добровольного вхождения» Адыгеи, Кабарды и Черкесии в состав Московской Руси, регулярно в официальных кавказских СМИ к очередному юбилею выходят радостные материалы и также регулярно адыгские организации протестуют против этого.

Вторую теорию представляют однозначно про-русские, в основном казачьи общественные деятели и историки. Эта версия оправдывает приход русских на Кавказ и концентрируется в основном на героической стороне вопроса — признает адыгов смелыми и опасными воинами, говорит об их собственной храбрости и легализует в общественном сознании все произошедшее. Говорит эта версия и о жестокости. Но только о жестокости адыгской — о непрерывных нападениях на станицы и деревни, от которых казаки должны были обороняться, об уводимых в черкесский плен русских людях и т.д. Все это бурно иллюстрируется фактами из богатой военной истории казачества, народными песнями типа «Шли по тропе два невольничка молодые... торопитесь вы невольнички, за вами есть черкесская погоня, Росланбек-мурза с узденями...», рассказами о том, что обстановка на Кавказе была такова, что в течении десятилетий женщины ходили на реку за водой только в сопровождении вооруженной охраны и т.д.

Сторонники этой версии воспринимают Кавказскую войну, как элемент патриотического воспитания русского населения путем героизации прошлого и морального оправдания захвата черкесских земель. Относясь к соседнему адыгскому населению по-

добрососедски, они периодически сильно преуменьшают довоенный уровень развития адыгской цивилизации, рисуют предков современных адыгов, как вероломных дикарей и варваров, которых казаки и регулярные российские войска должны были усмирять и силой оружия вести к цивилизации для их же блага. Причем, по какой-то извращенной иронии, встречаются полярно противоположные описания Черкесии — либо как пустынного края, где ничего нет и который казаки должны облагородить, либо как земли, по которой бродят толпы бандитов-черкесов, которые из-за своей «хищной натуры» воюют против добрых российских солдат, мирно пришедших на их землю. В учебной литературе и публицистических материалах иногда встречается оценка захвата кавказских земель, как «освобождения» (интересно от кого — от их коренных обитателей?).

В этой теории есть свои белые пятна, так, например, она придает законность появлению казаков на Кубани тем, что «царица-мамка нам эту землю подарила», забывая о том, что на подаренной земле в это время кто-то жил; она не дает ответ на вопрос, что делали казАчки, которых нельзя было отпустить за водой без охраны и сами их охранники на черкесской территории (помните у Галича — «Граждане, Отечество в опасности — наши танки на чужой земле!»); эта теория никак не учитывает чувство глубокой национальной обиды адыгов за нанесенное им жесточайшее поражение и проигрыш в войне и т.д., но при всем при этом и при условии большой комфортности этой версии, она широко распространена среди русского и казачьего населения Юга России.

Третья точка зрения — это насаждаемая сейчас среди адыгов версия Кавказской войны. Она ни в чем не совпадает с первыми двумя и во времена империй, сначала Российской, а потом и Советской, хотя и бытовала среди черкесов, но в другом виде, тщательно скрывалась, да и все-таки не была так широко распространена. За годы, последовавшие за распадом Советского Союза, эта версия существенным образом развилась и выросла в достаточно стройную и широко распространенную среди адыгов теорию, тщательно охраняемую от ненужной ей дискуссионности и обсуждения.

В соответствии с ней, Россия несет полную ответственность и тяжелейшую вину за начало войны на Кавказе, за агрессию против мирного народа, никак не провоцировавшего её на такие действия и за геноцид, устроенный в отношении целого ряда кавказских народностей. Согласно этой версии, все адыги более 100 лет плечом к плечу героически сражались за свою свободу против захватчиков, оккупантов и палачей, в роли которых выступали русские, и только громаднейшее численное превосходство российской армии обеспечило их проигрыш. Российские власти при этом, имели целью не просто победить черкесов, как военного противника, но и уничтожить их как народ, ради чего творили жестокости, не имеющие аналогов в истории — сжигали десятками аулы, вырезали целые народности, целенаправленно селили уцелевших адыгов в местах, где зверствовала малярия и, в конечном итоге, безжалостно выгнали, выселили весь народ в Турцию, в результате чего погибли сотни тысяч черкесов.

Необходимо признать, что в той или иной степени, эту версию сейчас поддерживают очень многие, если не практически все адыги, причем, если старое поколение не совсем с ней согласно и в целом относится к ней более индифферентно, то практически 100% социально активной молодежи её поддерживают.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что эти взаимоисключающие версии живут в одно время, в одном месте, но в параллельных мирах — в обществе по ним не устраиваются дискуссии, не ведется полемика, не ищутся точки пересечений — они, как бы, живут сами по себе. При этом, иной раз происходят просто поразительные вещи — в нашем обществе, как в теории гениального математика Лобачевского, параллельные прямые пересекаются и дают рождение удивительным фактам восточного двуединства. Так, президент Адыгеи А.К. Тхакушинов может являться соавтором книги «Земля адыгов», в которой он пишет о «растоптанной и униженной родине» и о «палачах адыгского народа» и одновременно он же, как глава администрации, является главным организатором празднований по поводу добровольного присоединения Адыгеи к России.

Если попытаться разобрать каждую из бытующих версий, то мы увидим, что все они крайне односторонни, основываются лишь на фактах удобно трактуемых события прошлого и тем самым подтверждающих свою точку зрения. При этом факты, противоречащие ей в расчет не принимаются — они либо как бы не замечаются вовсе, либо от них гордо отмахиваются, клея им ярлыки непатриотичности и «работы на идеологических противников». При таком подходе ни одна из

версий просто не в состоянии показать картину происходившего во всей её сложности, многогранности, многовариантности и закономерности. И все было бы ничего, но специфика Кавказа в том и заключается, что нынешние идеологические позиции многие стороны базируют на своем понимании Кавказской войны, её хода и результатов и выводят современные этнические теории именно оттуда. В этих условиях удобно, но неверно поданная история становится сильнейшим оружием, превращая её создателей в «ловцов чужаков», а зачастую и целых этнических групп или даже народов.

Не секрет, что значительная часть адыгского общества уверовала в то, что состояние, предшествовавшее Кавказской войне, являлось неким «Золотым веком» черкесской нации и сейчас необходимо стремиться к возврату если и не в него, то уж, по крайней мере, к жизненным принципам предков, к их моральным ценностям, да и к территории старой Черкесии. Эти идеи на протяжении нескольких последних лет доминируют в адыгском обществе и заняли в нем уже практически незыблемое положение.

Любая теория хороша и должна быть одобрена если разрабатывалась с учетом всех имеющихся данных и на основе широкого гражданского диалога. Именно этого лишены все перечисленные теории, но именно на них строятся основные этнические теории, бытующие в наше время на Северном Кавказе. Эта книга является попыткой объединить аргументацию всех теорий, посмотреть, что из этого получится и сравнить с картинкой сегодняшнего дня. В ней я постарался не просто описать нынешнее положение, сказав чем

оно хорошо или плохо, а показать почему получилось именно так, в чем причина этого и насколько верно выглядят нынешние теории этностроительства если рассмотреть их через призму всех имеющихся существенных фактов.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, в принципе, необходимо рассмотреть несколько главных тем: В чем причина поражений адыгов в Кавказской войне, Существовал ли геноцид адыгов? и Как это все преломляется в формулировках сегодняшнего дня? Конечно же, в рамках рассмотрения этих тем будут даны ответы и на множество других вопросов, но для понимания ситуации главными все же являются три вышеперечисленных.

Итак, друзья, начнем...

ГЛАВА I

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ АДЫГОВ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ.

КТО БЫЛ ПРАВ В БУДУЩЕМ?

Мчались конницей в гике,
Не считая потерь.
Генералы-адыги,
Где вы, братья, теперь?

Это стихи поэтессы-кабардинки Любви Балаговой в великолепном переводе И. Ляпина.

Генералы-адыги, о которых она пишет, это не те адыги, которых мы знаем и не адыги, которые сражались сначала против России в Кавказскую войну, а потом за нее во всех последующих российских войнах. Это адыги, предки которых, оказавшись выдавленными со своих исторических земель — Западного Кавказа — во время Кавказской войны, переселились в Турцию и затем, уже оттуда разбрелись по множеству других стран — Сирии, Иордании, и т.д. Благодаря глубоким воинским традициям своего народа, они обрели там репутацию умелых и преданных воинов, составлявших наиболее боеспособные части армий некоторых государств и личную охрану их правителей.

Войну, в результате которой адыги покинули Родину, принято называть Кавказской, но некоторые адыгские историки называют её Отечественной, подчеркивая

справедливый, оборонительный характер той войны для черкесов и то значение, которое она имела для всей последующей истории их народа. Говоря о результате Кавказской войны, в качестве причин поражения адыгов традиционно упоминают две — численное превосходство российской армии и разобщенность черкесов. Это так и не так. Здесь все не настолько однозначно, и даже если эти факторы верны, то основная причина все равно заключается в другом. Она намного глубже, сложнее и, да простят меня некоторые читатели — как адыги, так и русские — актуальнее, чем то, что обычно выдается в качестве легкого чтива о Кавказской войне.

ЧИСЛЕННОСТЬ

Численность населения и количество войск многим представляются самыми простыми вопросами. Здесь как в футболе и в воспитании детей — если уж человек овладевает 4 основными действиями арифметики Магницкого, то начинает считать себя специалистом и точно знает, что отряд в 300 человек обязательно победит отряд в 100 человек. Просто обязательно! Заблуждения именно такого рода зачастую приводили правителей к поражению в военных кампаниях, где победа, как им казалось, была просто гарантирована. Старик Магницкий бывает обманчив!

Вопросы численности русской и адыгской армий в Кавказской войне и влияния количества войск на исход событий далеко не так просты, как это может показаться изначально. Они многовариантны и, к сожалению, изобилуют немалым количеством серых пятен и недостоверной информации. В любом случае, здесь в полной мере применяется высказанное ранее

утверждение о том, что в зависимости от времени и места событий, война принимает абсолютно разный характер. В настоящий момент, обе стороны — и адыги, и русские — в полной мере используют вопросы численности в своих интересах, показывая, что противник, с которым им пришлось столкнуться, был силен и многочисленен. Русские источники говорят о «скопищах хищных горцев», которым противостоят малочисленные русские отряды, адыги же сетуют на то, что даже при героическом сопротивлении всего народа на протяжении нескольких десятков лет миллионная Черкесия не могла противостоять 100-миллионной России и в конце концов горцев просто задавили человеческой массой. При этом превозносятся боевые качества адыгов и рисуются какие-то дичайшие потери российских войск, периодически оцениваемые не мало, ни много в 1,5 млн. человек за всю историю войны.

Как же все было на самом деле? Давайте посмотрим.

РУССКАЯ АРМИЯ

Здесь мы сделаем короткое отступление и скажем, что среди историков нет единодушия относительно того, что считать началом Кавказской войны.

Некоторые, как например один из первых и наиболее уважаемых историков этой войны — генерал русской армии В.А. Потто, бывший в свое время начальником военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, связывают её начало со строительством в 1763г. на кабардинских землях русской крепости Моздок, другие относят этот период к 1803—1804 гг., когда боевые действия со стороны черкесов начинают принимать массовый и плановый характер,

третьи — к 1816—1818 гг., когда с приходом А.П. Ермолова война на Кавказе приобретает жесткую наступательную и даже карательную форму. При этом современные адыгские историки, как правило, соглашаются с В.А. Потто. Что ж, поступим также и мы.

Итак, в 1763г. была заложена крепость Моздок. В то время, за исключением небольшого гарнизона в Кизляре и малочисленного терского казачества, русский отряд в Моздоке был практически единственной частью регулярной русской армии на Северном Кавказе. Её численность, например, в 1770г. мы знаем точно — крепость получила штатное расписание в 214 солдат, а через 3 года гарнизон крепости насчитывает уже 2 342 человека.¹ Вот таков был Моздок — центр «русской агрессии» на Кавказе.

С того времени, за исключением 1804, 1811 и 1854 гг., количество русских войск на Кавказе постоянно увеличивается.

- В 1796г. их больше 20 тыс. человек,
- В 1809г. — до 27 648 человек пехоты, 15 886 человек кавалерии с 36 батареями и 64 лёгкими артиллерийскими орудиями,
- К 1816г. на Западном и Восточном Кавказе уже находятся до 45 тыс. пехотинцев, 6926 человек кавалерии и 131 орудие.

Здесь мы на минутку прервемся. Вот такие цифры. Много это или мало?

Это как судить! Конечно же, поражает то, что на первой стадии войны, оказывается, русских войск на Кавказе практически не было.

¹ П.Г. Бутков. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Библиотека сайта «Восточная литература».

Даже если оставить в стороне несчастных 214 солдат, то и 2 342 человека как раз представляют собой всего-навсего один регулярный пехотный полк по штатному расписанию, установленному при Елизавете. Всего один! Первое время на помощь российским войска приходят калмыки, иной раз даже большими силами, но полностью надеяться на них было невозможно — их улусы находились далеко — на Волге, они не могли находиться в регионе постоянно, а потом вообще откочевали в Китай. Для развязывания большой и кровавой войны одного полка не то, чтобы мало — это просто ничто.

Военные меня поймут — они знают, что это просто абсурд и, я бы даже сказал — хамство по отношению к противнику, начинать столетние войны силами одного полка! Для остальных скажу — представьте, что Наполеон в 1812г. стал наступать на Москву не во главе 600-тысячного войска, а приказал это сделать только, допустим, своему Вюртембергскому кавалерийскому полку. Или то, как Гитлер в июне 1941г. начал бы наступление не силами 190 из 214 имевшихся дивизий, а только одним пехотным полком «Великая Германия». Получилось представить? У меня лично нет. Но оставим пока Моздок, на самом деле, там намного больше странностей, о которых, почему-то никто не говорит, и вернемся к численности.

К 1820-м гг. российская армия на Кавказе становится уже довольно существенной. 50 — 55 тыс. при общей численности армии чуть более 1 млн. человек в 1826г. — это уже не так мало.

С другой стороны, исходя из задач, которые решали российские войска и из размера территории, которую

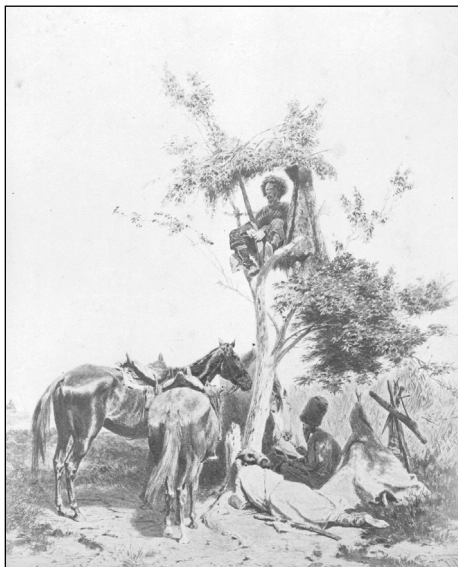
они прикрывали, можно считать, что до начала 1820-х гг. войск на Кавказе катастрофически не хватало.

Они располагались на огромном пространстве в полторы тысячи километров от Азова до Астрахани и были вынуждены на первой линии обороны сначала контролировать практически каждый километр границы малочисленными казачьими дозорами, а потом, чуть в глубине, располагать регулярные отряды таким образом, чтобы всегда и на всей контролируемой территории можно было гарантированно и успешно прийти на помощь войскам или жителям при внезапном прорыве мобильной черкесской группы, место нападения которой заранее неизвестно. Именно таким был характер боевых действий в тот период войны — Россия не вела существенных активных и наступательных операций, ограничившись обороной занятой территории и находящихся на ней казачьих станиц, а также нечастыми карательными действиями в ответ на черкесские набеги.

Если взглянуть на карту, то можно представить, что даже в наше время, имея 20 — 40 тыс. солдат, сделать это на столь большой территории совсем непросто, а тогда выполнить такую задачу было значительно сложнее. Войск отчаянно не хватало. Известно, например, что участки для дозорной пограничной службы в линейных казачьих полках были распланированы таким образом, чтобы «за счёт призыва на службу неслужащих (отставных) казаков вместе с малолетками (подростки с 16 лет)... на 12 вёрст границы приходилось 20 конных и 4 пеших казака».¹ Причем, надо понимать, что 24 казака, включая

¹ К.В. Скиба. «Из истории «Малой Кавказской Войны» на Кубанской Линии». Диссертационная работа. Армавирский Государственный педагогический институт. 2005.

старых и малых, это расчетное, плановое количество дозорных на участок длиной 13 километров территории (что составляло 12 верст того времени), т.е. меньше чем 2 человека должны были нести круглосуточное дежурство на пограничной полосе длиной в километр. Естественно, люди несли вахты, менялись, в конце концов, просто болели,

Пикет линейных казаков на Афицпе

по факту же на среднестатистическом участке постоянно находилось гораздо меньшее количество дозорных и они, конечно же, просто физически не могли качественно и надежно прикрывать настолько большую территорию.

Это приводило к постоянным прорывам черкесских групп, как замеченных, так и пропущенных российскими войскам. Позже, А.П. Ермолов напишет об этом времени — «Малочисленные войска не могли сдержать набеги, растянутая граница была уязвима¹».

Другой причиной было то, что очень часто официально озвученное количество войск, действующих против

¹ Записки А.П. Ермолова. с. 283; Клычников Ю.Ю. Военно-политические планы А.П. Ермолова на Северном Кавказе // Вопросы Северо-Кавказской истории. Армавир, 1996. Вып. 1. С. 39; Марущенко В.В. Указ.соч. С. 40.

горцев, существовало лишь на бумаге — из-за общей достаточно тяжелой обстановки на Кавказе, да и в Европе вообще, части постоянно перебрасывают то в Персию, то в Дагестан, то в Грузию. Только в Европу для войны с Францией большое количество войск с Кавказа перебрасывают 2 раза — в 1805 и 1811гг.

Большой некомплект был и в частях. Не вовремя поступающее пополнение, потери в ходе боевых действий, частые болезни из-за плохого питания, суровой полевой обстановки и не всегда благоприятного климата, способствовавшего распространению эпидемий малярии, чумы и т.д. приводили к тому, что в полках зачастую не было и половины списочного состава, по которому он учитывался в общем количестве войск и которое я привожу в этой статье. Так, например, известно, что когда из-за очередного обострения обстановки в Дагестане часть войск планировали временно перебросить туда, оказалось, что «по спискам в 17-м егерском полку числилось в трех батальонах 991 рядовой, на деле в строю был 201 человек».¹ Войск не хватало.

В 1816г. на Кавказ приходит А.П. Ермолов и край становится свидетелем того, как личность лишь одного человека может изменить весь ход истории огромного «Седого Кавказа». С его появлением порядок ведения боевых действий полностью меняется — вместо глухой, безнадежной обороны и коротких карательных акций, по сути тех же набегов, российская армия начинает планомерно и широко наступать, создавая плацдармы, вырубая леса и уничтожая экономическую базу горцев.

¹ М. Гололобов. «Поход полковника Карягина. Лето 1805 г.» Библиотека сайта «Адьютант».

*Генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов
в окрестностях Кавказа в 1824 году*

Изменение тактики, естественно, проходит на фоне дальнейшего увеличения войск.

К 1834г., по некоторым данным, на Кавказе располагаются уже около 80 тыс. российских солдат, а через 20 лет — в 1854г. — во время Крымской войны Россия держит на Кавказе более 110 тыс. солдат при 200 орудиях, при этом резервы, расквартированные в Закавказье, составляют еще 90 тыс. солдат и около 200 орудий. С этого периода, к действующим против адыгов частям правомерно относить и Черноморский флот, так как в начале 1830-х гг. он начинает блокирование адыгского морского побережья, что играет очень важную и пока недооцененную роль в поражении горцев в войне. К этому времени войск на Кавказе становится уже столько, что они могут очень плотно и гарантировано прикрыть всю полуторатысячекилометровую

линию границы, почти не оставляя слабых мест для прорыва даже небольших партий горцев.

Именно об этом периоде командующий отдельным Кавказским корпусом граф М.С. Воронцов пишет: «Магомед Амин, видя таким образом нашу линию обеспеченной на всех пунктах, решился действовать на живущих в наших пределах бесленеевцев и с этой целью двинул партию к верховьям Лабы».

Само по себе это было уже совсем немало, но после Крымской войны начинается еще более резкая концентрация войск и активизация боевых действий на Кавказе. Сначала против Шамиля на востоке, а после его поражения и против горцев Западного Кавказа разворачивается огромная регулярная армия — до 240 тыс. человек и дополнительно к ним до 40 тыс. казаков несших постоянную службу. Вот это было уже очень и очень серьезно.

Для осознания насколько велика была эта армия, скажу, что в ней находилось вдвое больше солдат, чем было советских войск в Афганистане и в пять раз больше, чем их было в современной Чечне в самой активной фазе конфликта. Она была в 7 раз больше, чем вся сорокатысячная армия Петра I при сражении под Полтавой и на целый корпус в 50 тыс. человек превышала всю регулярную армию России накануне войны с Наполеоном, составлявшую 220 тыс. человек. Эта армия была в 14 раз больше корпуса двадцатичетырехлетнего инвалида польской кампании генерал-поручика графа Валериана Зубова, с которым он в конце XVIII века громил одну из самых сильных держав того времени в регионе — Иран.

Это была действительно огромная армия и её содержание требовало от России немалых усилий.

Начиная с середины 1850-х гг., на покорение Кавказа уходит около 20% бюджета страны. Для сравнения, можно сказать, что на операцию в Чечне шло до 5% российского бюджета, а на боевые действия во время Великой Отечественной Войны шло чуть больше 50% всего бюджета СССР. То есть, если уж такую армию собирали в отсутствии прямой угрозы историческим землям государства, то можно быть уверенными, что речь шла только о полном, быстром и гарантированном покорении края, невзирая на все тяготы и ужасы, которые политика тотального покорения несла как местному населению, так и своим солдатам. Кто же противостоял этой армии?

ЧЕРКЕССКИЕ ВОЙСКА

И вот здесь мы встречаем первые трудности. Дело в том, что количество войск, которые выставили против россиян черкесские народы точно неизвестно.

Рассуждая о российской императорской армии, мы всегда можем полагаться на какую-то конкретную и достоверную цифру, либо прийти к ней самостоятельно, подсчитывая по полкам и дивизиям, наименования которых, расположение и штатную структуру мы знаем, в общем-то, абсолютно точно, вплоть до последнего литавщика и коновода. В случае с адыгской армией нам приходится полагаться на редкие и обрывочные свидетельства историков и современников, иногда непонятно на чем основанные, а также пытаться вычислить какую-то цифру логически, исходя из предполагаемой численности горского населения.

Причины этого хорошо описал в своей известной книге «Воспоминания кавказского офицера» барон Ф.Ф. Торнау — русский офицер, попавший к черкесам в плен и проведший там два года. Хотя в данном случае он говорит скорее о родственных адыгам абхазах, то же самое в полной мере относилось и к самим черкесам: «Трудно определить число абхазского народонаселения: в мое время нам не удавалось еще нигде пересчитать горцев точным образом. Все цифры того времени, которыми означали кавказское население, брались приблизительно, можно сказать на глаз. По понятиям горцев, считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться».¹

Наиболее конкретную из известных нам цифр дает англичанин Эдмунд Спенсер, который в своей книге «Путешествие по Черкесии» несколько раз упоминает, что адыги, по их собственному мнению «могут вывести в поле 200 тыс. войска все на конях и все вооруженные».²

Это перекликается со сведениями Пейсонеля, который веком ранее упоминал, что черкесы могут выставить до 100 тыс. и более воинов, после чего — во второй половине XVIII века, как мы знаем из трудов профессора М. Блиева, население Северного Кавказа во многом из-за выращивания кукурузы значительно увеличилось, что вполне могло довести общую численность войск до 200 тыс.

¹ Ф.Ф. Торнау «Воспоминания кавказского офицера», Библиотека сайта «Военная литература».

² Э. Спенсер «Путешествие в Черкесию», г. Майкоп. 1994

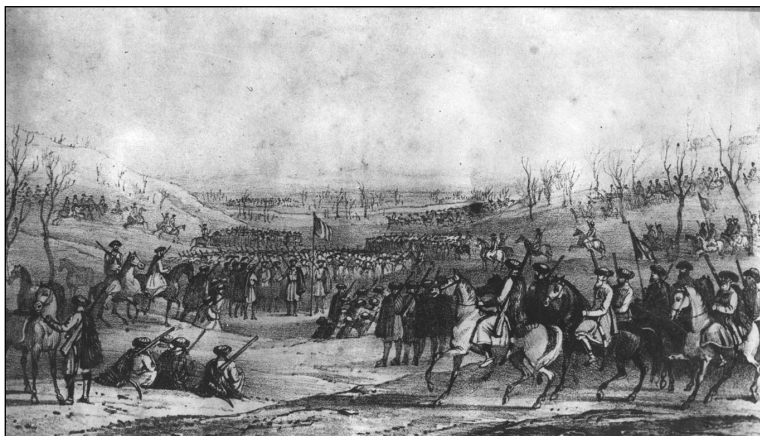
Примерно такую же цифру — 200 тыс. — мы можем вывести из работ Сокурова, Швецовой и Бриммера, которые оценивают численность только кабардинского профессионального войска от 15 до 30 тыс. человек. Зная, что кабардинцы составляли примерно пятую часть всех адыгов, можно предположить, что только профессиональная, неотмобилизованная армия адыгов, которая с определенной натяжкой может быть названа регулярной, составляла в то время от 100 до 150 тыс. человек, что легко дает нам гораздо больше 200 тыс. при мобилизации всего народа на борьбу против смертельного врага. Каких-либо других прямых данных о численности адыгской армии не имеется и поэтому мы с достаточной высокой степенью уверенности можем оперировать этими цифрами.

Вот такая информация. Какое впечатление у вас складывается от этой цифры? Есть ли по ней вопросы? Может быть, что-то кажется странным? Что-то режет глаз?

Где вся эта армия?

Где эти 200 тыс. воинов, десятилетиями ведущие смертный бой за свободу с оккупантами? В истории Кавказской войны такой армии адыгских племен никогда не было. Причем, не было не только именно 200 тыс. человек, но даже и армии горцев в 2, в 5 или даже в 10 раз меньше! Разница с фактическими данными просто огромна и исчисляется порядковыми, знаковыми величинами. ТАКОЙ черкесской армии на Кавказе не было никогда! То есть, получается, что, несмотря на то, что адыги МОГЛИ выставить такую армию, в действительности против русских воевало гораздо, гораздо меньше

горцев. Это тот факт, который вроде бы лежит на поверхности, но на который почему-то не обращают внимания ни люди, писавшие о Кавказской войне в прошлом, ни современные адыгские историки.

Общий сбор черкесского войска. Рис. Дж. Белла, 1840г.

Для подтверждения этого факта давайте взглянем на реальные боестолкновения и посмотрим какими цифрами оперировали тогда военачальники.

В самом начале войны в крепости Моздок было по штатному расписанию 214 человек, потом стало 2 432 человека. Плюс периодически приходят калмыки. На этом этапе, исходя из оценки адыгского войска в 200 тыс. человек, горцы имеют численное преимущество в 82 раза! Случаев подобного численного превосходства в мировой истории практически не встречается. Адыги устраивают набеги на крепость и не могут её взять. Их в 82 раза больше, чем русских! Причем, это в большинстве своем профессиональные воины,

которые «живут с меча» и ничего больше делать просто не умеют. Мало того, собравшиеся в крепости русские войска отбиваются и сами посылают вдогонку карательные отряды, как например отряд «майора Савельева с 700 казаков и 2 тыс. калмык ... для поисков неприятеля». Всего 2 700 человек.

Тому, кто расскажет как можно послать 2 700 человек легкой иррегулярной кавалерии в карательную экспедицию против, пусть даже не 200 тыс. человек, а в 2 раза меньше — 100 тыс. — надо срочно давать диплом Академии Генерального штаба. Экстерном!

- 1770 г., отозванный из Чечни русский отряд в 2 тыс. человек встречает объединенное адыгское войско и сражение заканчивается без определения четкого победителя.
- 1786 г., 2 тыс. черкесов атакуют в районе Азовского моря на реке Ея 3 донских казачьих полка и разбивают их.
- 1804 г., адыги просят помощи у Анапского паши и тот обещает выступить с янычарами в их поддержку. Адыги говорят, что соберут войско в 15 тыс. человек.
- Ноябрь 1809 г., на р. Уруп собираются до 8 тыс. горцев, для «впадения в кордон Линии в разных местах». 7 ноября около 5 тыс. человек из них переправляются через Кубань и нападают на село Каменнобродское.
- Февраль 1809 г., в окрестностях нынешнего Майкопа происходит одно из самых тяжелых сражений войны на Западном Кавказе — Шевкучское: в течении 5 часов российские войска бьются против 15 тыс. черкесов и наносят им поражение.

- Октябрь 1821 г. Известное Калаусское сражение. Около 4 тыс. шапсугов и жансеевцев тайно перешли Кубань с целью напасть на село Петровское, либо станицу Анастасиевскую. Генерал Власов, находившийся в округе, собрал меньше сил, чем было у нападавших и приказал готовить им засаду — при выходе из Дмитровского ерика скрытно рассредоточить пушки (по разным данным 1 или 2 батареи), а по сторонам расставить казаков, готовых зажечь факела и сигнальные маяки, оставив черкесам проход только в болотистый Калаусский лиман. Ночью дозоры казаков, имитируя внезапное обнаружение адыгов и свое последующее отступление, подвели горцев под пушки и тут орудия под командой опытного артиллериста, хорошо знавшего Кавказ и адыгов, принимавшего участие еще в войне 1812 года, человека, который потом станет генералом, обрушили на вылетающую из темноты тяжелую черкесскую конницу в доспехах шквал картечи. Смешавшись, черкесы повернули назад, но вокруг внезапно зажглось море огней, стали раздаваться крики казаков и горцы понеслись туда, где была темнота — в болото. Около 2 тыс. адыгов утонули или были убиты меньше чем за час. Об этом бедственном походе в аулах пели особую песню-плач. Остатки оружия и панцирей на месте высохшего Калаусского лимана находят до сих пор.
- 1828 г., Лучшие всадники Шапсугии, Абадзехии и Темиргоя, под командой темиргоевского князя Джембулата Болотоко проходят через занятую

русскими войсками Кабарду и возвращаются обратно через Балкарию и Карачай. Это был известный рейд великолепной тяжелой черкесской конницы. Потто пишет о нем: «Двухтысячная конница представляла незаурядное явление: почти половина ее состояла из представителей знатнейших закубанских фамилий, рыцарские доспехи которых — дорогие шлемы, кольчуги и налокотники — горели и сверкали под лучами июньского солнца».¹

- 1831 г., отряд под начальством генерала Берхмана, состоявший из двух пехотных полков, в числе пяти тысяч человек, занимает Геленджик, при этом адыги упорно сопротивляются. Возможно, я не настолько продвинут в современном прочтении истории, но понять как, пусть даже не 200, а 100 или 50 тыс. человек упорно отражают нападение наступающих 5 тыс. солдат мне довольно сложно.
- 1841 г., происходит известное Фарзское сражение — шестичасовой бой возле реки Фарс между частями генерала Засса и 10-тысячным объединенным отрядом абадзехов, шапсугов и убыхов.
- 1852 г., один из адыгских лидеров — Магомет-Амин — вторгается в землю мирного племени джигетов с 2-тысячным отрядом. Против него из укрепления «Святого Духа», нынешнего Адлера высылают отряд под командованием майора Бибикова, численностью 740 человек с двумя орудиями. В ходе столкновения адыги теряют до 20 человек и отступают.

¹ Потто В.А. «Кавказская война». Т.2. Ставрополь, 1994г.

Вот такие данные. Причем, это просто примеры, есть немало других свидетельств, но все они говорят об адыгских отрядах численностью как от совсем маленьких — в несколько человек, так и о группах в 1 — 2 — 5 тыс. человек. Отряды в 10 — 15 тыс. человек крайне редки, если такая группа и собирается, то речь идет о серьезном, знаковом наступлении. Отряды большей численностью не встречаются никогда. Битв по масштабу равных Бородинской не происходит.

Ну а как же тогда быть с утверждениями идеологов современного адыгского национального строительства о героической борьбе всего народа, об адыгской «отечественной войне», о сопротивлении всего народа оккупантам? Получается, что адыги могли выставить на борьбу с врагом 200 тыс. человек, а в реальности выставили в самом максимальном случае — в 15 раз меньше, а в обычном, не единично-максимальном, а повседневном, обычном — в 40—100 раз меньше. Что же делали остальные десятки тысяч черкесов — они не сражались с теми, кого нынешний президент Адыгеи называет «палачами адыгского народа»?

Может быть Спенсер с Пейсонелем, а заодно и все остальные историки здесь что-то напутали?

Давайте посчитаем по-другому. Какое войско могли выставить тогда черкесы, исходя из своей численности и из того, что это была их самая серьезная война после нашествия монголо-татар в XIII веке? Какое войско вообще мог выставить народ на войну, в котором решалась (и трагически решилась!) его судьба?

Давайте возьмем пример более близкой и памятной нам Великой Отечественной войны. 190-миллионный советский народ в этот период выставил 35 млн. солдат,

что составило 18,5% от общей численности населения и значительно превысило расчетные мобилизационные возможности СССР, на которых основывался Гитлер, начиная войну — ошибку в учете которых, кстати, ему потом ставили в вину заговорщики. То есть, на фронт послали даже больше солдат, чем могли. Сама 80-миллионная Германия выставила армию в 16 млн. человек, что составило еще больший процент — 20%. Решалась судьба государств. Согласно общепринятым данным, общая численность черкесов в то время находилась на уровне 1,2 млн. человек. Если представить, что единый адыгский народ выставляет армию по такому же принципу и в таких же пропорциях, то получится, что её численность должна быть даже БОЛЬШЕ, чем на это указывают Спенсер и компания — 240 тыс. человек!

Где же эта армия? Почему она не воюет?

Чтобы уж абсолютно точно исключить возможность ошибки давайте от расчетных и прикидочных данных перейдем к тем, которые по возможности точно отражают ситуацию с самим подходом к формированию армии. Известно, что накануне II Мировой Войны, когда уже было понятно, что самой войны не избежать и что она будет очень трудной, кровавой и что в ней будет решаться само будущее Советского Союза и бывшей Российской Империи, СССР держит регулярную армию численностью 7,5 млн. человек. Это очень много и составляет 4% от общей численности населения.

У адыгов есть подобная цифра, которая тоже отражает количество регулярной армии. Вспомним, в 1861 году, в долине реки Сочи состоялся совет, названный «меджлисом вольности черкесской». По сути, это собрание

заложило основы адыгской государственности — объединило народности, установило наднациональные органы власти, единую налоговую систему, обязало людей построить административные здания и т.д. К числу знаковых решений относилось и создание регулярного войска. Его количество тогда определялось так — каждые 100 дворов должны были выставять по 6 всадников.

Во-первых, 6 всадников со 100 домов — это странно само по себе. Так уж получилось, что у нас есть прямое и стопроцентное сравнение этой цифры с формированием воинских подразделений соседями адыгов — донскими казаками. Генерал-майор С.А Тучков, назначенный в 1798г. Шефом Кавказского гренадерского полка, пишет о нравах Области Войска Донского: «Каждая такая станица состояла прежде из ста домов, окруженных ровом и валом. Она обязана была выводить по требованиям войскового правления по сто конновооруженных казаков».¹

Вот как — в 16 раз больше!

Но давайте посчитаем по количеству людей в семьях и по процентам.

Количество людей в адыгской семье — в одном дворе — того времени, к счастью, нам известно абсолютно точно — 6—8 человек. Мы знаем это из трудов Ф. Бадерхана, который говорит, что в 350 убухских семействах, переселившихся в район Родосто в Турцию было более 2 тыс. человек², что подтверждается и данными послевоенной переписи адыгов. То есть, если представить, что

¹ С.А. Тучков. «Записки 1766—1808». Библиотека сайта «Восточная литература».

² Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании», Москва. 2001г.

в 100 адыгских семьях было 600 человек и из них призывали 6, то получится, что на борьбу с врагом, который уже находится в твоих границах и вот-вот придет в твой дом призывали всего 1% населения. 1% населения! В современной невоюющей и полу-демилитаризованной России, которой никто не угрожает, в армии сейчас находятся 0,83% населения. У адыгов же того времени война уже не то, чтобы близко — она идет уже несколько десятилетий, уже побеждены чеченцы, захвачены Кабарда, Темиргой, почти вся Бжедугия, большие территории более мелких народов — до окончательного поражения адыгов остается всего 3 года и они готовы выделить на войну только 1% населения?

Насквозь прогнившая и практически мертвая Византия, которая в последние годы своего существования сжалась практически до размеров Константинополя и переживала даже не кризис, а, скорее, клиническую смерть, перед своим падением в 1453г. от 200 тыс. населения держит 5 тыс. армию, что составляет 2,5%. СССР перед войной держит 4%, а во время неё, как и Германия, выставляет около 20%. Почему же адыги выставляют 1%?

Вот тут становится совсем непонятно. Получается, что имея мобилизационные возможности собрать армию по численности, во многие десятки раз превышающие все российские силы на Кавказе в начальный период войны, в 4—5 раз их превышающие в середине войны и сопоставимые по численности в конце войны, адыги этого не делают и целенаправленно не планируют делать даже на завершающем отрезке Кавказской войны, когда в результате российского вторжения адыгский мир уже сжался до пределов территории нескольких

племен и когда конец традиционного адыгского мироустройства уже должен быть всем понятен!

Что это? Коллективное самоубийство? Саботаж? Административная деградация? Как это можно объяснить?

От ответа на этот вопрос или даже от его постановки в таком виде решительно уходит современная адыгская историография, занимающаяся лишь подбором удобных фактов для национального строительства и концентрирующая внимание своего читателя сначала на том как хорошо до прихода русских все было в исторической Черкесии — какие там были мудрые обычаи и роскошные сады, потом мельком и без подтверждения рассказывающая о едином порыве всех адыгов в борьбе с врагом, о многотысячных русских войсках и об их огромном численном превосходстве, а затем быстро переходящая к смакованию мелких деталей трагического исхода адыгов за рубеж.

Наверное, читатель ждет, что здесь я скажу что-то вроде «причина этого факта заключалась в том, что...» или «объяснение этому мы можем найти в...» Напрасно! Это как раз тот случай, когда жизнь богаче правил старика Магницкого и когда вопросы численности не только не объясняют чьи-то победы или поражения, но и сами должны быть объяснены исходя из гораздо более глубоких и широкомасштабных явлений.

Чтобы понять это необходимо взглянуть на Черкесию того времени, что называется, с высоты птичьего полета и попытаться охватить её всю целиком, не деля на народы, на социальные группы и не выделяя какие-либо элементы социальных и экономических отношений.

Это не так просто: всегда существует риск скатиться до перехода на описание чего-нибудь более мелкого и легкого для восприятия, но если мы это все же сделаем, то увидим поразительную картину — земля адыгов представляла собой сложный, многоступенчатый и многогранный мир, удивительно точным образом вписанный во всю невероятно сложную систему экономических, политических, военных и любых иных взаимоотношений на Кавказе.

ТУРЕЦКО-КРЫМСКО-ЧЕРКЕССКИЙ МИР. ОСНОВЫ ОТНОШЕНИЙ

Начало этой системы, на мой взгляд, начинает складываться с гибелью в середине 15-го века Византии и с приходом на Кавказ новой региональной сверхдержавы того времени — Османской Империи, что очень серьезным образом изменило баланс сил в регионе и вынудило соседние народы искать новые формы сосуществования, как во внешнем, так и во внутреннем аспектах.

Это в полной мере относится к адыгам, которые, переориентировавшись во внешнем притяжении на Блистательную Порту, тем не менее ушли от прямой вассальной зависимости и установили с ней крепкие союзническо-зависимые отношения. Эти отношения не предусматривали прямого подчинения, но содержали в себе элементы защиты и покровительства со стороны Турции. Более того, в характере этих отношений был некий фактор, делавший Черкесию не просто одной из множества территорий, на которые распространялось влияние Стамбульских властителей, но невероятно органичным образом вписывавший адыгов в систему жизненно важных ценностей и приоритетов турецкого

государства. Название этому фактору будет — работорговля.

«Только турки после завоевания Византийской империи поддерживали с ними торговые отношения и, не стараясь их подчинить, довольствовались тем, что им принадлежала Анапа: там у них был рынок, на котором они получали от черкесов девочек и мальчиков-пленников»¹, пишет И. Бларамберг и ему вторит французский этнограф Фридрих Дюбуа в своем «Путешествии вокруг Кавказа: «Во все времена древняя Зихия (Zukhie), в наши дни морской берег Черкесии и Абхазии, была рынком рабов; вот уже несколько тысячелетий как это продолжается; можно смело сказать, что несколько миллионов обитателей этого края было таким образом продано и увезено в другие страны. Если бы я с большей смелостью мог судить о путях провидения, я подумал бы, что его намерением было воссоздать, обновить другие вырождающиеся расы смешением их с прекрасной черкесской нацией. Но не нам измерить всю глубину высшего разума. Страбон, Прокопий, Интериано и все современные авторы говорят об этой торговле рабами».²

Торговля людьми была для адыгов в то время тем, что мы сейчас называем «узкой специализацией страны в международном разделении труда». Важность постоянного потока невольников для Османской империи было трудно переоценить — именно на этом факторе основывался главный принцип формирования турецкой армии — набор янычар и, как следствие, территориальные

¹ И. Бларамберг. «Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», Библиотека сайта «Восточная литература».

² Ф. Дюбуа де Монпере. «Путешествие вокруг Кавказа», Библиотека сайта «Восточная литература».

захваты и удержание территорий. Неиссякающий поток рабов из северного Черноморья был залогом постоянного пополнения вечно воюющей армии Турции и одним из важнейших источников создания материальных благ внутри самой страны.

В этом отношении ценность Черкесии для Турции была не в том, чтобы она представляла собой захваченные, порабощенные и обложенные данью, в том числе человеческой, территории, типа грузинских или южнославянских земель, которые постоянно восставали, отказывались от уплаты дани, где надо было держать войска, которые половину времени воевали и те же рабы, которые вроде бы брались бесплатно в результате стоили немало денег, да и сами территории при появлении сколько-нибудь сильного противника тут же перешли бы на его сторону.

Ценность Черкесии была в том, что она являлась верным союзником — полуассалом Турции, который сам, охотно и добровольно, поставлял рабов и в случае военного столкновения выступил бы на стороне Турции.

По некоторым данным, только через расположенный на адыгских землях маленький порт Анапа, где до прихода турок проживало не более 150 жителей, ежегодно проходило до 8—10 тыс. невольников, а после основания там турецкой торговой фактории и крепости с целым пашой во главе стало проходить до 10—12 тыс. Торговля шла и через другие приморские поселки черкесов. Это был прекрасный выход для турок! Турция была заинтересована в сохранении такой системы и в защите адыгов.

Здесь необходимо сделать одно очень важное отступление и сказать, что в течении нескольких сотен лет до

прихода России на Кавказ, адыги развивались в условиях практически полной безопасности. Это противоречит ныне принятой официальной позиции, но, однако, на мой взгляд, является неоспоримым фактом.

Дело в том, что начиная с XIV — XV вв., в регионе не было силы, которая могла, хотя бы теоретически, ставить цели полного порабощения, тотального уничтожения адыгов, либо кардинального изменения устоев и образа их жизни. Многие и многие народы в то время могли о таком только мечтать. Это в полной мере относится, например, к Византии, которая в полном составе погибла под османскими саблями; к маврам — мусульманам, жившим на юге Европы и примерно в это время полностью уничтоженным или изгнанным испанскими и португальскими государями; к индейским государствам, совместное сосуществование с которыми не входило в задачу европейских конкистадоров, да и к бывшему одно время соседу адыгов — Тьмутараканскому княжеству. На Западном Кавказе такого не было. Из двух региональных супердержав того времени — Турции и Персии, одна — Турция — была кровно заинтересована в существовании черкесов и в продолжении отношений с ними. Другая — Иран — не могла переварить те огромные территории, что уже захватила — Индию, Афганистан, часть арабского мира, закавказские ханства и княжества и остановила свои территориальные притязания на границах Черкесии — в западно-грузинских княжествах.

На протяжении нескольких столетий существовало одно государство, которое с большой натяжкой можно назвать серьезным врагом Черкесии — Крымское ханство. Про его отношения с Черкесией можно писать

отдельную книгу — они крайне интересны и очень жаль, что историки как прошлого, так и настоящего их незаслуженно забывают. Пока же можно сказать одно — уже при первом приближении к вопросу становится понятно, что Крым вовсе не был тем злейшим и смертельным врагом адыгов, как его в последнее время рисуют национальные историки. Несмотря на то, что немало раз черкесы и крымчаки схватывались в жестоких боях, Крымское ханство не являлось в полной мере врагом Черкесии. Скорее, это была жесткая конкуренция, за товар и за рынок сбыта, которую тогда, да иной раз и сейчас, стороны ведут методами прямых военных столкновений.

Дело в том, что во внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации Крымское ханство и Черкесия были близнецами-братьями, боровшимися за обладание одной и той же нишей рынка — и те, и другие специализировались на продаже одного и того же «товара» — пленников — одному и тому же покупателю — туркам. Естественно, крымским татарам было экономически выгодно ослабление адыгов и наоборот. Кроме этого, две нации соперничали во влиянии и в обложении данью ногайских мурз, веками кочевавших на правом берегу Кубани пока, как пишут кубанские историки, А.В. Суворов не «освободил» от них эту землю в 1783г., уничтожив, по разным подсчетам, до 500 тыс. ногайцев.

Несмотря на целый ряд набегов, некоторые из которых были довольно болезненными для адыгов, Крымское ханство никогда не ставило задачу завоевания и покорения Черкесии, все, что оно хотело — это ослабление и, по возможности, обложение адыгов данью. Во-первых, оно по определению не могло захватить

Черкесию — военная и экономическая системы крымцев не позволяли удерживать захваченные территории. Во-вторых, силы двух народов были примерно равны, что видно из того, что набеги крымцев на адыгов не носят тотальный характер и больше похожи на сведение счетов с отдельными князьями и народностями — т.е. желание не уничтожить всех и сразу, а лишь наказать некоторых. То же самое, между прочим, делали и сами адыги — известно, что в XVI веке черкесы не раз устраивали набеги на Крым и даже осаждали его столицу — Бахчисарай. В-третьих, судьбы Черкесии и Крымского ханства были очень и очень сильно переплетены. Существовало огромное количество связующих их элементов — начиная от торговли и заканчивая этническими и культурными связями. В XVI-XVII вв. при ханском дворе находится немало адыгских придворных и военачальников, добивавшихся порой очень высокого положения. Их влияние настолько велико, что начинает настораживать даже ногайских мурз, считавшихся тогда данниками и союзниками Крыма — «всем у вас ведают черкесы, а нам не с руки».

Огромнейшее распространение получили междинастические браки, в результате которых многие крымские ханы и остальная знать были в значительной степени адыгами по крови и имели в Черкесии близких и влиятельных родственников. Немало крымских принцев и дворян до совершеннолетия воспитывались в Черкесии, их связи с адыгами были настолько глубоки, что, как правило, именно здесь скрываются участники неудавшихся дворцовых переворотов в Бахчисарае. На протяжении нескольких веков в Крымском ханстве даже существовал обычай

отправки в Черкесию, как бы мы сейчас сказали, «на постоянное место жительства» младших сыновей своих ханов, которые не могли претендовать на трон. Среди адыгов они становились дворянами практически самого высшего ранга — гиреями — ханоко — пользовались полным почетом и уважением, «очеркивались» и играли видную роль в жизни черкесских народов. Некоторые из них стали видными людьми в истории России, так Султан Клыч-Гирей, одно время командовавший знаменитой Дикой дивизией, ставший одним из лидеров белого движения на Северном Кавказе, эмигрировавший за рубеж, в мае 1945г. принявший командование Горской дивизией вермахта и казненный в Москве в 1947 г. — один из таких потомков Бахчисарайских владык.

Таким образом, исходя из сложившихся реалий того времени, адыги попали в исключительно благоприятную ситуацию, при которой в рамках турецкого мира и турецкого протектората, в случае выполнения ими своей части «международного деления труда» — снабжении Османской Империи рабами и некоей верности турецким интересам, их ждала безопасная и вполне благополучная жизнь. Такая перспектива даже не снилась многим народам того времени! В таких условиях главным для адыгов было создание внутренней системы, которая бы позволила им органично вписаться в рамки сложившегося геополитического механизма и надежно выполнять отведенную им в этой картине роль. По сути, главной задачей адыгов было воспроизведение таких условий и защита собственного благоприятного положения от влияний извне, способных внести какие-то изменения.

В этих условиях адыги создают нечто такое, что в подобном виде больше в мире нигде не встречается — кодекс адыгских правил, обычаев, норм и законов под названием «Хабзэ», который, как игла, пронзает буквально все сферы адыгского общества, удивительно точно «затачивая» его под существующую геополитическую структуру и вставляя его как обойму в систему отношений внутри треугольника Турция-Крым-Черкесия. По сути, это даже не просто кодекс в нашем понимании этого слова — это неписаная система адыгских ценностей, очень строго и четко определившая все возможные цепочки поведения и отношений между субъектами адыгского общества как между собой, так и с внешним миром, задавшая абсолютно определенные роли разным общественным классам и заменившая собой добрый десяток социальных институтов.

Сложность и беспримерность этой системы была такова, что я абсолютно уверен, что прочтя эти строки, человек, не живший на Северном Кавказе и не знающий его историю, не поймет всей масштабности социального явления Хабзэ.

Для наглядности давайте попытаемся проиллюстрировать его следующим образом — представьте, что мы собрали вместе все наши современные законы, от Конституции страны и Гражданского Кодекса до мельчайших подзаконных актов в самых отдаленных регионах страны; от Военного Устава, до Правил дорожного движения и от КЗОТа до требований ЕГЭ и ВАКа, добавили к ним тонны разнообразных инструкций и директив, разбавили это все этическими нормами, принципами семьи и брака, воспитания детей, отношения к старшему поколению, подлили туда основы военно-политического

и международного позиционирования страны, а потом перевели это все с позиций подзаконности и навязанности на уровень естественных привычек и внутренних норм целого народа и добились того, чтобы соблюдение всех этих норм воспринималось людьми не как обязанность, а как нечто *само собой разумеющееся* — как обычаи, привычки и правила хорошего тона.

Вот тогда это даст нам хоть какое-то приближение к тому что же в действительности означал Хабзэ для адыгов.

Однако, даже это не будет в полной мере отражать значение Хабзэ. К нему можно относиться как к своего рода адыгской религии или к инструменту её заменившему. Дело в том, что всегда, а особенно в те века, одним из самых мощных факторов, объединяющих народ, устанавливающих основы его моральных, социальных и иных норм являлась религия и установленные ею правила общественной жизни. Как мы знаем, этносы, наиболее успешно пережившие многовековые трудности, такие как армяне или евреи, имеют глубокие религиозные традиции и свои, отличные от других, религии. По разным причинам адыги не стали высоко религиозным народом — этого не было тогда, нет этого и сейчас. В этих условиях именно Хабзэ во многом заменил черкесам религию и её нормы, цементирующие и сплачивавшие адыгское общество.

Система Хабзэ была удивительна! Вписывая адыгские народы в картину мира и выстраивая общество так, чтобы во главе угла стояло исполнение геополитической задачи Черкесии, гарантировавшее её безопасность, она решала стоящие задачи с одной стороны абсолютно надежно и уверенно, а с другой

стороны — настолько же абсолютно нетрадиционно, элегантно и потрясающе эргономично — с использованием схем и методов, не встречающихся больше нигде в мире.

Поразительно, но в рамках существовавших тогда условий адыги создали крайне эффективную общественную систему, которая, в отличие от многих стран и народов, совершенно не требовала наличия сложных, ресурсозатратных и не всегда эффективных государственных и социальных структур и прекрасно функционировала без наличия в обществе целого ряда экономических, военных и социальных институтов, имевшихся в других странах.

Посмотрите: для обороны страны, властители, как правило, держат дружину, ею же, по сути, является и регулярная армия. Это не самый эффективный военный и социальный инструмент — если армия призывная, с часто сменяемым составом, то её военные качества будут невелики. Если дружина постоянная и профессиональная, то содержать её дорого — бойцов нужно кормить, экипировать, им нужно платить, давать за службу поместья и земли, но в то же время её стойкость и верность должна быть постоянно под вопросом, т.к. надёжность наемников, коими по сути и являются дружинники — невелика.

Что в этой ситуации делает Хабзэ? В условиях того, что смертельной опасности для Черкесии не было и необходимости во всенародном ополчении не существовало, посредством Хабзэ заключается некий социальный договор между основной частью адыгского общества и 10—15% населения — знатью, в соответствии с которым обязанностью народа

становится трудиться и подчиняться знати, а обязанностью князей и дворян становится постоянная готовность к защите народа и захват пленников с последующей их продажей туркам, как элемента, обеспечивающего геополитическое значение Черкесии для регионального лидера — Турции и, следовательно, гарантирующего её безопасность. Отдельно в качестве норм поведения знати устанавливается невозможность заниматься торговлей и отказ от богатства и накопительства.

В результате мы получаем прекрасную, постоянно готовую к мобилизации профессиональную армию, боевые качества которой намного выше стандартной наёмной дружины, армию, которая в мирное время выполняет крайне важную экономическую и внешнеполитическую функцию — поставляет рабов туркам, что в конечном итоге позволяет всему адыгскому народу находиться под протекторатом Турции и жить настолько спокойно, насколько это вообще было возможно в то время.

Но и это еще не всё! Сказать, что такая армия адыгскому народу ничего не стоила — неправильно. Обычные люди не только не несли на нее серьезных расходов, но и наоборот, зачастую получали от такой системы доходы — выручая немалые деньги от продажи «живого товара» и не имея возможности накапливать богатства, т.к. в соответствии с Хабзэ, среди дворян накопительство считалось дурным тоном, адыгская знать зачастую просто раздает полученные средства и иные материальные блага своим подданным. Великолепное, элегантное, абсолютно нетрадиционное и вместе с тем эффективное решение!

Еще один великолепный образчик, как сейчас любят говорить, инновационности адыгской системы — это средство соблюдения законов и порядка.

Обычно, как мы знаем, правители издают свод законов, который граждане должны изучить, знать, может и не любить, но жить по ним. Для соблюдения законов создается громоздкий механизм их трактования, пропагандирования и, в конце концов, принуждения людей к их исполнению в виде полицейского аппарата, тюремной системы и т.д.

Что делает Хабзэ? Он исключает все эти элементы и просто переводит все законы в этические нормы поведения, в привычки людей, в естественный для них образ жизни, а средством их толкования делает само общество. Оно же и принуждает «отбившихся от рук» соплеменников к порядку. Всё. В этой системе не нужны десятки томов законов и сотни полицейских. Воспитываясь в ней, человек, условно говоря, не будет хулиганить и дебоширить не потому, что боится наказания по какой-то мифической статье УК, а потому, что у него к этому нет привычки — в системе его социальных ценностей это не принято и именно поэтому такой подход намного более эффективен, чем угроза наказания за неисполнение навязанных тебе кем-то извне требований. Прекрасное решение!

О результатах действия кодекса Хабзэ писал долго проживший на Западном Кавказе и, скорее всего, бывший разведчиком англичанин Джеймс Белл: «Общественное мнение и установленные обычаи — вот что, кажется, является высшим законом в этой стране; в общем, я могу только поражаться тем порядком, который может проистекать из такого положения дел.

Немногие страны, с их установленными законами и всем сложным механизмом правосудия, могут похвалиться той нравственностью, согласием, спокойствием, воспитанностью — всем тем, что отличает этот народ в его повседневных взаимных сношениях».¹

Образцы подобных решений мы видим практически во всех сферах адыгского общества, еще один пример — это ситуация с торговлей, когда Хабзэ передал практически всю внутреннюю торговлю в руки так называемых «черкесогоев» — армян, которые издревле жили на территории адыгских народов и занимались почти исключительно торговыми операциями, а внешнюю торговлю — в руки турок и геноуэзцев. Это позволило адыгам сконцентрироваться на решении своих геополитических задач, и в то же время сделало Черкессию еще более привлекательной для турок, которые получали с Северного Кавказа не только рабов, жизненно необходимых для существования Османского государства, но и имели немалые прибыли непосредственно от торговых отношений с черкесами, что, в свою очередь, среди турок — торговой нации — только усиливало позиции адыгов, как союзного и интересного Блистательной Порте народа.

Система была идеальна. Она полностью вписывала адыгов в существующую геополитическую картину того мира и устанавливала все отношения строго в соответствии с требованиями замкнутого турецко-крымско-черкесского мира. Она была настолько эффективна, а внешние условия настолько неизменны, что в адыгском обществе не было потребности в её изменении.

¹ Дж. Белл. «Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг.», Нальчик. 1974

Общественная система адыгов делала именно то, что было надо для воспроизводства существующего положения — она воспроизводила саму себя. Но ведь мир-то менялся!

Мир менялся! И в этом-то и заключалась главная проблема кодекса Хабзэ — он являлся прекрасным решением только для закрытого общества, в котором и для которого и был создан, а мир вокруг Черкесии менялся.

И пока с XV по XVIII вв. внешние условия в регионе были неизменны, он представлял из себя великолепный механизм устройства общества, лучше которого создать, наверное, было невозможно. Если бы ничего не менялось, то такое мироустройство могло продолжаться сколь угодно долго. Но при изменении внешних условий, при начале влияния на адыгские народы других внешних сил Хабзэ был просто бесполезен, а в действительности даже вреден, потому, что был создан совсем для другого и не имел возможности к саморегуляции. В этом заключалась огромная проблема для всего адыгского общества. Представьте себе самолет, который прекрасно летает, демонстрирует великолепнейшие полетные качества, но который разбивается так как у него заканчивается топливо, а возможность зайти на посадку в нем технологически не предусмотрена потому, что создавали его совсем для другого — для того, чтобы он летал! Таким было адыгское общество того времени. Его создавали для другого — для абсолютно специфического турецко-крымско-черкесского мира, в котором адыгам было хорошо и откуда они не стремились выглянуть и хотя бы просто оглядеться вокруг.

Как и любая замкнутая система, Хабзэ был крайне неприспособлен для этноконкуренции с другими

социальными системами. И здесь его универсальность и эргономичность играет с адыгами роковую шутку. Дело в том, что отвергая социальные институты, которые в рамках тех — закрытых — условий действительно были не нужны, он вычеркивает из жизни адыгов целый спектр социальных отношений, без которых в те времена прогресс уже был решительно невозможен, что, рано или поздно, при открытии системы, при её столкновении с открытым и высококонкурентным миром, обрекало адыгов на тяжелое поражение.

Существуют несколько причинно-следственных цепочек, ряд последовательностей, многие из которых, кстати, были разработаны еще Марксом и Энгельсом, каждая из которых непринципиальна сама по себе, но влечет за собой другую, третью, и все вместе они приводят к результатам абсолютно противоположным первичному успеху, достигнутому в самом начале цепочки.

Смотрите: в адыгском обществе не было постоянной дружины — в ней нет надобности, т.к. профессиональное войско дворян её с успехом заменяет. Это благо? Допустим. Торговля отдана чужестранцам и представителям хоть и местной, но не коренной, узкой прослойки. При этом, своей монеты князя не чеканят, используя турецкую. Хорошо ли это? Наверное, т.к. в конечном итоге усиливает заинтересованность протектора в союзнике и освобождает потенциал народа для других, более продуктивных вещей. Допустим и это. Система закрыта и закрытость эта всячески поддерживается. Тоже, видимо неплохо. Система соблюдения законодательства перенесена с привычной нам бумажной и принудительно насаждаемой формы на уровень менталитета и привычек народа. Просто отлично, т.к. человек охотнее будет

делать то, что у него в привычке, чем то, к чему его вынуждают навязанные ему законы.

В реальности же это все приводит к тому, что у адыгов — не кочевого народа — не развиваются города, т.к. исторически города образуются в процессе стихийного стягивания народа в то место, где есть постоянная дружина и укрепления, которые могут его защитить.. Нет городов — значит власть не концентрируется в руках у сильнейших феодалов, а размывается по множеству мелких князьков и властителей. Нет городов и нет сильной власти, значит не чеканится своя монета, а если еще при этом коренное, как сейчас говорят, «титульное» население практически исключено из процесса товарообмена, то можно быть уверенным, что товарно-денежная система будет находиться в крайне отсталом состоянии. Если это так, то не получает сколько-нибудь серьезного развития ремесленничество, а именно из него, как мы знаем, в дальнейшем вырастают более передовые инструменты регулирования общественного строя и именно из-за него зарождаются глубинные процессы, в конечном итоге ведущие к прогрессу — первоначальное накопление капитала, активное развитие торговли, внешних связей. Нет серьезного уровня ремесленничества, значит, не развиваются стратегически важные виды деятельности — добыча и переработка металлов, производство своего вооружения и, следовательно, страна зависит от его импорта, что крайне опасно в условиях блокады. Нет прописанных законов — значит изменить систему будет очень сложно и долго, т.к. переписать законы легко, а изменить менталитет народа — нет. И так далее.

То есть, несмотря на всю внешнюю комфортность своего временного существования, адыгское общество было очень рудиментарно и в структурном плане сильно отставало от остального мира, лежащего за пределами треугольника Турция-Крым-Черкесия. Но проблема адыгов заключалась еще и в том, что всего этого они не знали — поскольку система была закрыта, она воспроизводила сама себя и не брала лучшее из внешнего мира, как это было, например, в Петровской Руси. Черкесия замкнулась в турецко-крымском мире, успокоилась и не пыталась из него вырваться. То есть, по злой иронии судьбы, из-за того, что вся система Хабзэ была очень удачна и комфортна черкесы даже не могли понять насколько к XVIII-му веку она стала опасна и погранична.

В этих условиях даже неважно кто пришел бы в регион — Россия или другая страна, неважно каким образом — мирным или военным — открылась бы эта система — неминуемое, безальтернативное приведение адыгского мира в соответствие с далеко от него ушедшим окружающим миром все равно повлекло бы за собой мощнейшую, чудовищную ломку всего адыгского общества.

Когда развивающийся и более прогрессивный внешний мир начинает приоткрывать границы замкнувшегося в себе закрытого общества, то любая, повторюсь, закрытая система может сделать три вещи: 1. Уйти от приближающегося мира, оставив свои законы и устои нетронутыми, как это делали, например, русские староверы, бежавшие на Север и в Сибирь, и продлившие свой собственный мир на несколько десятков, а то и сотен лет, 2. Исчезнуть или измениться в соответствии с условиями, по примеру Японии, которая после нескольких

сотен лет самоизоляции в XIX веке открылась и европеизировалась за какие-то 30—50 лет, либо 3. Воевать с остальным миром, пытаясь оттолкнуть его от своих границ, закрыться опять и тем самым продолжить традиционный ход событий и воспроизводство самой себя. Другого выхода из этой ситуации история человечества нам, к сожалению, не предоставляет.

Сначала черкесы не решились уйти от общества — все-таки их было не 5 человек, как в семействе алтайских отшельников Лыковых. Понять, как народ в целом, что пришла пора меняться, что новые условия, в виде прихода России на Кавказ — это очень и очень серьезно они тоже не могли — кодекс Хабзэ структурно не содержал в себе механизма осознания собственного несовершенства и, следовательно, изменения. Оставалось одно — война. И здесь очень важно осознавать то, что с эволюционной точки зрения, воюя против российских войск, адыги защищали не столько свою жизнь и родную землю, чего можно было добиться другими, более эффективными способами, но тот закрытый, со всех сторон плотно закупоренный мир, в котором им было комфортно и сыто, но который из-за отсутствия этноконкуренции уже давно отставал от общественного развития и поэтому был обречен.

Это ключевая, базовая причина поражения адыгских народов в Кавказской войне. Все остальные факторы, которые любят выставлять в качестве причин, например, разница в численности, вооруженности русской и адыгской армий, их тактики и т.д. являются производными от него, и сами по себе должны быть объяснены именно этой причиной. Это был слом закрытого, отставшего в развитии общества, которое могло существовать

только в пределах геополитической системы турецкого притяжения при выполнении одной, специфической задачи. Вне системы этого притяжения адыгское общество не могло выдержать этноконкуренции и было обречено на оглушительное поражение.

Без понимания этого фактора невозможно понять и в комплексе объяснить глубинные причины поражения адыгских народов в Кавказской войне. И то, что об этом не пишут современные историки, концентрируясь на более легких для восприятия лубочных картинках адыгских садов, либо на бедах, которые принесло неминуемое поражение адыгов — это беда современного адыгского общества, которое опять, как и во времена пиши и тлекотлешей, не видит истинных причин явления и воспитывает свое общество, свою молодежь не на реальных, глубинных причинах, не на сущности событий, а на смаковании их внешних, трагических проявлений, а, значит, опять обречено стать нелюбимой игрушкой в руках капризной Мадам Истории.

АРМИЯ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Я очень не люблю популярную фразу «Армия — это зеркало общества». Как правило, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это либо совсем не так, либо данная фраза нуждается в массе уточнений. Правда, к армии адыгов и к их обществу это не имеет отношения — здесь все совпадает вплоть до мелочей.

Вооруженные силы адыгов того времени строятся в полном соответствии с данной мною геополитической картиной. Поняв её, многое из истории Кавказской войны начинает представлять совершенно в другом свете.

Во-первых, это была армия, которая строилась в условиях отсутствия смертельного врага. Как уже говорилось выше, начиная с татаро-монгол, никто не приходил на Западный Кавказ для того, чтобы истребить, живущие там народы, устроить свою власть или серьезно изменить их образ жизни. Потенциально, в случае возникновения подобных ситуаций, для их решения должна была бы привлекаться армия покровителя черкесов — Турции, но по факту, учитывая, что, как минимум, до середины 18-го века, Турция была самой влиятельной силой в регионе, примеров таких посягательств не было. Во-вторых, в существовавшей геополитической структуре перед адыгами стояла совершенно четкая военная задача — обеспечение собственной безопасности посредством усиления покровителя и снабжения его «живым товаром».

Армия, отвечающая таким условиям должна быть очень специфической, не похожей на большинство военных формирований других стран и народов. Для неё были не важны стойкость, оборонительные качества, умение отстаивать свою, либо захваченную территорию. Адыгская армия должна была стать исключительно армией наступления, даже не просто наступления, а армией глубокого броска и первого удара. Её основной задачей должно было стать быстрое и скрытное выдвижение на территорию неприятеля, мощный первый удар, захват пленных и имущества и быстрое отступление на свою территорию без втягивания в тяжелые позиционные бои на земле неприятеля.

И адыги создали такую армию.

Поразительно, но как все адыгское общество было очень тонко «заточено» под геополитическую задачу Черкесии, так и её армия полностью, до мельчайших деталей

отвечала задачам, которые ей ставило общество. Этой армией стала блестящая, великолепная конница. Её сила и боевые качества были настолько высоки, что даже через 150 лет после поражения адыгов в войне о ней восторженно отзываются все без исключения историки и бытописатели событий. По своей силе черкесская конница превосходила все конные части российской армии — ни драгуны, ни гусары не могли с ней тягаться и только кавказские казаки, перенявшие у черкесов их тактику, повадки и вооружение — все вплоть до одежды, были в состоянии состязаться с адыгами на равных.

Черкесская кавалерия

В структуре более близкой нам современной армии адыгскую конницу можно сравнить с Воздушно-Десантными войсками — в профессиональном отношении они также выше других родов войск, также предназначены для действий в тылу противника, также имеют только легкое вооружение и также обладают ореолом превос-

ходства и романтики. Для юношей служить в ВДВ престижно, для государства же обладание десантными войсками — предмет гордости, патриотического воспитания граждан и удобный случай для демонстрирования этих войск на всяческих парадах и учениях. Все это хорошо. Но здесь есть одна проблема. ВДВ — это вспомогательный род войск, он не выигрывает войн. У адыгов же были только ВДВ.

Одно из основополагающих правил современной военной стратегии гласит: «если противник слегка превосходит тебя во всех видах войск, у тебя еще есть возможность победить его. Но если он имеет всеобъемлющее, подавляющее, кардинальное преимущество хотя бы в одном виде войск — ты проиграл».

В Кавказской войне речь о лёгком преимуществе даже не шла — из четырех применявшихся видов войск у адыгов существовал только один — конница. Начиная с самых ранних стадий своего присутствия на Кавказе, Россия имеет там сбалансированный армейский контингент, созданный в соответствии с передовой на то время военной стратегией. В него входят практически все имевшиеся тогда у нее виды войск, каждый из которых предназначался для совершенно определенного вида операций и был для этого соответствующим образом экипирован и обучен. Из пехоты мы видим гренадеров и мушкетеров, составлявших костяк войск — основу для операций захвата и обороны территорий; егерей — легкую пехоту, предназначенную для действий в горно-лесистой местности и глубоких наступательных операций, а также крепостные батальоны — части, предназначенные для позиционной обороны, создания опорных

пунктов войск и усиленные для этого инженерными, медицинскими и тыловыми подразделениями.

Широко применялась самая разноплановая артиллерия — от крепостной, которая должна была защитить русские оборонительные сооружения, до, как её тогда называли, легко-конной — мобильной артиллерии, следовавшей с войсками в наступлении. К числу видов войск, участвовавших в войне, необходимо причислить Черноморский флот, чья роль в блокаде адыгов с моря и препятствовании поступлению им помощи со стороны Турции и некоторых других держав огромна и, к сожалению, до сих пор еще мало изучена. Ну и, конечно же, традиционный вид войск для Кавказа — кавалерия. Здесь Россия имела немало драгун и гусар — традиционную европейскую кавалерию, представлявшую собой основу этого вида войск в Европе и казаков — практически аналог кавалерии черкесской, использовавшийся, кроме прочего, для пограничной службы и разведывательных операций в тылу.

Не стоит, кстати, думать, что казаки были исключительно конниками — с переселением на Кубань Запорожской Сечи, её представители принесли с Украины традиции прославленной запорожской пехоты, стойкость и эффективность которой изумляла многие европейские государства. Будучи помещенным в условия Кавказа, это дало такой феномен, как пластуны — легкая пехота, применяемая для кордонной службы, наступления, и глубоких точечных операций в тылу противника, то, что, возвращаясь к сравнению с ВДВ, мы сейчас называем спецназом. Вот, что пишет о потомках запорожцев — черноморцах

Теофил Лапинский — интереснейший человек, поляк, воевавший вместе с черкесами против русских: «Их конница превосходна и приобрела опыт в вечной войне, но еще лучше их пехота, которая не имеет себе равной в Кавказской армии. Они вооружены охотничьими карабинами, и абазы говорят, что они предпочитают иметь дело лучше с целым батальоном русской пехоты, чем с сотней черноморских стрелков».¹

У адыгов практически ничего этого не было.

Черноморские казаки-пластуны

Если об использовании пехоты можно говорить в плане противодействия вырубкам просек в лесах, редким действиям плохо обученной горской бедноты, защите аулов или нападениям на крепости, хотя, конечно, пехотными действиями

¹ Т. Лапинский. «Горцы Кавказа». Библиотека сайта «Восточная литература».

в классическом смысле это назвать ни в коем случае нельзя, то флота и артиллерии у адыгов не имелось совершенно.

Артиллерии у черкесов не могло быть В ПРИНЦИПЕ. Её использование противоречило всей идеологии создания черкесских воинских формирований, предназначенных для быстрого и скрытого выдвижения в тыл противника, одного сильного удара, захвата пленников и такого же быстрого возвращения на свою сторону. В набег, требующий от нападающей стороны очень высокой динамики, не пойдешь с тяжелыми пушками. К XVIII веку, да и позже, черкесы не имели ни знаний, ни навыков, ни практики применения артиллерии и, что более важно, даже не стремились овладеть этим потому, что само использование артиллерии означало бы изменение всей военной тактики и стратегии, а в условиях Хабзэ это было решительно невозможно.

Хроники того времени дают нам обрывочные упоминания об артиллерии в связи с черкесами — то, по слухам, где-то в окрестностях нынешнего Майкопа у абадзехов появляется беглый русский капитан, формирующий из дезертиров команду артиллерийской батареи, то турецкий паша Анапы обещает дать 15 пушек, то во время боя с отрядом Фабрициана адыги захватывают пушку, но к концу сражения русские отбивают её назад. Иоганн Бларамберг пишет: в 1828 году в районе Анапы «черкесы получили от турок 8 пушек, которые еще находятся у них; но, по уверениям некоторых из наших соотечественников, они не умеют ими пользоваться, и эта артиллерия не представляет для них никакой пользы — ни

во время их набегов, ни для защиты их территорий».¹ Другой иностранец — Э. Спенсер подтверждает его слова: «если бы горцы знали ценность хотя бы только легких гаубиц, то без сомнения русские были бы полностью истреблены если бы попытались пройти через внутреннюю часть страны».² Примеров реального использования адыгами артиллерии в бою за редчайшими исключениями не встречается. И это в то время, когда российские войска используют орудия повсеместно и совершенно в массовом порядке. Только в Усть-Лабинской крепости, нынешнем городе Усть-Лабинске, по плану застройки должны были находиться 79 пушек, 2 гаубицы и 4 мортиры.³

Лишь в самом конце войны, в 1857—1858 гг., мы встречаем осознанное и тактически грамотное применение артиллерии адыгскими войсками. Это делают бойцы Т. Лапинского, который привез черкесам несколько пушек и, что очень важно, европейских канониров-профессионалов. Во время первого сражения против русских войск в апреле 1857 г. поляки применили 2 пушки и сделали из них 12 выстрелов. Несмотря на то, что для адыгов это была революция в военном отношении, подобное использование артиллерии все равно было ничтожно мало для какого-либо серьезного противодействия русским. Один пример: по штату 1765 г. обычное

¹ И. Бларамберг. «Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа». Библиотека сайта «Восточная литература».

² Э. Спенсер «Путешествие в Черкесию» г. Майкоп. 1994 г.

³ К.В. Скиба. «Из истории «Малой Кавказской Войны» на Кубанской Линии». Диссертационная работа. Армавирский Государственный педагогический институт. 2005.

неартиллерийское подразделение российской армии — Суздальский мушкетерский полк, которым командовал «генерал-победа» А.В. Суворов и который позднее был переформирован в Тенгинский пехотный полк (где, кстати, служил поручик М.Ю. Лермонтов) и послан на Кавказ, имел по штатному расписанию 4 орудия с боекомплектом в 600 выстрелов гранатами, ядрами и картечью.

Несмотря на неумение горцев использовать артиллерию, Англия с конца 1850-х гг. снабжала их как орудиями, так и определенной новинкой того времени — конгреговыми ракетами, неким прототипом «Катюши», запускавшимися с переносных станков. Русское командование очень серьезно относилось к этим переменам и видело в них немалую опасность, так, генерал Филиппсон считал, что 100 конгреговых ракет, удачно пущенных ночью по Екатеринодару, могли бы сжечь весь город.

Кстати, в подходе к использованию артиллерии народы Западного Кавказа отличаются от народов Кавказа Восточного. Шамиль, например, придавал артиллерии очень большое значение. У него практически постоянно было больше десятка орудий и, мало кто знает, но он не просто где-то доставал их, а занимался отливкой! Причем, мастерами в этом деле у него были русские дезертиры — солдаты и офицеры, по каким-то причинам оставившие свои части и перешедшие на сторону чеченцев.

В таких условиях, при наличии достаточного количества войск, российская армия могла вести практически любые военные операции в полном соответствии с развитием военной науки того времени — от построения

прочной и эшелонированной обороны в тылу своих войск, до глубоких наступательных операций на вражеской территории, с блокированием отдельных районов, либо всей черкесской территории, в том числе с моря, с разрушением материальной базы адыгов, с постройкой опорных пунктов и укреплений в тылу врага и т.д. Адыги же были обречены постоянно прибегать только к одному виду операций — быстрому и короткому нападению по принципу «ударил-отошел», причем, как на территории, занятой российскими войсками, так и на своей земле во время наступательных операций русских войск.

Вот два типичных примера адыгских операций того времени:

Август 1823 г.

«40 «беглых» кабардинцев появились под ст. Воронсколесской, схватили 2 казаков за станичной оградой и ускакали за Кубань. 10 сентября — «значительная шайка» напала на Сухопадинские хутора с. Александрия. Часть горцев захватила табун и погнала его за Кубань, другая устроила засаду. На рассвете они напали на обоз (2 человека убиты, остальные захвачены в плен), затем захватили стадо с 4 мальчиками и ускакали за Кубань. 12 сентября — партия «отхватила» на р. Тохтамыш большой табун ногойского князя Мусы Таганова, но была замечена в 3 верстах за Кубанью и настигнута 40 казаками сотника Гласкова. Табун был отбит, казаки гнали горцев до вершин Подкумка. Потери казаков — 1 убит, 2 ранено».¹

¹ К.В. Скиба. «Из истории «Малой Кавказской Войны» на Кубанской Линии». Диссертационная работа. Армавирский Государственный педагогический институт. 2005.

Май 1807 г.

«Несколько тысяч конных черкесов, под предводительством князя Султан-Гирея... напали на ст. Воровсколескую. В ней находилась штаб-квартира донского полка войскового старшины Ф.М. Персиянова... развернулся большой бой, в Воровсколеском редуте отбивались окружённые егеря 16-го полка и драгуны Нижегородского полка. В конечном итоге донцы Персиянова (52 казака вместе с ним) и часть линейцев смогли спасти часть жителей, полковые знамена и орудие, «положив на месте» до 300 горцев. От полной гибели станицу спасли подоспевшие 2 эскадрона нижегородцев с артиллерией: они прогнали партию. Потери: убито много людей, горцы захватили в плен 136 мужчин и 179 женщин, забрали скот и имущество. Во время боя в станице, была захвачена в плен семья Персиянова (жена, приёмная дочь и 2 внуков). Горцы потребовали 1000 рублей, таких денег у него не было. Они были взяты в долг из войсковых сумм Войска Донского, поручителем стал полковник Быхалов 1-й. Семью Персиянова выкупили, но через год, когда подошёл срок уплаты, расплатиться он не смог. Полковник Быхалов внёс в казну свои деньги».¹

Это нормальные, эффективные военные операции. С их помощью можно нарушить военную инфраструктуру в тылу врага. Можно нанести ему ущерб. Можно захватить пленников и потом выгодно продать их. Такими операциями можно озлобить врага так, что он потом не будет щадить ни женщин, ни детей во время захвата черкесских аулов. Есть только одна вещь, которую такими

¹ К.В. Скиба. «Из истории «Малой Кавказской Войны» на Кубанской Линии». Диссертационная работа. Армавирский Государственный педагогический институт. 2005.

операциями достичь нельзя. Ими нельзя выиграть войну. Здесь мы начинаем подходить к ответам на вопрос, заданный ранее: почему, имея возможность выставить 200 тысяч бойцов, в ходе войны адыги так и не сделали этого. Тут не может быть какой-то единого, рубленного ответа в стиле Магницкого: «дважды два — четыре», постепенно, вы начнете видеть некоторые составные части ситуации, так, чтобы затем у вас сложилась достаточно полная картина.

Еще в начале русско-адыгского противостояния после нескольких болезненных поражений черкесы поняли, что лобовые столкновения больших конных масс с регулярными войсками, действующими в правильном боевом порядке с использованием пехоты и артиллерии, заведомо проигрышны и могут привести только к большим потерям. Уже тогда это становилось правилом войны и не зависело от того кто и против кого его применял. Точно также в 1815 г. при Ватерлоо потерпела поражение конница великого Наполеона, когда 40 эскадронов французских уланов и кирасиров, этих «последних солдат последней войны» — разбились в попытке прорвать несколько каре английской пехоты генерала Веллингтона.

Понимание этого правила коренным образом изменило тактику черкесов и практически исключило из их военных операций действия большими отрядами. Адыги не могли, не имели права действовать большими массами. Столкновение черкесской армии в 200 тыс. всадников с русским регулярным войском, пусть даже гораздо меньшим по количеству, неминуемо привело бы адыгов к быстрому и тотальному поражению, после которого им было бы крайне трудно оправиться. Вместо

этого черкесы избрали тактику малых групп — тактику нападений и отходов, тактику засад, стремительных конных рейдов с быстрым оставлением захваченных населенных пунктов, тактику внезапных атак и таких же внезапных отступлений. Это была типичная партизанская война, а её не ведут огромными армиями.

Кстати, в этом тоже проявилось отличие войны на Западном Кавказе с войной на Востоке. Чеченцы, дагестанцы и аварцы под командованием своих имамов, все-таки использовали гораздо более многочисленные соединения. Во время самого большого сражения на Кавказе, состоявшегося летом 1847г. — осады укрепленного аула Салты — с обеих сторон принимало участие по 30 тыс. человек. Это было очень серьезным количеством. Достаточно сказать, что Суворов штурмовал Измаил, имея 30 тыс. солдат в то время как в нем оборонялись 35 тыс. турок; 30 тыс. — это современная армия Грузии до последнего солдата. Кстати, эта осада прочно вошла в мировую историю, но не из-за количества войск, принимавших в ней участие и не из-за того, что длилась ни мало, ни много — два месяца. Именно там, под Салтами, мало кому тогда известный русский полевой хирург Николай Пирогов впервые применил в полевых условиях наркоз.

Принципы и побудительные мотивы формирования российской и черкесской армии, а также нравы в них царящие тоже очень сильно различались. Российская армия представляла собой типичный продукт вертикально ориентированного государства с принудительной системой формирования армии, регламентированными правами и обязанностями военнослужащих, достаточно суровой дисциплиной и всепроникающим военным

планированием. При огромной степени внутренней не-свободы, принуждения и наказания подчиненных, беспрекословного повелевания ими, как того требовали тогда и требуют сейчас Воинские Уставы, части российской армии являлись единым механизмом, попадая в жернова которого, любой человек вне зависимости от его звания, подчинялся чьей-то чужой воле и входил в систему, которая распоряжалась им без его участия — от момента поступления на воинскую службу, до отправки его подразделения и его самого на конкретные воинские операции и до выдачи ему разрешения на увольнение со службы. Именно так достигались координация действий, концентрация усилий и, в конечном итоге, исполнение замысла высшего руководства.

Что здесь странного? — спросите вы — Это же обычный способ построения и функционирования любой армии.

Нет, не любой. В адыгской армии все было по-другому.

Система Хабзэ выстраивала общество и, как следствие, армию, абсолютно на других принципах — на принципах индивидуализма, прото-демократии и уважения личной свободы. Военные формирования адыгов были абсолютно непохожи на русские части — они представляли из себя группы более-менее равных людей, с ярким чувством индивидуализма и уважения к окружающим, с отсутствием чинопочитания и стремления выслужиться. Об этих сторонах адыгского менталитета англичанин Дж. Лонгворт пишет: «смирность... сочеталась в них с полнейшей независимостью характера и основывалась, как и у всех наций, склонных к церемонностям, на уважении к самому себе, когда другим

тщательно отмеривается та степень уважения, которую требуют и для себя».¹

Если российский солдат служил, подчинялся дисциплине, воевал и умирал потому, что так было надо и потому, что ему так приказывали, то черкес воевал или из-за экономической необходимости или из-за славы.

Мотивы достижения славы, почета и уважения были очень сильны в адыгском обществе и адыгском дворянстве того времени. Слава и почет были одними из высших ценностей, при этом набеги и захват невольников в той системе адыгской ментальности были как раз тем инструментом, посредством которого слава и достигалась. Хан-Гирей описывал это так: «...прекрасные стремления к прославлению нередко заставляют черкесов делать с истинным самоотвержением добро и защищать невинность. Но эта благородная черта характера, к сожалению, часто обезображивается, так сказать, косвенными понятиями черкесов о славе: они нередко проливают потоки крови, подвергают свою жизнь опасности, и все это лишь для приобретения воинственной славы».²

«Честь и слава натухаджей, шапсугов и абадзехов заключается в том, чтобы вернуться из набега нагруженными богатой добычей и привести с собой множество пленников; в этом единственный их талант, единственная наука, будь то князь или вассал» — говорит о том же самом Фридрих Дюбуа.³

И если для российских колонистов черкесы во многом выглядят варварами, которые устраивают вне-

¹ Дж. Лонгворт. «Год среди черкесов». Нальчик, 2002.

² Хан-Гирей. «Записки о Черкесии». Нальчик.1978

³ Ф. Дюбуа де Монпере. «Путешествие вокруг Кавказа», Библиотека сайта «Восточная литература».

запные нападения и захватывают людей, то изнутри адыгского общества ситуация выглядит совершенно по-иному. Следование строгому кодексу чести, стремление к славе, отказ от материальных благ, аскетизм в повседневной жизни, готовность к испытаниям и лишениям делают адыгов последними рыцарями Европы.

Вот что пишет уже известный нам Дюбуа: «Обычно представляют себе черкесов сборищем разбойников и дикарей без веры и закона; думая так, ошибаются. Современное состояние Черкесии знакомит нас с цивилизацией Германии и Франции во времена их первых королей. Это — образец феодальной рыцарской аристократии средних веков, героической аристократии античной Греции».¹

Тема сходства адыгских воинов-дворян с европейскими рыцарями, к сожалению, еще мало изучена, она еще ждет своего вдумчивого исследователя и благодарного читателя, но даже первые сопоставления тех и других поражают своей точностью. Сравним несколько фраз:

«Поле чей дом, война чей обычай» — строка из адыгской песни, говорящая о том, что жизнь адыгского дворянина была полна тягот и лишений и не имела ничего общего с роскошью и негой. — «Избранное мною поприще не позволяет и не разрешает ездить иначе. Удобства, роскошь и покой созданы для изнеженных столичных жителей, а тяготы, тревоги и ратные подвиги созданы и существуют для тех, кого обыкновенно называют странствующими рыцарями»² — фраза из «Хитроумного идадьго Дон Кихота Ламанческого» Мигеля Сервантеса.

¹ Ф. Дюбуа де Монпере. «Путешествие вокруг Кавказа», Библиотека сайта «Восточная литература».

² М. Сервантес «Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанческий». Москва, 1988

«В вашей земле есть кто, если дружить, чтобы достойным другом был, если враждовать, чтобы достойным врагом был?» — сказание о кабардинском князе Алиджуко, странствовавшем по черкесским землям и искавшим с кем можно сразиться. — «Он почел благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет»¹.

Сравнение с Дон Кихотом, может быть, несколько гротескно, но не надо забывать, что в его образ Сервантес вложил концентрированную сущность рыцаря, наделил его всеми теми качествами, которые были присущи европейскому рыцарству в целом. Индивидуализм, уважение, самоуважение, независимость, гордость, стремление к славе — это прекрасные жизненные принципы. Что может быть лучше? Неудивительно, что современные адыгские этнографы и историки подчеркивают это, сравнивают с российской армией, где, по правде говоря, было мало похожего, и выставляют это в качестве доказательства превосходства адыгской системы над российской, указывая, что у адыгов уже тогда была более совершенная, более демократичная и более похожая на современную структура общества и нравов.

¹ М. Сервантеса «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». Москва, 1988

Глубочайшее заблуждение! Именно такие нравы, во многом, и привели адыгов к поражению. Они дали им армию, которая была неспособна к организации и дисциплине, к скоординированным действиям, к восприятию лидера и к единой системе управления. Это была армия, которая могла ходить в красивые набеги, когда «дорогие шлемы, кольчуги и налокотники — горели и сверкали под лучами июньского солнца». Это была армия, представители которой совершали прекрасные подвиги, которыми народ восторгается и поныне, армия, в которой воины имели высокие индивидуальные боевые качества. Это было войско Дон Кихотов. «К счастью, они никогда не могут собрать... силы воедино по причинам внутренней вражды и полнейшего отсутствия дисциплины и средств для содержания в течение определенного времени такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду также и их воинственный характер; они были бы просто непобедимы в своих краях.... они не признают ни дисциплины, ни субординации ... каждый волен отправиться к себе домой, когда ему заблагорассудится, что они частенько и проделывают, особенно если их отряды находятся неподалеку от их жилищ», пишет И. Бларамберг.¹

Им противостояла совсем другая армия — где царила дисциплина, но не индивидуальность, где люди служили не для славы, а из чувства долга и по приказу, где офицер мог ударить или выпороть солдата, где инициатива и свобода решения подменялись командой, тщательным плани-

¹ И. Бларамберг. «Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа». Библиотека сайта «Восточная литература».

рованием и исполнительностью. В ней было скучнее служить, чем в черкесской. Её задачей было не ходить в красивые и выгодные набеги, добывая почет, а стоять и умирать в грязи и в собственной крови, если этого требовал приказ, а если не умер, то подниматься и идти дальше, шаг за шагом захватывая землю и не уходя с неё, как во время набега.

Это были разные армии. И проблема адыгов была в том, что они имели армию первого типа, в то время как им позарез был нужен тип второй. Дон Кихоты остаются в истории, они стяжают славу, о них пишут книги и их любят женщины. Но они не выигрывают войн!

Здесь, кстати, в полной мере проявился еще один парадокс Кавказской войны о котором почему-то никто не пишет. Абсолютно понятно, что в условиях существовавшей организации общества в долгом периоде адыги не могли выиграть эту войну. Здесь не может быть никаких вариантов. В коротком же периоде, для того, чтобы сдержать русскую колонизацию края, растащить войну на как можно более широкую территорию и распылить российские войска, не дав им возможности широкого наступления — надо было действовать именно так как и действовали черкесы!

Иоганн Бларамберг описал это интересным образом: «черкесы никогда не могут сконцентрировать в одном месте все свои силы, но, с другой стороны, их никогда нельзя победить окончательно и полностью, так как они постоянно появляются и исчезают. Разрушение их аулов не приносит много пользы, так как у них всегда есть под рукой материал, чтобы построить новые».¹

¹ И. Бларамберг. «Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа». Библиотека сайта «Восточная литература».

То есть, по воле случая или целенаправленно, но война на Кавказе неестественно затянулась — если бы адыги воевали активно и массово, то проиграли бы сразу и война бы закончилась в течении нескольких лет. Но, учитывая то, что они представляли опасность на всей огромной протяженности границы и, принимая во внимание то, что Россия в это время вела немало войн и Северный Кавказ не был главным приоритетом, первый этап русской военной колонизации края был очень долг, процесс концентрации войск, необходимых для наступления по всему огромному фронту затянулся, но как только они там появились адыгов уже не могло спасти ничто.

СОЮЗНИКИ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

У англичан есть пословица, которую я периодически примеряю к разным ситуациям, звучит она так: «It is dangerous to underestimate an enemy, but it is even more dangerous to overestimate an ally» — Опасно недооценить врага, но еще более опасно переоценить союзника.

Мудрая, очень правильная пословица! Примеряя её к ситуации в Черкесии, можно сказать однозначно: адыги сделали обе эти роковые ошибки.

Первым и самым серьезным союзником адыгов, особенно в начальном периоде конфликта, была Османская империя. Это понятно — Турция была центром того мира, к которому относилась себя Черкесия, она жила в нем, трудилась для него, получала из него разные блага и надеялась на его защиту в случае критического нападения. Общая ситуация в мире и доминирование Турции в Малой Азии, Кавказе и Предкавказье обеспечили адыгам несколько веков процветания и спокойной

жизни, что для Кавказа, да и вообще для того времени, было очень неплохо. Черкесия замкнулась в турецко-крымском мире и не пыталась из него вырваться. Она не позволяла туркам вести себя с адыгами, как хозяевам и в одном эпизоде даже силой отбросила турецкие войска, когда те попытались основать крепость без согласования с черкесскими князьями, но в действительности же отношения Стамбула с горскими народами Западного Кавказа можно назвать полувассалитетом или зависимым союзничеством.

Проблема союза с Турцией заключалась в том, что когда помощь Турции действительно потребовалась, она уже не могла её оказать.

К тому моменту Турция изменилась. На рубеже XVIII в. Турция уже не обладала той всепобеждающей силой султана Мехмеда II, которая когда-то сокрушила основы одной из величайших в мире империй — Византийской. К этому моменту Блистательная Порта выглядит еще внушительно, но корни её могущества уже подгнили. Начинает ухудшаться экономическая ситуация, османы терпят ряд болезненных поражений, таких, как военная катастрофа под Веной; по сути, с середины XVII в. Турция проигрывает войны практически всем державам, с которыми воюет — Польше, Австрии, Венеции, России и теряет крупные территории. На Кавказе начинает восходить звезда России.

Ничего этого адыги не знали и жили все еще старыми реалиями. По воспоминаниям современников, вера адыгов в Турцию на первом этапе войны была поистине безгранична. Они не понимали почему самый сильный правитель на Земле — турецкий султан не может просто приказать «нечестивым русским» обратиться из земли

своих союзников — черкесов. По крайней мере с начала 18-го века адыги усиленно просят Турцию предоставить военную помощь. Речь идет как о посылке войск, так и воинского снаряжения. «Черкесы боятся, чтобы дело, наконец, не дошло и до них, то они и ищут покровительства высокой монархии и ни за что не подчиняются России... если бы когда-нибудь высокая монархия показала им свою благосклонность, они сделались бы рабами ея» пишет турецкий историк Джавдет-паша.¹

Черкесы неоднократно посылали депутации к султану, выражая преданность, прямо напоминая о своем вассалитете и прося помощи. Добрый султан не отказывает. Вопрос в том, что в его глазах ситуация выглядит абсолютно иначе, совсем не так, как она виделась черкесам. Это не он будет помогать адыгам, как это предполагалось по негласным законам адыгско-турецких отношений, наоборот, это они своими жизнями и своей землей будут помогать ему продлить агонию некогда великой слабеющей империи. В его глазах Черкесия была естественным препятствием между Россией, повсюду наступавшей на турецкие интересы и основной территорией Османской Империи и в интересах Турции было её сохранить. Планы Турции в отношении адыгов нам раскрывает тот же Джавдет-паша: «Что касается империи, то видя что для водворения спокойствия на границах Анатолии, ей надо было привлечь и приласкать народы Кавказа и этим средством добыть себе необходимые силы для противодействия русским».²

¹ Джавдет-паша. «История Турции». Перевод с турецкого. Русский архив, 1888.

² Там же.

Турция всеми силами старается втянуть адыгов в войну с Россией, обещает им всяческую помощь, передает оружие и продовольствие, организует снабжение и т.д. Но до открытой помощи дело не доходит. Известна лишь одна попытка координации военных действий адыгов с турецкой армией и предоставление им прямой военной помощи — в 1790г., во время очередной русско-турецкой войны 1787—1791гг. турецкий сераскир Батал-паша, начальник Анапы и Сунджука (ныне Новороссийск), перешел Кубань, но через полтора месяца был разбит не успев соединиться с кабардинцами, кстати, сам Батал-паша попал в плен.

Турция не могла помочь адыгам ничем существенным. И хотя до самого поражения адыги сохраняют связи с Турцией, прислушиваются к её обещаниям, принимают от неё помощь, вера в султана уже потеряна и адыги начинают поиск других союзников.

Следующим таким союзником стала Англия.

С 1820-х гг. Черкесия попадает в зону её интересов. И тут ей открывается совершенно другой мир с другими законами, с другими задачами и движущими силами.

Если интересы Турции в то время были исключительно защитного характера и заключались в сохранении влияния дряхлеющей империи в зоне своих традиционных интересов, то устремления Англии были сугубо агрессивного свойства. В этот период происходит активный передел мира и интересы Англии начинают сталкиваться с интересами России на землях, далеких от исторического Московского княжества или графства Йоркшир — в Северной Америке, на Дальнем Востоке, в Малой и в Средней Азии. Неудачи страны в какой-либо точке мира повышали шансы её соперника на победу в другом

его конце, который от первого могли географически отделять многие тысячи миль или километров.

Складывалась ситуация, когда трудности Англии на Североамериканском континенте увеличивали шансы России на колонизацию Дальнего Востока, в то время, как увязание Петербурга в турецком вопросе давало возможность Лондону пройти Афганистан и первым приступить к покорению среднеазиатских эмиратов. Причем, в этом отношении Англия ничем не отличалась от России — обе стороны вели абсолютно одинаковую политику — если Англия поддерживает черкесов, а потом и турок против России, то сама Россия помогает молодым Североамериканским Соединенным штатам, подталкивает Иран к нападению на английский Афганистан, науськивает афганцев против англичан и провоцирует восстания в английских владениях в Китае.

Таким образом, обращение черкесов за помощью имело исключительную ценность для англичан. Оно давало им доступ к болевой точке России, ковыряя пальцем в которой, Лондон реально мог замедлить экспансию Москвы на другие территории.

Причем, если связь с воюющими против России черкесами действительно могла помочь Англии, то оказать какое-то влияние на их собственную судьбу она была изначально не в состоянии. Изначально. Думаю, что английские лорды, заседавшие в Вестминстерском дворце прекрасно понимали, что в то время, да и во многом сейчас, схема покровительства и протекции работает при двух условиях — если одна из сторон намного, значительнее, кардинальным образом сильнее другой, либо если государство, оказывающее протекцию, находится

рядом с государством, попросившим о ней и может оперативно и постоянно поставлять свои войска и материальную помощь. Ни то и не другое не было случаем Англии и Черкесии, а значит англичане прекрасно понимали всю безнадежность ситуации горцев и преследовали исключительно свои собственные цели.

Ни победа, ни поражение черкесов не были в интересах Англии. Наиболее благоприятным исходом событий для Туманного Альбиона являлась ситуация, при которой русские войска были бы скованы на Кавказе и вынуждены были бы только усиливать свою группировку.

Пока русские полки стояли на Кубани, Тереке и Белой, Санкт-Петербург не мог перебросить их на Амударью, Мургаб, Тигр, или Пяндж, где они вошли бы в зону английских интересов и стали бы угрожать жемчужине Британской короны — Индии (как, кстати, впоследствии и случилось!).

*Черкесские послы в Лондоне убухи
Хаджи Хасан и Констан Охо Ихмел*

Таким образом, задачей Англии было поддержание ситуации перманентного полу-поражения России и полу-победы горцев. Примеряя эту ситуацию к реалиям современной жизни, можно сравнить её с тем, как человек приходит к стоматологу с жалобой на зубную боль, а тот вместо помощи обеспечивает ему состояние постоянной боли на долгие-долгие годы.

Лондон и Стамбул обеспечили такую боль адыгам. Помогая им, ни Турция и ни Англия не дошли и изначально не хотели дойти до прямой военной помощи. Даже в момент наибольшего обострения ситуации — во время Крымской войны, когда английские и французские войска стояли совсем рядом с Кавказом, когда дальнейшая судьба России на юге была неочевидна, а вопрос совместного выступления с горцами просто витал в воздухе, ни Англия, ни Турция не только не предоставили черкесам прямой военной помощи, но и, наоборот, требовали от адыгов переправить в Крым 20 тыс. прославленной адыгской конницы.

Конец разговорам об английских обещаниях наступил очень просто, закономерно и цинично. В 1861г., когда русские войска начинали последнее наступление на то, что осталось от некогда обширной Черкесии, когда они были готовы сжать кольцо вокруг последних владений шапсугов и убыхов, и когда английская помощь была нужнее всего, Туманный Альбион и его колонии постиг неурожай пшеницы и старушка-Англия стала остро нуждаться в поставках хлеба из России. Тогда говорили, что цены на хлеб в Лондоне определялись на рынках Москвы.

На этом все возмущение Лондона имперской политикой России на Кавказе закончилось. А чего ждали адыги?

По сути, за несколько десятков лет российско-кавказского противостояния вся действенная помощь Турции и Англии горцам заключалась в снабжении их оружием и боеприпасами, в определенном, ничего не решающем, противодействии российской блокаде черноморского побережья и в настраивании европейского общественного мнения в горском вопросе против России. Все эти элементы могли навредить России, но помочь адыгам и повлиять на исход войны они, естественно, были не в состоянии. При этом самым главным элементом общения как турок, так и англичан с горцами были обещания. Ни Лондон, ни Стамбул на них не скупился. На любом этапе Кавказской войны находился кто-то, кто обещал горцам золотые горы и самую серьезную поддержку в обмен на продолжение их боевых действий против российских войск. Естественно, в результате войны этот «кто-то» оказался в выигрыше, в то время как черкесов постигла самая большая катастрофа за все время их существования как этноса.

Не вызывает сомнения, что если бы с самого начала войны народы Западного Кавказа понимали, что втянуты в противостояние с одним из самых могущественных государств мира — с Россией — и помощи им ждать неоткуда, то и ход, и результат конфликта были бы совсем иными, а этническая и экономическая ситуация на Северном Кавказе существенно отличалась бы от того, что мы имеем теперь.

К внешним факторам, приведшим адыгов к поражению, стоит отнести и торговлю, а вернее, торговлю внешней. Точно также как и в ситуации с армией, внешняя

торговля очень четко отражала роль и место Черкесии в турецко-крымском мире. В этом мире адыгские народы филигранно точно заняли свою нишу, делали то, что он них ожидали и получали то, что им могли дать. В то время уже в полной мере шло создание системы международного разделения труда современного типа и адыги тут были не исключением.

Сама система разделения труда, как мы знаем, достаточно проста — государство концентрируется на производстве того товара, который оно может делать лучше всего — для которого у него есть ресурсы, обученный персонал, который ему обходится дешевле, чем соседям и т.д. На производство именно такого товара оно направляет свои основные производительные силы. В то же время, излишняя концентрация на одном товаре лишает его возможности производства других, не менее важных для своей жизнедеятельности товаров, но особой проблемой это не является, т. к. излишек своего основного продукта государство всегда может обменять на рынке на такие же излишки продуктов других стран. Это стандартная, простая и правильная формула. Но так ли она проста?

Дело в том, что насколько эта формула хороша в спокойное, мирное время т.к. позволяет народам и странам добиваться максимальной экономической выгоды, настолько же она рискованна и даже просто губительна в моменты потрясений и войн! Если происходит что-то очень серьезное и государство не может выйти на рынок, чтобы обменять продукты своего труда на другие, то оно потерпит катастрофу, потому, что останется с излишком одного, ненужного ему товара, не имея в распоряжении другого — жизненно необходимого!

В системе турецкого мира, в системе тогдашнего разделения труда специализацией Черкесии был тот товар, который адыги могли достать в избытке. Рабы. Это была стратегическая статья экспорта. «Затраты кавказских горцев на войну компенсируются их природной неприхотливостью, добычей от непрестанных набегов, но прежде всего этой позорной торговлей живым товаром»¹, пишет испанец Хуан Ван-Гален, граф Перакампус, служивший в 1810-х гг. в Нижегородском драгунском полку на Кавказе.

Почти все остальные экспортные статьи не так интересны — это мед, шкуры, просо и т.д. — ничего интересного и особенного, ничего из того, что могло бы выделить черкесов из ряда других народов Северного Причерноморья и Кавказа. Единственными видами высококачественной и конкурентной на международном рынке продукции, которые могло дать адыгское ремесленничество в условиях Хабзэ были ювелирные изделия, богато украшенные доспехи и тонко инкрустированное оружие. Но подобного рода предметы являются штучными и их доля в общем товарообороте была совсем невелика.

Абсолютно иначе обстоит дело с импортом.

Если мы взглянем на структуру того, что адыги ввозили, то есть того, что они покупали в основном на вырученные от продажи невольников деньги, в глаза сразу бросится то, основные статьи импорта приходятся на крайне нужные, жизненно необходимые, стратегические для черкесов товары. Это соль, порох, железо, стволы для огнестрельного оружия, клинки для холодного, оружейные замки, одежда, ткань и т.д. Без этих вещей

¹ Хуан Ван-Гален. «Два года в России», Библиотека сайта «Восточная литература».

ни нормальная жизнь, ни, тем более, война невозможны и тот, кто перекрывал для черкесских народов доступ к этим продуктам мог рассчитывать на многое — на их ослабление, на подрыв материальной базы, на их БОльшую сговорчивость при переговорах, на скорый выход всех либо части адыгских народов из войны. По-другому быть не могло. Настолько губительна для адыгов была внешняя зависимость от этих продуктов!

Давайте взглянем повнимательнее на ситуацию, в которой оказались адыги. Соль. Соль в тот период была стратегическим товаром для многих и многих стран. Своих соляных копей у адыгов не было, ближайшие солончаки находились в Закубанье — рядом с русской крепостью Прочный Окоп, в районе нынешнего Армавира, и о том, чтобы иметь к ним свободный доступ говорить не приходилось. Существовала технология выпаривания соли из морской воды в огромных медных чанах, однако она была крайне непродуктивна и занимались ею, скорее, от безысходности.

Важность соли для людей того времени имела мало общего с их гастрономическими пристрастиями. Соль была синонимом их выживания, синонимом их экономического могущества и благосостояния. Без соли — специальных соляных камней — начинался падеж скота — основы благосостояния адыгской семьи; без соли нельзя было заготовить продукты на зиму, причем, не надо путать, речь идет не современных банках с лечо, которые делают во многом из блажи, а о продуктах первой необходимости — таких как соленое мясо, без которого бы зимой пришлось голодать; без соли невозможно было выделывать кожи, что тоже шли на экспорт и приносили людям какой-то заработок и т.д. Жизнь без соли была решительно невозможна!

Порох собственного изготовления в Черкесии был очень плохим — он был слабым, с трудом воспламенялся и был сложен в производстве. Неплохой порох делали в горной части Грузии — в Тушетии, но уже с начала XIX века, эта территория отходит к России и покупать его там становится нереально, лучший же порох шел морем через Турцию из Англии и Франции.

Важность железа и изделий из него, особенно для воюющей страны очевидна. Нужно сказать, что своей железной руды и, следовательно, своего производства у адыгов практически не было — только достаточно бедные рудники в Абадзехии. Почему-то малоизвестен тот факт, что знаменитые черкесские шашки, которые совершенно справедливо стали гордостью адыгов и были взяты на вооружение кавалериями нескольких стран, включая казаков — известных всадников и мастеров владения холодным оружием — начиная с XVII века в своей массе производятся из привозных клинков, в основном из Европы и носят известнейшие в мире клейма заводов Золингена, Пассау, Генуи и т.д. В наше время при продаже старинных шашек на аукционах нередко их описывают так: «шашка, XVIII век, изготовление — Северный Кавказ, клинок — Золинген, клеймо мастера — волчок».

Качество местной оружейной стали, как правило, было довольно низким и поэтому популярность шашек из европейских клинковых полос была настолько велика, что местные кузнецы, производя холодное оружие, нередко ставили на него подделанные европейские клейма! До наших дней дошли несколько таких шашек, клинки которых имеют, скорее всего, кустарное происхождение и вместе с тем носят явно подделанные клейма

известнейших европейских оружейников. Основными импортерами готовых клинков или шашечных полос — их заготовок — были турки и генуэзцы, завозившие их ежегодно в массовом количестве. Такая же ситуация наблюдалась и с ружейными стволами и замками. Чтобы воевать, надо было иметь возможность приобрести абсолютно необходимое огнестрельное и холодное оружие. Оружие надо было купить!

И вот здесь у адыгов начинались проблемы.

Строго говоря, эти проблемы можно было предсказать с самого начала и тот из черкесских лидеров, кто все же решался начать войну с Россией, видя, что зависимость адыгов от продуктов первой необходимости для жизни и для войны была практически абсолютна и, в конце концов, они могут оказаться вынуждены приобретать эти продукты у той страны, против которой воюют — у России, должен был очень и очень хорошо подумать. Это как если бы Адольф Гитлер (да простят меня адыги за сравнение!) решался начать войну против, допустим, Румынии, зная, что топливо для своих танков, наступающих на Бухарест, он должен будет покупать у Румынии же. Очень серьезное, мягко говоря, неоднозначное решение! Что явилось причиной того, что адыги его в конечном итоге приняли, мне лично понять непросто.

Естественно, командование российских войск на Кавказе в полной мере использует в игре свалившиеся на них с неба торговые козыри. Оно перекрывает адыгам доступ ко всему к чему может перекрыть и допускает к «благам цивилизации» только «мирных», по их мнению, адыгов. Это относится и к поставкам соли, к продаже им железа и ко многим другим вещам. То есть, Россия

использует ущербность традиционной экономической модели горских народов и зависимость адыгов от предметов первой необходимости в качестве дополнительного средства нажима на горцев, их ослабления и замирения. Но до 1832г. эта политика приносит только частичный успех и только с теми народами, которые живут далеко от моря. Причина заключалась в необыкновенно активной приморской торговле между адыгами с одной стороны и турками с другой. Сколько бы русские войска не перекрывали поступление соли и железа немирным адыгам, эти продукты ежедневно поступали в Черкесию морским путем. Здесь, кстати, можно вспомнить Спенсера, который попадает в Черкесию на корабле, везущем именно соль и железо.

И тогда в 1832г. российское командование принимает решение о морской блокаде Черкесии. Важность этого шага трудно переоценить. Мне непонятно почему современные историки, и историки прошлого не включают этот шаг в длинный список самых важных событий Кавказской войны, изменивших её ход и результат. Начиная с 1832г., российские корабли блокируют все Черноморское побережье с моря, а на суше в местах впадения в море значительных рек, т.е. там, где обычно находились невольничьи и простые рынки, российская пехота строит крепости.

Мы и сейчас прекрасно знаем эти места! Кто из нас не бывал в Сочи, в Туапсе, в Геленджике, в Джубге, в Новороссийске, в ряде других причерноморских городов и поселков! Именно там вырастали российские крепости и именно такие места службы считались среди солдат самыми опасными. Парадоксально, но о важности этого шага, неприемлемости для адыгов прекращения

торговли и о том, что с установкой крепостей в торговых местах русское командование попало в точку говорит тот факт, что если раньше адыги практически никогда не захватывали крепостей и захватить их особо не пытались, то в 1840г., ценой неимоверных усилий и больших людских потерь адыги штурмом одну за одной берут сразу несколько крепостей. Но уже очень скоро российские войска отстраивают их вновь.

Начиная с этого момента и за исключением небольшого периода после Крымской войны, когда Россия лишилась Черноморского флота, адыгское побережье в значительной степени контролируется и блокируется российским флотом с моря, войсками на побережье и дипломатической деятельностью в Турции. Э. Спенсер писал об этом: «ни один корабль не может покинуть Эвксинского порта без разрешения русского консула... весь черкесский берег строго блокирован... купцы не смеют торговать с кавказскими племенами из страха быть потопленными или захваченными в плен».¹

Несмотря на это, говорить о полной блокаде адыгов нельзя — торговля все-равно продолжалась, но дело свое блокада сделала. Неожиданным образом характер торговли изменился. Вместо достаточно больших и заметных торговых кораблей, которые становились легкой добычей русских фрегатов и бригов, турки стали посылать к адыгскому побережью маленькие, практически незаметные суденышки под одним небольшим парусом. Представляете каков был размер этих лодок, если их специально подбирали с таким расчетом, чтобы они были в состоянии не только незаметно пересечь море и приблизиться к адыгскому берегу, но и зайти в маленькую,

¹ Э. Спенсер. «Путешествие в Черкесию», г. Майкоп. 1994

неглубокую речку, впадающую в море и скрыться за её лесистыми берегами с тем, чтобы во время погрузки не попасться на глаза российским морякам!

Вот что пишет участник тех событий: «Изобилие впадающих в него речек позволяло туркам приставать, куда им нужно; мелкие их суда держались к самому берегу и, так сказать, ныряли в реки, скрываясь от наблюдения крейсеров» — и дальше: «Он мне сообщил, что накануне замечены были два небольшие парусные судна, шедшие с юга на север; держались они к самому берегу, — это были подвозчики горцам военных припасов: они обыкновенно входят, стараясь быть незамеченными, в устья речек, углубляясь по ним сколько можно далее вглубь долин, и там выгружают свой товар».¹

Конечно же, много товара такие лодки взять не могли. Изменение объемов торговли и уровня её риска коренным образом и крайне резко изменило саму структуру адыгского экспорта, вычеркнув из него все «мирные» статьи и оставив только основную — невольников. Думаю, что никто не ожидал такого поворота событий. Турки отказывались брать на борт что-то кроме невольников. Им не было смысла подвергать себя огромному риску с тем, чтобы привезти домой 30 дешевых шкур или 20 бочонков меда — теперь они брали только дорогой «живой товар». Кроме того, теперь на таких лодках они не могли привезти необходимые адыгам вещи в достаточном количестве, а, значит, без предметов первой необходимости черкесская экономика начала задыхаться, а боеспособность черкесов неминуемо падать.

¹ Г. Самсонов. «Из записок старослуживого», Русский вестник, №10. 1892, Библиотека сайта «Восточная литература»

Кстати, на первом этапе, это еще больше раскрутило маятник войны, т.к. многие люди, лишившись своего традиционного, не невольничьего, дохода, искали другие средства заработка. Что делает человек в наши дни, когда ему урезают зарплату? Устраивается на вторую работу! Но проблема была в том, что в условиях узкой специализации, невозможности продать обычные продукты и традиционно высокого спроса на невольников, «работа» в Черкесии того времени была одна — ходить в набеги и захватывать рабов! Это было то, что видный кавказовед профессор Марк Блиев называл «жизнеобеспечивающими набегами горцев на равнины» — это когда в набег ходят не из-за благородной ненависти, а просто «для дома, для семьи».

В коротком периоде это как-то могло помочь горцам, но в длинном это был полный тупик.

Произошла ситуация, описанная мною в начале главы — Черкесия потеряла возможность обменивать свой товар на свободном рынке. Для страны с узкой специализацией это означало экономическую катастрофу и конец. Все, что произошло дальше было уже сугубо делом времени. Начиная с этого момента, адыги были обречены. Даже если бы у России было на Кавказе в 10 раз меньше войск, даже если бы не было наступления 1859—1864гг., это мало бы помогло адыгам. Теперь вопрос стоял так: что наступит раньше — истощение и обнищание адыгов, которое должно было привести их к покорности, либо лишение их боеспособности из-за недостатка материальной базы, оружия и боеприпасов и бескровное, но военное окончание конфликта по этой причине. Вот так узкая специализация Черкесии, её практически полная зависимость от продуктов первой необходимости того

времени вкупе с состоявшейся блокадой означали неминуемую гибель Черкесии, растянутую по времени.

Иной раз просто поразительно, как жизнь подтверждает теоретические и исторические выкладки.

*В описании своего плена барон Торнау говорит о том, как во время его пребывания в плену у кабардинской семьи, жившей в Абадзехии, те испытывали очень большие проблемы из-за прекращения торговли и хождения денег: «Осенью тридцать седьмого года обе жены Алим-Гирея, его дочери и маленькие сыновья совершенно обносились; даже у моей приятельницы Аслан-Коз число рубашек и шаровар быстро уменьшалось. Богатый стадами, лошадьми и оружием, Алим-Гирей все-таки не имел средств купить им холста и самых простых материй для ежедневного употребления. Турки, доставлявшие горцам разный товар, не меняли его иначе как на девушек и на мальчиков».*¹

Тогда Алим-Гирей украл абадзехскую девочку из соседнего селения, продал её туркам и получил за нее ткани. Естественно, после этого родители девочки стали мстить — у семьи, которая владела бароном, стал пропадать скот, сгорало сено, в конце концов, кого-то убили, в конфликт вмешалось общество и принудило семью помириться.

Другой внешний фактор, приведший адыгов к поражению, опять же кроется в уникальной структуре адыгского общества, сформировавшейся в условиях очень тесной и точной встроенности адыгов в систему

¹ Ф.Ф. Торнау. «Воспоминания кавказского офицера», Библиотека сайта «Военная литература».

крымско-турецкого мира — в кодексе Хабзэ, в системе ценностей, в социальных договоренностях различных слоев общества. Он тоже был одним из тех пограничных, рискованных факторов, который однозначно работал на благо системы в период её закрытости и неконкурентности, но после «открытия» системы стал столь же однозначно работать против неё.

Это — черкесогаи, армяне, появившиеся на Западном Кавказе с XIII в. и резко увеличившие свое количество с начала века XVIII, в основном, из-за турецких и азербайджанских притеснений в местах их традиционного проживания. В условиях Хабзэ — с его запретом высшему сословию заниматься торговлей, да и вообще, небольшой престижности торговли среди воинственного и трудолюбивого адыгского населения, армяне быстро нашли свою нишу и быстро стали востребованы адыгским обществом. Они практически замкнули на себе всю внутреннюю торговлю, ориентированную как на движение товаропотоков внутри черкесских земель, так и на доставку товаров на побережье для их продажи туркам и генуэзцам. Это была крайне важная задача! Как писал И. Бларамберг об адыгах, «торговля рассматривается у них как презренное занятие. Горец, привыкший жить разбоем и грабежом, считает соответственно их образу мыслей, что значительно более благородно подарить вещь украденную, чем продать свою собственную. Хотя горец вынужден покупать вещи, которых ему недостает, или выменивать их на местные изделия, он считает, что быть купцом чрезвычайно тягостно, и презирает это... Торговлей вразнос по всему Кавказу занимаются армяне, которые переносят все тяготы и опасности

такого вида торговли, чтобы иметь огромные барыши, которые можно извлечь из этого».¹

Востребованность черкесогоев в адыгском обществе, их вес и влияние были настолько велики, что за весь рассматриваемый период истории из неадыгов только они и выходцы из высшего сословия Крымского ханства — Гирей — получали в Черкесии дворянское звание. Причем, Гирей получали его просто по факту рождения, черкесогои же заработали.

Весь первый период войны — практически до начала 1820-х гг. — черкесогои не проявляют особого беспокойства. Они спокойно живут на черкесских землях, трудятся, пользуются благосклонностью адыгов. Более того, не выступая открыто против русских, в этот период армяне, по факту действуют на стороне черкесов; используя свое положение торговцев и возможность под благовидными предлогами проникать в расположение русских войск, они шпионят против русских в интересах адыгов. Тому есть немало примеров, так, в одном из донесений того времени говорилось: «Закубанские армяне» посещают Линию для торговли и доставляют горцам «вернейшие сведения...к вреду российских подданных».² Таких армян приказывают ловить, не пропускать через кордоны и т.д.

Ситуация меняется, наверное, с приходом Ермолова. Положение в крае обостряется, боевые действия значительно активизируются, кавказские народы начинают

¹ И. Бларамберг. «Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», Библиотека сайта «Восточная литература».

² К.В. Скиба. «Из истории «Малой Кавказской Войны» на Кубанской Линии». Диссертационная работа. Армавирский Государственный педагогический институт. 2005.

терпеть болезненные поражения. Это мало способствует успеху торговли — торговля вообще не любит грома пушек. Мало по малу, черкесогаи начинают понимать, что на Кавказ пришел новый Хозяин — Россия и это меняет их поведение.

Постепенно из русских донесений исчезают данные об армянах-шпионах и начинают появляться сводки об армянах, желающих перейти на сторону русских. Начинается массовый исход черкесогаев с адыгских земель. Причем, как правило, уходят они полностью, со всем семейством, скарбом, стадами и денежными накоплениями. В то время в документах казачьих линий можно часто прочесть нечто подобное: «Закубанские Армяне Дударук Чагупов, Хапак и Борок Багарсуковы жительствующие на Атакуме близ Абина изъявляют желание переселиться к нам из за Кубани для чего намерены... перевести постепенно (не заметным для черкес образом) свое состояние в разном имуществе заключающесь».¹

Русское правительство поощряет уход черкесогаев. Оно даже стимулирует его, дает армянам земли, помогает административно. Так, одним из основателей города Армавира, расположенного в Краснодарском крае, становится начальник Кубанской линии генерал-майор барон Г.Ф. фон Засс, достаточно кровавый и безжалостный по отношению к адыгам человек. Когда в 1836г. группа черкесогаев обращается к нему с просьбой «принять их под покровительство России и дать им средства поселиться вблизи русских», барон лично получает у верховных властей страны разрешение на их переселение

¹ В.И. Колесов. «Из истории черкесогаев Богарсуковых // Historia Caucasica: Региональный исторический сборник научных статей». Выпуск 2. Краснодар, 2004.

из горных районов на Кубань, и выделяет им место, где был основан город, названный в честь древней армянской столицы — Армавир. Кстати, семья Богарсуковых не затерялась в водовороте истории. Выйдя на российскую часть Кубани и переведя свое состояние, они строят и владеют доходными домами в Армавире, имеют обширную торговлю, уже к началу XX в. становятся одними из богатейших купцов Кубани. Дом их потомков можно видеть и сейчас — это одно из самых красивых зданий в Краснодаре, в наши дни в нем располагается краеведческий музей им. Е.Д. Фелицына.

*Краснодарский государственный
историко-археологический музей им. Е.Д. Фелицына.*

Но вопрос не в том, что происходило с армянами, а как их исход повлиял на ситуацию у адыгов. Торговля — это

движитель экономики, её концентрированная сущность. Как могло повлиять на экономику то, что какая-то группа людей концентрирует всю торговлю в своих руках, а потом вдруг уходит и торговля прекращается? Представьте, что завтра вы проснетесь, а торговли не будет. Не откроются магазины, не заработают рынки, не выйдут утренние газеты. Позавтракать вы еще сможете потому, что в чулане припрятан мешок картошки с дачи, но вот на работу вам придется идти уже пешком, потому что билет на маршрутку вам тоже не продадут — торговля закончилась!

Примерно такой же эффект это оказало на экономику Черкесии — она умирала. Зажатая в тисках экономической блокады, Черкесия была обречена.

Конец мог настать раньше или позже, но после 1830г. он был уже неминуем.

РАЗНОГЛАСИЯ

Для вдумчивого и аналитически настроенного читателя, который впервые знакомится с историей Кавказской войны и читает хронологическое перечисление операций, выдаваемое некоторыми «специалистами» за глубокое историческое исследование, ход войны на Западном Кавказе может представлять большую загадку.

Военная хроника выглядит сумбурным, хаотичным нагромождением выступлений отдельных адыгских этносов из 12 тогда существовавших: в таком-то месяце такого-то года против русских выступили кабардинцы, потом натухаевцы, потом выступили шапсуги, потом бжедуги с абадзехами, затем выступает объединенное адыгское войско, но когда начинаешь вникать в детали, то оказывается, что под объединенным войском автор

понимал представителей всего 3 или 4 этносов. Единственное глубокое чувство, которое выносишь после такого прочтения — это удивление: что же мешало им выступить вместе? Нам, привыкшим к описанию войн, где операции тщательно разрабатываются, призывной контингент проходит плановую мобилизацию, войска концентрируются на ключевых направлениях, а весь тыл трудится не покладая рук под лозунгом «Все для фронта — все для победы!», трудно понять как армии и полки могут действовать без координации усилий и выступать поодиночке, не исполняя стратегический замысел главного командования, а добиваясь каких-то своих тактических целей, не известных никому, кроме их самих.

Но еще большее удивление постигает исследователя-аналитика, когда он приступает к изучению отдельных операций российской армии, в частности, по взятию аулов.

Очень часто это выглядит так: русский отряд выдвигается, окружает аул, начинает брать его штурмом, жители аула, включая стариков, подростков и иногда даже женщин, оказывают героическое сопротивление, стоят до конца, из соседнего аула может подойти помощь, которая вступит в бой и, обстреляв русские линии и повернет назад. Но вот аул взят, войско выдвигается к следующему черкесскому аулу и все начинается снова. Точно также происходило и с целыми черкесскими районами и местами проживания адыгских этносов — войска приходили, брали аул за аулом, район за районом, преодолевая сопротивление жителей этого района и, изредка, отбивая помощь, посланную черкесам из соседнего района, в который они приходили позже и жители которого тоже стояли до конца ...

Что-то здесь не так. Вы не находите?

Тут есть что-то странное, что за внешним героизмом защитников не сразу бросается в глаза. Здесь другая логика событий.

Нам, воспитанным на практике последних войн, трудно понять иную логику сражений. Тем более, что по значению этой войны, по её трагизму и последствиям — для адыгов это действительно была война уровня Великой Отечественной. Но у неё была совсем иная логика, не та, что была в 1941 или 1945 году. Для большего понимания этого факта давайте примерим её на события той, последней Великой войны.

Представим, что немцы вероломно начали войну и наступают на Брестскую область. Все жители Бреста героически сражаются с врагом, несут тяжелые потери, им на помощь приходят добровольцы из соседней Гомельской области. Идут кровавые бои. А в это время в самой Гомельской области жизнь течет своим чередом — работают заводы, играют свадьбы, дети ходят в школу, люди уходят в очередные отпуска, в кинотеатрах показывают «Волгу-Волгу». Но вот Брест пал и немецкие войска входят в Гомельскую область. Теперь уже Гомельская область вступает в тяжелые бои. И стар, и млад берут в руки оружие, идут на передовую и показывают чудеса героизма. Им помогает отряд добровольцев из соседней Смоленской области. Бои идут за каждую деревню, за каждую улицу и за каждый дом. Но вот, сопротивление защитников сломлено и немцы выдвигаются к Смоленской области. А в это время по ночному Смоленску гуляют парочки, а в кинотеатрах показывают зажигательную «Волгу-Волгу», а на селе колхозники бурно отмечают Праздник урожая....

Это выглядит абсурдом, не правда ли? Но ведь во время Кавказской войны все было именно так!

В чем тут причина? Не буду томить читателя — проблема сумбурных выступлений адыгских отрядов и иной, непривычной нам логики событий в том, что адыги были крайне разобщены и разрознены. Это никоим образом не похоже на подаваемый нам порой образ Кавказской войны, как сопротивления единого народа захватчикам, а в действительности это прямо противоположно такому утверждению.

Разрозненность адыгов в основе своей не имеет ничего общего с Кавказской войной как таковой — она была всегда.

«Тысячи интересов разделяют этот народ на множество племен и независимых родов, завистливым взором следящих друг за другом, ревниво оберегающих свою свободу и зачастую разъединенных навсегда ужасным законом крови, законом мести, который увековечивает на многие столетия ненависть между племенами или отдельными родами и семьями. Этот дух независимости и недоверия проявляется в их нравах, характере их жилищ, их законах»¹, пишет Ф. Дюбуа.

Причина этой разобщенности абсолютно понятна — нахождение разных адыгских этносов на разных ступенях общественного развития, отсутствие концентрации власти и её распыленность между множеством мелких феодальных властителей, более-менее равные силы основных этносов и жестокая внутренняя конкуренция. По другому быть просто не могло и для воспроизводства системы, существовавшей не-

¹ Ф. Дюбуа де Монпере. «Путешествие вокруг Кавказа». Библиотека сайта «Восточная литература»

сколько столетий. Не должно было быть! В той системе адыгского мироустройства в целом ряде ситуаций адыги выступали по отношению друг к другу не как союзники, а как конкуренты и соперники и необходимости в сильном лидере-объединителе у них не было — Черкесия прекрасно жила без него много-много лет! В условиях отсутствия смертельного врага, разобщенность адыгов не могла представлять им глобальную опасность. Так, наличие 5 тыс. адыгов-темиргоевцев в крымском войске во время самой большой битвы в черкесской истории — Канжальской — никак не сказалось на последующую адыгскую историю.

Это, кстати, еще одна и далеко не последняя часть ответа на вопрос почему черкесы не выставили 200-тысячное войско, которое вполне в состоянии были выставить. Как его можно собрать если народ разобщен?

Если мы более пристально взглянем на проблему разобщенности, то увидим просто поразительную картину — адыги не могли договориться просто ни с кем. Они не всегда могли договориться с представителями своего этноса, очень редко договаривались о совместных действиях с соседними адыгскими народами, полностью провалили возможность объединения сил с народами Восточного Кавказа, ведущими свою войну с Россией, они не договорились и с родственными абхазами, и с союзными, благоволящими к ним и все еще сильными турками, ну и, конечно, договориться с англичанами они тоже не могли. Это было ненормально. Так не ведут войны, в которых решается судьба нации и уж точно ТАК в ТАКИХ войнах не выигрывают.

В этом отношении, кстати, черкесы были с одной стороны похожи на народы Восточного Кавказа, но с другой стороны, отличались от них. Несмотря на то, что чеченцы, лезгины, аварцы и множество других дагестанских народностей тоже враждовали между собой, в нужное время они смогли выдвинуть из своей среды сильного лидера, который властной рукой привел все эти народы к подчинению и заставил их выступить единым фронтом против России. Ничего подобного не было на Западном Кавказе. Мы наблюдаем здесь целую череду национальных вождей, каждый из которых был по-своему хорош и много сделал для достижения общей цели, но мог объединить максимум 2—3 адыгских этноса. К таким лидерам необходимо отнести в первую очередь Казбича Шеретлуко — легендарного шапсугского вождя, заставившего свой народ биться до конца, Магомед-Амина — ставленника Шамиля на Западе Кавказа, основной целью которого, как раз и было объединение

Казбич Шеретлуко

усилий чеченцев и черкесов, Сефер-бея Зана — не только военного лидера, но и первого адыгского дипломата, стремившегося втянуть в войну Англию и целый род

убыхских князей Берзеков. Но проблема в том, что, несмотря на общее дело и на их собственные достоинства, они практически ни в чем не могли достичь согласия!

История Кавказской войны просто пестрит примерами даже не просто разногласий, а открытой вражды — то здесь, то там воины оставляют свои отряды и возвращаются домой для осуществления кровной мести, В. Лапин пишет о том, как русский офицер-разведчик становится свидетелем того, как в черкесский аул привозят четверых односельчан убитых кабардинцами за попытку угнать табун,¹ Большая Кабарда соперничает с Малой, кабардинцы после нескольких лет войны, в большинстве своем, вообще отказываются воевать против России, хакучи не воюют с самого начала, убыхи враждуют с джигетами, джигеты не воюют против русских вообще и все вместе они интригуют против абхазов, но самое удивительное, это когда лидеры адыгов начинают воевать между собой — так войска Сефер-бея неоднократно «схватывались» с Магомед-Амином и в 1857 г., близ реки Туапсе даже нанесли ему довольно крупное поражение. Известно, что когда Теофил Лапинский прибыл со своим отрядом в Черкесию с горячим желанием помочь адыгам в их войне с русскими за свободу, то был очень удивлен тем, что Сефер-бей предложил ему объединиться и совместно воевать не против русских, а против Магомед-Амина.

Поразительно, но в тот время, когда война не то, что находилась близко, а когда она идет уже несколько десятков лет, когда пал весь Восточный Кавказ, пали Кабарда, Темиргой, почти вся Бжедугия, когда, забега

¹ В.В. Лапин. «Русская армия в Кавказской войне XVIII-XIX вв.», Санкт-Петербург, 2008.

вперед, до полного поражения горцев оставалось менее 10 лет, лидеры адыгов не находят ничего лучшего, чем драться друг с другом! Нам, воспитанным на воспоминаниях Жукова и Штеменко, сложно понять как такое может происходить.

Представьте, что зимой 1941 г., когда немцы стоят под Москвой, а передовая линия обороны проходит там, где сейчас находится Московская Кольцевая Автодорога, кавалерийский корпус Белова вдруг выходит из глубокого рейда по немецким тылам и всей своей мощью обрушивается на позиции дивизии Панфилова у Волоколамска!

Абсурд. Но ведь было именно так!

Разобщенность адыгов настолько глубока, что разногласия идут не только на горизонтальном — межэтническом уровне, но и на вертикальном — сословно-классовом. Во время всей войны шел процесс классового размежевания общества, причем, в том числе размежевания по самому основному вопросу — по вопросу ведения войны. Часть адыгского общества по своим внутренним очень серьезным причинам или просто устав от боевых действий и видя слабую перспективу в продолжении войны, склоняется к союзу с Россией и к прекращению военных действий.

При этом, неудивительно, что первой к этому приходит именно та часть общества, которая, исходя из принципов разделения адыгского общества по кодексу Хабзэ, и должна была в первую очередь вести войну — князья и дворяне. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос позднее, пока лишь скажу, что адыгская знать самых разных народностей практически сначала войны в значительном количестве переходит на русскую сторону.

И здесь происходит то, о чем было бы полезно знать сторонникам официальной версии о «добровольном вхождении» Кабарды, Черкесии и Адыгеи в Россию — народ не поддерживает дворян! Адыгский народ отказывается заключить мир с Россией и настаивает на продолжении войны! Можно по-разному трактовать это явление — как стремление адыгов к свободе, как невозможность жить под чьей-то доминантой, но, на мой взгляд, основная причина заключалась в другом — данное решение не могло быть принято в рамках все еще сильного мировоззрения адыгского общества того времени. Складывалась ситуация, когда, в глазах народа, знать отказывалась исполнять свое коренное, базовое, основное предназначение — отказывалась делать именно то, для чего она была создана и на что её уполномочил народ — на защиту себя от внешнего врага — и, естественно, народ протестовал против этого. Представьте это в реалиях нашего дня — вы берете на работу водителя автобуса, платите ему зарплату, выполняете какие-то его условия и вдруг потом, после этого он отказывается водить свой автобус и начинает уговаривать пассажиров ходить пешком! Пока система Хабзэ была еще хоть сколько-либо сильна, такие вещи в ней были невозможны.

Но система уже надламывалась! И свидетельством того был еще один фактор, еще одно «измерение», которое самым кардинальным образом влияло на способность адыгов собрать максимально возможное 200-тысячное войско: это очень трудно сделать когда народ воюет против... самого себя. Да, именно так. С первого и до последнего дня Кавказской войны в рядах русской армии было немало черкесов.

Вот биографии лишь двух черкесов на русской службе:

Султан Адиль-Гирей Магомет Гиреевич. Из черкесских крымцев — Гиреев. С 1835г. воспитывается в Первом кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. Произведен в корнеты с назначением «на Кавказскую линию и Черноморию». Среди прочих в 1847г. в составе Самурского отряда «награжден орденом святого Владимира с мечами и бантом», с 1847г. — адъютант при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом, «за отличие проявленное в деле при осаде аула Чох» награжден орденом святой Анны 2 степени. В 1850г. переводится в Кавказско-горский дивизион, а в 1852г. становится его командиром, в 1855г. находится со специальным заданием среди горцев. Позднее — командир Кубанского казачьего дивизиона, позднее — комендант Варшавы. В 1867г. становится генералом, состоит в свите Александра II, служит генералом по особым поручениям при наместнике Императора на Кавказе в Тифлисе. Младший брат известного адыгского историка Хан-Гирея, историк, публицист, один из первых адыгских просветителей, автор целого ряда статей и рассказов в основном о жизни и быте и обычаях горцев, а также о русско-кавказской войне.¹

Мозукоров Пшекуй Довлетчериевич, по одним данным бжедуг, по другим — шапсуг. В 1808г. поступает в Черноморское войско казаком. К 1849г. — генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1806—1812гг. Участник Отечественной войны 1812 г. «За отличие в делах против натухайцев» награжден в 1830г. орденом святого Владимира 4 степени. «За отличие в делах против шапсугов» 1831г. награжд. орденом святой

¹ А.В. Казаков. «Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI-начало XX в.» Нальчик, 2004.

*Анны 2 степени. «За Калаусское сражение 1821г». награжден орденом святой Анны 3 степени с мечами и бантом».*¹

Обратите внимание: *«За Калаусское сражение 1821г». награжден орденом святой Анны 3 степени с мечами и бантом»...* Да... Это он — Пшекуй Могуков — был тем умелым артиллеристом, чьи батареи решили исход сражения на Калаусском лимане.

Но было бы ошибкой сводить все только к боевым действиям.

Как гласит нелюбимая мной пословица — «Армия — это слепок общества», а горское общество было страшно расколото. После нескольких веков уютной замкнутости оно со всего размаху врезалось в реальный мир и не смогло понять как в нем себя вести. И этот раскол проходил не по нынешним демонстрациям с зелеными флагами и не по насаждаемым администрацией книгам о «палачах адыгского народа», а по судьбам реальных людей.

В то время, когда один Гирей — Султан руководит нападением на кубанскую станицу Воровсколесскую, где берет в плен семью войскового старшины Персиянова, другой очеркесившийся потомок бахчисарайских владык — Султан Хан-Гирей вступает в Кубанское казачье войско, участвует в русско-турецкой, русско-персидской войне, подавлении польского восстания, боях на Кавказе, за храбрость при взятии Анапы получает звание сотника, награждается 6 орденами, выходит в отставку в звании полковника и становится

¹ А.В. Казаков. «Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI-начало XX в.», Нальчик, 2004.

выдающимся просветителем своего края, публицистом, историком, реформатором...

В то время, когда кабардинский народ раскалывается пополам и половина его, желая продолжать войну с Россией, уходит на равнину, где за 300 километров от Кабарды основывает несколько новых аулов, в том числе стоящий и процветающий до сих пор (слава Богу!) аул Кошехабль, другой кабардинец — Шора Ногмов — записывается добровольцем в 1-й Волгский казачий полк, переводится офицером в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон в Петербург, пишет «Грамматику кабардинского языка» и «Историю адыгейского народа»....

Еще один черкес — кабардинский князь Казий Бекмурзин — добровольцем уходит в русскую армию, геройски воюет на Кавказе, за храбрость получает офицерские чины, ордена, выходит в отставку, становится членом «временного суда из князей» и... эмигрирует в Турцию, вместе с той частью своего народа, против которой он так геройски и так эффективно воевал в течении 17 лет.

Такой раскол, такая полярная разность во взглядах, в интересах и устремлениях целого народа, это конечно, настоящая, трагедия адыгов. И если некоторые адыгские историки называют Кавказскую войну Отечественной, то другие говорят, что, начиная с 1830—1840-х гг., её можно называть и Гражданской.

ВАРИАНТЫ СОБЫТИЙ

Могли ли адыги как-то изменить ход войны — свести её вничью или даже победить?

Да, могли. Можно сказать с уверенностью, что практически во всех периодах войны, за исключением, наверное, самого последнего, когда груз общих ошибок был настолько тяжел, а силы, собранные на Кавказе, настолько велики, что Россия по определению была не согласна ни на что меньшее, чем полная, безоговорочная победа; так вот, за исключением этого периода адыги реально могли повлиять на исход войны.

Могли.... Могли, но не могли! Могли потому, что всегда существовала возможность совершить какие-то определенные действия, которые привели бы черкесов как минимум к миру, а, возможно, и к победе; и не могли потому, что любые эти действия выходили за рамки того трехстороннего и уже отмершего мира, в котором был выпестован адыгский менталитет того времени. Эти решения требовали от адыгов выхода за рамки системы ценностей, сформировавшихся в турецко-крымско закрытом мирке и выросшего из него кодекса Хабзэ, а адыги были не в состоянии это сделать. Обстановка требовала от них того, что англичане называют «to look beyond the curtain» — дословно, «выглянуть за занавес» — раздвинуть границы, искать новые нестандартные решения вне существующих опций, но трагедия адыгов была в том, что занавес Хабзэ был все-таки слишком тяжел для них и пока он окончательно не упал, полузадавив народ, адыги могли мыслить только в рамках традиционных решений, заведомо, с самого первого дня противостояния обрекавших их на поражение.

Нужно было ждать. Ждать слома системы — каким бы путем он ни был достигнут. Возможно, это должно было случиться через боль. Боль всей нации. Ту боль, с которой, после столетней войны и поражения черкесов

мучительно отмирал Хабзэ, ту боль, с которой современники смотрели на униженных, морально раздавленных, потерявших ориентир черкесов, потерпевших оглушительный разгром в красивой рыцарской войне за славу. Ту боль, которая была во благо и через которую новое время, как мать, рожало новую, жизнеспособную нацию адыгов, вышедшую в реальный мир.

Говоря о вариантах, следует, конечно же, начать с возможности заключения мира с Россией.

Никто не хотел крови черкесов. Земли адыгов были всего лишь пятном на карте, через которые проходил почти геологический разлом интересов Англии, Франции, Турции и России. Да, России нужны были эти земли. Это звучит несправедливо для черкесов, но мир вообще несправедлив и если бы это была не Россия, то стала бы другая страна и точно с такой же степенью несправедливости эти слова звучали бы со стороны той же Англии.

Невозможно было оказаться в зоне интересов сверхдержав и быть независимым от них. Тогда и сейчас. Невозможно. Таковы правила игры. У адыгов было два варианта — либо осознать новую реальность и действовать соответствующим образом, либо начать упираться и пытаться толкать назад несущийся на тебя паровоз. Адыги толкали.

Но если бы они все-таки осознали реальность, то поняли бы, что в каждом из периодов войны было немало моментов, когда с Россией можно было заключить мир. На любых условиях.

Это было и в самом начале всей истории, когда Екатерина II за строительство крепости в Моздоке предложила дружбу, прислала кабардинцам в виде подарка

немалую сумму денег и согласилась на все их условия кроме одного — срыть крепость. Это было и потом — постоянно, когда отдельные части адыгских народов, отдельные князья, отдельные семьи «замирялись», после чего с ними тут же переставали воевать и начинали считать их своими, без учета национальности, веры и не вспоминая против кого они еще совсем недавно воевали. Это было и в 1837г., когда генерал Симборский, командовавший одним из отрядов на Черноморской линии, обратился к убыхам с предложениями о мире, утвержденными лично императором. Это было и в году 1861, когда Александр II предлагал адыгам альтернативу, которая позволила бы, как минимум, избежать трагедии последних лет войны.

По сути, возможность заключения мира была всегда. Адыгам нужно было просто отряхнуться от Хабзэ, осознать новую реальность и понять, как в ней жить. Но в массе своей этого не произошло.

Другой — реальной, правильной и исполнимой возможностью была полная реформация общества. Перевод общества либо в сторону крайнего ислама, либо в сторону полной европеизации. При этом, как мы сейчас видим, исламизация Черкесии не привела бы к победе — как не привела она к ней чеченцев, ни тогда — 170 лет назад, ни уже в наши 1990—2000-е гг. Единственным потенциально возможным вариантом оставалась европеизация — с принятием европейских обычаев, европейских наук и искусств, с развитием европейского производства, включая производство оружия, с принятием (что очень важно!) европейских принципов построения армии, в том числе иного порядка формирования военных частей, суровую дисциплину, развитие,

как минимум, 4 видов вооруженных сил и, вдобавок к этому, если не флота, то, по крайней мере, приморских укреплений — крепостей и т.д. Все это было абсолютно реальным, возможным и могло привести к коренному изменению ситуации на Кавказе.

В истории есть немало примеров, когда все происходило именно так. Из наиболее близких нам можно вспомнить Россию Петра I — когда полуизолированная, патриархальная, боярская, раздираемая на части Россия в 1698г. встала на путь масштабных реформ, а всего через 10 лет — в 1708—1709 гг. новая российская армия европейского типа уже разбила одно из самых сильных государств того времени — Швецию. Мы можем вспомнить Японию времен обновления Мэйдзи — когда после 300-летней самоизоляции и закрытости от остального мира, Япония в 1860-х гг. начинает период модернизации и уже в 1890-х становится региональным лидером, а в 1904—05 гг. разбивает тогдашнюю супердержаву — Россию.

В распоряжении адыгов было в несколько раз больше времени, чем у Петра I или у японского Императора. Они могли это сделать и Великобритания с Францией были бы просто счастливы помочь им. Появление нового игрока современного типа коренным образом преобратило бы ситуацию в регионе, как это случилось с арабскими землями, когда там появился Израиль. В таких условиях, скорее всего, Россия оставила бы планы экспансии на Кавказе и переместила бы акцент на территории попроще — на Среднюю Азию.

Но все это можно было достичь только через коренную ломку всех адыгских традиций, обычаев, менталитета и кодекса чести. Ни Петр I, ни японский

Император, ни Шамиль не могли появиться при Хабзэ и не появились. Несмотря на всю привлекательность и «правильность» этого варианта для адыгов, в реальной жизни он был неисполним.

И, конечно, главное, что могли сделать адыги для того, чтобы не проиграть войну — это не начинать её. Ведь на них никто не нападал. Ни старый, мудрый и генерально-штабной В.А. Потто, ни добрый десяток современных этноисториков так и не поняли, что постройка крепости в Моздоке не была нападением России на черкесов! Гарнизон в 214 солдат и крепость, в которой в 1764г. насчитывается 4 (целых четыре!!!) дома — «один дом для князя Канчокина, другой для [подполковника] Гака; сооружена из казны деревянная церковь с утварью... учреждена здесь таможня»¹, при всем желании не могли быть армией нападения против воинственного народа, насчитывающего 1 млн 200 тыс. человек! Моздок — был простым проявлением традиционной адыгской вражды, когда один из кабардинских князей-иналидов — Кургоко Канчокин — ослабев в борьбе с другими князьями, решил пойти под покровительство России. Он добился высочайшего разрешения перейти в русское подданство и принял христианство. Заботясь о своей безопасности, и желая получить защиту от других, враждебных ему кабардинцев, он согласился на строительство российской крепости на своих землях и сам поселился в ней — «было принято решение о сооружении крепости Моздок, после того как вышеупомянутый черкесский князь Курогоко, будучи

¹ П.Г. Бутков. «Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год», Библиотека сайта «Восточная литература».

крещенным в Санкт-Петербурге, уступил ради этих целей землю»^{1, 2}.

Вот и все, что было. Никто не нападал на адыгов! Доказательством тому служит список требований, выдвинутых адыгской делегацией Екатерине II в 1763г. Требование скрыть тогда еще только строящуюся крепость в ряду этих требований стоит даже не на первом месте! Не это — не крепость и не военная угроза, исходящая от неё в первую очередь волновала черкесов.

На первом месте черкесские князья поставили требование возврата беглых рабов, в том числе адыгской национальности. Повторяю еще раз, поскольку это очень важно. Более всего адыгов волновала не сама крепость и не военная опасность от нее исходящая, а их подданные, бегущие под её защиту. Рабы! Многовековая пища Хабзэ — вот, что интересовало их больше всего. Это крайне важный момент. Он говорит о том, что строительство российской крепости на землях кабардинского князя не было нападением и не воспринималась таковым!

Это было БОЛЬШЕ, чем нападение. Это было открытием, распечатыванием системы. Это был вызов многовековому замкнутому адыгскому мироустройству, введенному на спине турецко-крымского мира и отвергающему этноконкуренцию. Это был сигнал к переменам,

¹ Юлиус Клапорт. «Описание поездок по Кавказу и Грузии в 18077 и 1808годах», Нальчик Эль-Фа 2008г.

² По другим данным, земли, на которых построен Моздок в действительности не принадлежали князю Канчокину и российские власти просто указали ему формально предоставить их в свое распоряжение, чтобы таким образом легализовать решение строительства крепости в выгодном месте.

сигнал народу к тому, что что-то в этом мире может идти вразрез с кодексом Хабзэ и ни воинственные черкесские князья, ни всемогущий султан Блистательной Порты не в силах изменить такого хода событий. Это был зажженный фитиль под самыми основами тогдашнего адыгского мира и адыгской экономики, рассчитанной на поставку невольников для турецкого государства. В своем роде, Моздок — это Колумб, открывающий свою Америку или сибирские геологи отворяющие дверь в избушку отшельников Лыковых — начиная с этого момента для Черкесии все должно было идти по-другому. И это было еще страшнее, чем просто военное нападение. Это был слом системы — многовековой и внешне все еще успешной.

Но даже не в этом заключалась настоящая трагедия адыгов. Она была в том, что ничего из этого адыги не поняли.

Все было как в японской пословице про бабочку — «будущее уже пришло к ней, а она этого еще не поняла». Так вот, со строительством крепости Моздок к адыгам пришло будущее, Моздок был их будущим, а они этого банально не поняли и были просто не в состоянии понять, в том числе, потому, что у тогдашних адыгов не было интеллигенции. У адыгов не было мыслителей, ученых, дипломатов, архитекторов — той самой образованной и творческой прослойки общества, которая должна была увидеть куда идет страна и что с ней будет завтра. В обществе, основанном на Хабзэ, где нет городов, нет ремесленников, нет товарно-денежной системы и где основа экономики заключается в продаже невольников не было места интеллигенции — она просто не могла там возникнуть, ей там нечего делать! Среди

тогдашних адыгов не могли родиться Авиценна, Микеланджело или Белинский — мир Хабзэ был слишком тесен для них! Белинского нельзя впихнуть в великолепный и продуманный до мельчайших деталей воинский доспех адыгов! И в этом — в основах системы — а не в математике Магницкого и не в межплеменных раздорах заключается главная причина катастрофы, постигшей адыгов в середине XIX века.

Адыгская интеллигенция начнет вызревать позже. Она зародится и вырастет во чреве России. Султан-Хан Гирей, Шора Ногмов и люди, подобные им станут у её основ. Именно они, возросшие с теми, кого нынешний президент Адыгеи называет «палачами адыгейского народа», соберут остатки перемешанного войной и раздавленного крушением многовековой системы мировоззрения народа адыгов и дадут ему новую систему ценностей, существующую и по сей день. Именно они за руку выведут его в открытый, современный мир и именно от них пойдут современные адыгские президенты, историки, инженеры, врачи, поэты, пойдут Лия Ахеджакова, Хусен Андрухаев, Юрий Темирканов, Михаил Шемякин и Любовь Балагова, написавшая

Мчались конницей в гике,
Не считая потерь.
Генералы-адыги,
Где вы, братья, теперь?...

А теперь о более сложном. Я уже писал, что эта книга — не о событиях прошлого. Она не о прошлом. Она о будущем. И вопросы, которые в ней затрагиваются — гораздо глубже мыслей о чьем-то численном превосходстве, либо словопрений по поводу того куда

делось потенциально возможное 200-тысячное черкесское войско.

Один из основных её вопросов — кто был прав — Кургоко Канчокин или — Казбич Шеретлуко? Канчокин или Шеретлуко?

Сейчас, в наши дни, зная чем закончилась Кавказская война, понимая чем был вызван такой её исход и зная как сложилась дальнейшая, непростая, послевоенная судьба адыгского народа, можем мы четко и недвусмысленно ответить на вопрос кто был прав тогда, 150 лет назад — Канчокин или Шеретлуко? Князь, ушедший от своих, которые, останься он с ними — убили бы его самого, его семью и его людей; человек, сделавший шаг, который стал началом конца всего тогдашнего адыгского мира и которого кое-кто сейчас воспринимает как предателя, но который добился того, что его этнос — кабардинцы — последовав по его пути, перестав толкать паровоз назад и выйдя из войны на ранней стадии, в результате всех перипетий стал жить гораздо лучше и из третьего по величине и могуществу черкесского этноса превратились в первый? Или Казбич Шеретлуко — этот, как его называли, Лев Черкесии, легендарный воин, имя которого сейчас является символом гордости представителей части адыгского народа, который воевал до конца и подвел свой народ — шапсугов, бывших тогда самым сильным из всех черкесских этносов, к гибели, к самому краю своего существования, к обрыву, после падения с которого из более чем 350 тыс. шапсугов на Кавказе сейчас живет около 10 тыс. человек?... Кто из них был прав? Князь-изгой, пошедший против своих и в реальных условиях реального, несправедливого

мира обеспечивший жизнь, процветание и рост численности своего народа, либо воин-герой, шедший до конца, завоевавший славу, ставший легендой и приведший свой народ на грань исчезновения?

Это не вопрос к историкам — к старичкам, проводившим годы в архивах и видящих жизнь через призму пожелтевших исторических документов. Это вопрос для нас с вами. И вопрос этот не о прошлом, а о будущем, потому, что именно от ответа на него и будет строиться наше понимание «добровольного присоединения», либо «палачей адыгского народа», именно на его основе, хотим мы этого или не хотим, мы станем строить будущие отношения между кавказскими народами и русскими.

Это вопрос имеет под собой не столько историческую, сколько моральную основу. На него не может быть единственно верного ответа в духе старика Магницкого, в стиле националистических выкриков или политически правильных, но антиисторичных книг, призванных не объяснять прошлое, а строить настоящее. Это вопрос, на который я не знаю ответа и вопрос, который каждый должен решать сам.

Канчокин или Шеретлуко... Где были бы теперь генералы-адыги?...

Кто был прав в будущем?...

ГЛАВА II.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ГЕНОЦИД АДЫГОВ?

Другой очень важной темой, которая поможет ответить на вопрос почему нынешняя ситуация на Северном Кавказе такова, какова она есть является тема геноцида адыгов. Не будучи не только официально признанным, но даже и официально рассмотренным, этот вопрос смог завоевать сердца и поддержку, как минимум, нескольких сотен тысяч человек, а подобное случается, как мы знаем, совсем не часто. Это вопрос, о котором написано немало, но который, тем не менее, остается, возможно, самым большим белым пятном в истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа. Это вопрос, сквозь который адыгские народности смотрят в прошлое и с которым они связывают свои надежды на лучшее будущее.

Признание геноцида черкесских народов в ходе Кавказской войны.

Это сложный вопрос. Сложный — потому, что в подобных моментах нет и не может быть однозначного трактования, потому, что в нем, как нигде более, велика доля личностных ощущений и потому, что немалое количество граждан нашей стран — целый народ! — принимает его очень близко к сердцу.

На эту тему уже довольно много написано, в основном самими адыгскими историками, публицистами и общественными деятелями и довольно много из того, что написано является, по моему мнению, правдой. Вместе с тем, практически в 100% случаев подача материала осуществляется довольно однобоко — не с точки зрения

беспристрастности и чистого историзма, а с этнических позиций. Сам по себе такой подход, несомненно, имеет право на существование, но в условиях, когда в обществе присутствует только он, а беспристрастные материалы отсутствуют такая подача материала способна исказить общественное мнение и вложить в душу людям социальную и нравственную позиции, основанные на неверных исторических данных и ложных ценностях. Задачей этой книги является попытка разобраться в ситуации и показать проблему с тех сторон, которые ПРИНЦИПИАЛЬНО И НАПРОЧЬ не рассматривают сами адыгские истории и адыгские общественные организации. Это крайне важные стороны. Важные настолько, что при их учете они коренным образом меняют ситуацию и позволяют взглянуть на нее во всей целостности, в сочетании с множеством других факторов и других доказательств и оценить насколько выбранный курс действительно соответствует тому, куда, по его мнению, стремится адыгский народ.

Корни вопроса о признании геноцида уходят в XVIII век, когда Россия окончательно и бесповоротно пришла на Западный Кавказ и в ходе почти 100-летней войны завоевала земли предков нынешних адыгов. В результате войны из более чем миллионного населения Черкесии на родной земле остались только 5% адыгов — остальные погибли в войне, умерли от эпидемий, голода, были выселены в Турцию и другие исламские страны. Конечно, это огромная трагедия. Как по-иному можно назвать смерть или исход девятнадцати из каждых двадцати коренных жителей этих мест?! В результате войны из 12 адыгских племен только 3 — кабардинцы, бжедуги и шапсуги — остались на своих традиционных, исторических местах, а остальные оказались либо перебиты,

либо отправлены в Турцию, либо выселены на равнину «под присмотр» казачьих станиц. Тогда и позже, из них — «выселенных под присмотр» — в ходе взаимодействия с русской, а потом и с советской администрациями были образованы 2 новых народа — черкесы и адыгейцы. Потомки народа, некогда занимавшего территорию от современной Тамани до Сочи, оказались разделенными на 4 территориальных единицы — Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию, Адыгею и 13 шапсугских и бесленеевских аулов в Туапсинском, Сочинском и Успенском районах Краснодарского края.

Сейчас, обращаясь к тому времени, адыги, в большинстве своем, называют его геноцидом. Западно-кавказские историки и общественные деятели самым активным образом воздействуют на умы и чаяния людей, живописуют страдания уничтожаемого и выселяемого народа (что было абсолютной правдой!), говорят о стремлении Российской Империи не столько захватить Кавказ, сколько уничтожить черкесов как народ и раздать их земли своим колонистам. «Ну разве это не геноцид?» — восклицают они! Геноцид... Или не геноцид?

И здесь начинается самое странное! В своем желании представить многолетнюю Кавказскую войну геноцидом, современная адыгская элита не доказывает сам факт геноцида и не дискутирует о нем — она его навязывает! Она назначает прошедшее геноцидом! Из общественной, научной и учебной жизни трех северокавказских республик она выкорчевывает под корень все оппонировавшие точки зрения, административными путями перекрывает людям доступ к ним, при этом сама наглухо закрывается от публичного и открытого обсуждения, использует крайне ограниченный набор доказательств и широко

закрывает глаза на огромный мир исторических и иных фактов, который просто лежит под ногами и просит «Учти меня! Учти меня!» Это выглядит абсурдно, но, говоря о том, что «геноцид черкесов был настолько велик, что не имеет аналогов в мировой истории», для доказательства этого факта новые адыгские лидеры ни с какими мировыми аналогами его просто не сравнивают!

Утверждая, что Кавказская война подпадает под определение геноцида, данное ООН, адыгские общественные деятели каким-то странным образом не считают нужным разъяснить людям само это сложное понятие, дать примеры широчайшей мировой правоприменительной практики в этом вопросе и пошагово разобрать их совпадение с адыгской ситуацией. В лучшем случае они приводят «голое» определение геноцида и тут же восклицают «Ну кто же может сомневаться в геноциде адыгского народа!»

Почему так происходит? Что это говорит нам о силе и обоснованности подобной позиции? Пока ничего! Давайте разбираться. Начнем с азов — с того, от чего виднейшие представители адыгской общественной науки, конечно же, борясь за народное счастье, этот самый народ тщательно оберегают — с рассказа о самом понятии «геноцид» — что им является, что ему сопутствует и как и в каких случаях он признается.

ГЕНОЦИД

Сам термин «геноцид» был придуман Рафаэлем Лемкиным, по происхождению польским евреем, человеком, который еще в 1930-е гг. занимался вопросом преступлений против национальных групп, беря за основу резню армян в Турции и еврейские погромы.

В начале 1940-х гг., Лемкин эмигрировал в США и, говорят, что, услышав там в августе 1941г. выступление по радио английского премьер-министра Уинстона Черчилля, где тот сказал: «На наших глазах совершается преступление, которому еще не придумано название», Лемкин тут же предложил использовать изобретенный им термин «геноцид». В годы войны термин получает развитие, его даже фиксируют в документах Нюрнбергского процесса, описывая «преднамеренное и систематическое истребление расовых или национальных групп гражданского населения на определенных оккупированных территориях с целью уничтожить определенные расы и слои наций и народностей, расовых и религиозных групп...»

Но наибольшее развитие термин «геноцид» получает в послевоенное время. В 1948г. ООН принимает Конвенцию «о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» и постепенно это понятие входит в нашу повседневную политическую и историческую культуру как одно из наиболее серьезных преступлений, которое должно быть осуждено и наказано.

В Конвенции дается определение геноцида, остающееся в силе и по сей день:

«Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- убийство членов такой группы;
- причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

- преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».¹

Если разбить определение геноцида на два смысловых блока, то оно будет выглядеть так: с одной стороны будет идти перечисление совершаемых преступлений, которые приведут к исчезновению какого-либо этноса (отсюда и название — (от греч. *genos* — род, племя и лат. *caedo* — убиваю), с другой же стороны будет стоять всего одно слово: «ПРЕДНАМЕРЕННО».

Именно в этом кроется главная особенность и главное отличие геноцида от других преступлений. Геноцид — это когда в качестве цели чьих-то действий выступает именно уничтожение национальности или этноса. Фактор преднамеренности выступает крайне важным, абсолютно ключевым и определяющим сам термин «геноцид» моментом. Геноцид — это «преступление с намерением», как называла его Галина Старовойтова. Люди, совершающие геноцид, должны понимать, к каким последствиям это приведет, но, тем не менее, а может быть и именно поэтому и совершать его. Именно наличие фактора преднамеренности делает из «обычного» кровавого преступления геноцид и только имея в качестве ЦЕЛИ уничтожение всего народа, а не что-либо еще, на-

¹ Конвенция по предупреждению и наказанию преступления геноцида. 9 декабря 1948 года.

пример захват территории или материальных богатств, можно всерьез говорить о геноциде.

В качестве примера можно привести простой и незамысловатый случай. Если в пустыне враждуют два племени и одно из них захватывает у другого источник воды, то это не геноцид. Но если это племя задумывает именно уничтожить соперников, умертвить их всех и с этой целью захватывает их единственный источник воды, рассчитывая, что теперь они все умрут от жажды, то это будет просто классическим примером геноцида. При этом, надо понимать, что геноцид абсолютно не равнозначен войне. Да, зачастую акты геноцида совершаются именно в ходе боевых действий, но если непосредственной целью этих действий не является полное или частичное физическое уничтожение всего народа, воюющего против него, то геноцидом это считаться не может, а гибель мирных жителей, пусть даже массовая, должна быть признана военными жертвами. Так, как мы знаем, уничтожение немецких евреев Гитлер осуществлял без ведения боевых действий, но это признается геноцидом, а бомбардировки Дрездена союзной авиацией, когда в течении нескольких недель погибли 135 тыс. мирных граждан и когда и англичане, и американцы прекрасно знали кого они бомбят — нет.

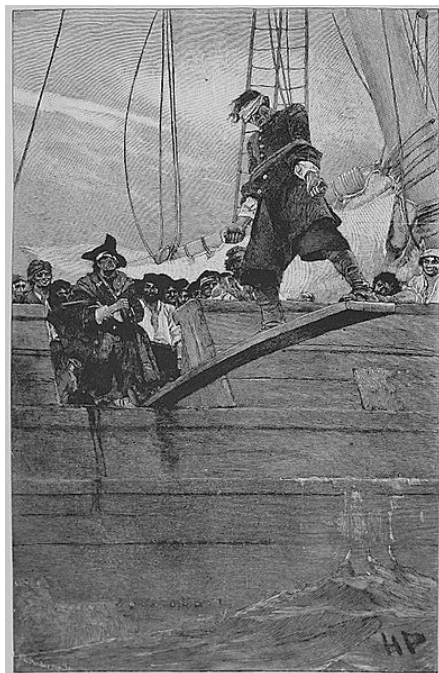
Как видно из определения, Конвенция не ограничивает нас в видах и формах геноцида. Он может выступать в любой форме, которая при условии преднамеренности приводит или по замыслу организаторов должна привести к смерти народа. Может ли выселение, депортация быть геноцидом? Да, может! Но обязательным, необходимым условием для этого должно являться, чтобы целью депортации было не выселение

само по себе, а уничтожение народа, то есть выселение должно стать не целью, а средством достижения цели — убийства народа. Если это правило не соблюдается, то геноцидом эту депортацию назвать нельзя.

Примером такой депортации может быть существовавшая в XVI-XVII веках в английском Королевском Флоте практика казни путем высадки человека без припасов, вооружения, снаряжения и т.д. на небольшой необитаемый остров, а то и просто выбрасывание его за борт в открытое море — своего рода «депортация» с корабля. Делали это просто — на борт выставлялась доска, человек шел по ней как по помосту, доска заканчивалась и человек падал в воду. С того времени в английском языке осталась фраза «to walk the plank» — «пройти по планке, по доске», которая переводится как «погибнуть, пропасть, попасть в лапы смерти». Естественно, в подавляющем большинстве случаев такие «депортации» заканчивались смертью, для чего, собственно, они и были предназначены. Кстати, одним из счастливиц, которому посчастливилось «пройти по планке» и выжить, был английский матрос Александр Селькирк, ставший прототипом Робинзона Крузо из знаменитого романа Даниеля Дефо. Его высадили на необитаемом острове за драку с капитаном, что по британскому королевскому морскому кодексу того времени могло иметь только один вид наказания — смерть.

Так вот, если представить, что такого рода депортация применена к целому народу, то мы действительно получим явный и неоспоримый случай геноцида. Была ли таковой депортация адыгов? Это мы увидим далее.

Необходимо сказать, что в современном международном праве приоритет человеческой жизни возведен

Картина «Walking the plank». Автор – Ховард Пайл, 1887 г. США.

практически в абсолют и, как показывает Конвенция, право не устанавливает количественных рамок по тому сколько надо уничтожить людей или разрушить городов, чтобы это преступление было признано геноцидом. В этом отношении у некоторых людей, даже самого высокого ранга, может возникать определенное недопонимание, либо желание использовать красивый и громкий термин в своих целях — вспомним известную фразу представителя России в ООН Виталия Чуркина, сказанную им во время 5-дневной войны с Грузией: «Сколько еще людей должны убить, чтобы вы признали это геноцидом?» При этом,

окончательно подсчитав количество погибших в Цхинвале как 116 человек, и Россия, и Осетия говорят о том, что это был геноцид, т.к. грузины, якобы, хотели стереть город с лица земли и уничтожить всех осетин, а даже неизмеримо большую цифру потерь — 140 тыс. японцев, погибших при бомбардировке Хиросимы мировое сообщество геноцидом не признаёт, т.к. по заявлению американцев, цель бомбардировки была как раз в обратном — устроить Императора, чтобы он прекратил боевые действия, что тем самым спасло бы гораздо больше жизней.

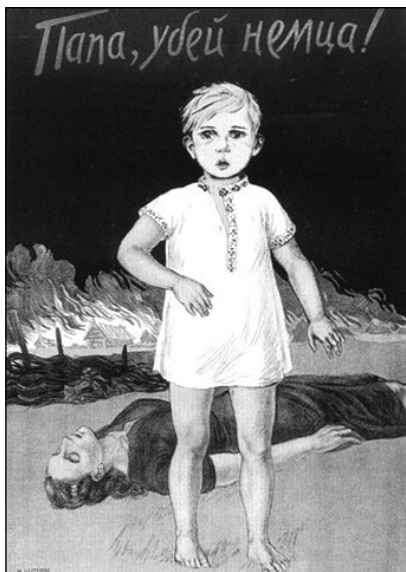
Певцом, пропагандистом и агитатором геноцида самым неожиданным образом можно считать везде положительного и всюду правильного известного советского писателя и поэта, одноклассника Н.И. Бухарина, человека, которого называли «придворным евреем Сталина» — Ильёю Эренбурга. Это он в 1942г. создал ставший популярным лозунг «Убей немца!», который в наше время безвариантно признали бы призывом к геноциду и убийству людей по их национальному признаку. В то военное время, когда он появился, о том геноцид это или нет, никто не думал и призыв этот вызывал широкое одобрение в советских массах.

Лозунг выходит летом 1942г., в разгар немецкого наступления на Дону и практически одноименно появляется в статье под немыслимым ныне названием «Убей!». В ней будущий создатель повести «Оттепель», которая много позже даст название целой эпохе советской истории, пишет следующие проникновенные, берущие за душу строки:

«Мы поняли: немцы не люди... Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал... Если ты убил одного немца, убей другого — нет для

нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобой немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля...Убей!» Призыв «Убей немца!» в СССР моментально становится популярным. Его неоднократно повторяют, разрабатывают, углубляют. Советские литераторы моментально обыгрывают его в целом сонме различных стихотворных и публицистических произведений. Помните известное Симоновское — «Так убей же хоть одного! (немца — А.Е.) Так убей же его скорей!

Сколько раз увидишь его, Столько раз его и убей!»?

Советский плакат. 1942г.

В наше время подобные призывы невозможно представить! Кстати, и тогда им, к счастью, следовали далеко не буквально, иначе трудно понять почему столько людей, рискуя жизнью, спасали из окоченевшего блокадного Ленинграда полумертвую маленькую девочку по имени Алиса Фрейндлих. А через

3 года, когда Красная Армия вошла на территорию Германии и призыв «Убей немца!» стал фактически касаться не только немецких солдат, но и мирное население,

кроважидных литераторов «поправили» старшие товарищи — в печати появилась знаковая статья заведующего Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова под угрожающим названием: «Товарищ Эренбург упрощает», а несколько позже на эту тему высказался и Сам! «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся» — сказал лучший друг всех велосипедистов мира И.В. Сталин.

В современном международном праве геноцид стоит особняком. Он является одним из самых сложных, многовариантных, труднодоказуемых, что крайне важно — без всякой меры заполитизированных и.... да простят меня его жертвы! — желанных преступлений. В противоречивой и зачастую несправедливой реальной жизни его признание или непризнание зависят не от следования духу и букве Конвенции ООН, а от совпадения множества самых разных факторов, в числе которых и наличие достаточных доказательств, которые всегда сложно собрать, т.к. подобные преступления, как правило, тщательно скрываются, и необходимость наличия высокой степени организованности, настойчивости и влияния у людей, подвергшихся геноциду или их потомков, и политическая оправданность того или иного шага и еще множество самых разных моментов.

Все это приводит к тому, что в признании геноцида все без исключения народы, страны, международные и общественные организации руководствуются не простым и честным вопросом «Было-не было?», а более прагматичными и иезуитскими: «Можно ли это доказать?», «Нужно ли?» и «Что все это будет означать для меня самого?»

Подобная практика приводит к тому, что у многих и многих людей или социальных групп возникает горячее желание облечь собственное поражение в вид геноцида, заставить народ поверить, что то, что с ними произошло — это не фиаско, когда по целому ряду причин в споре двух сторон проигрывает одна, а жестокое убийство, выходящее за рамки человеческой морали. В случае успеха такой подход может позволить более слабой стороне чужими руками и мирным образом вернуть потерянное, улучшить свои позиции, получить компенсацию или уступки, объединить свой народ, да и просто — «перевоевать» давно проигранную войну — вернуть мирным путем то, что не смог отстоять военным. Примеров подобного очень много. Их много настолько, что специалисты в один голос твердят, что пытаюсь применить сам термин «геноцид» к любой, маломальской заварушке, политики уже настолько затащили его до дыр, что в практической жизни он уже потерял свое значение, обесценился и подешевел.

Хотим мы этого или не хотим, но таковы реалии. Мы можем не соглашаться с ними, отвергать их, возмущаться, говорить, что «мы — другие» скрывать их от своего народа, но когда дело дойдет до решения, то все без исключения стороны, включая нас с вами, все равно будут руководствоваться ими. А вы думали, мы в сказке живем?

Пример наибольшего, классического, совершенного иезуитства, или, если хотите, иезуитства в квадрате, дает нам в этом вопросе страна, чей народ, без сомнения, сам подвергся страшному геноциду в Новейшее время — Израиль. В наше время это — государство, против которого, наверное, выдвигается наибольшее

количество обвинений в геноциде. Это страна, чья позиция по вопросу признания геноцида не имеет ничего общего с Конвенцией ООН и определяется исключительно лишь собственными интересами на данный момент, т.е. не по закону, а по понятиям и понятия эти — не равенство и братство и не главенство права, а «Свой-Чужой», «Надо-Не надо», «С кем и Против кого дружить». Выставляя себя, (причем, во многом справедливо!) народом — жертвой геноцида и в огромной степени монетизируя это понятие, Израиль с легкостью совершает деяния, за которые его самого можно свободно обвинить в этом преступлении и использует вопрос признания-непризнания других геноцидов, как важный элемент своей активной международной политики.

Так, находящемуся в активно-агрессивном мусульманском окружении Израилю, как воздух нужны хорошие отношения с Турцией, как с практически единственной светской исламской страной, которая может изнутри повлиять на отношения мусульман к Израилю. Понятно, что этого невозможно добиться, признав геноцид армян со стороны турок! Соответственно, Израиль полностью закрывает глаза такие мелочи, как фактическая сторона армянского геноцида, доказательная база, признание его некоторыми другими странами и на все прочее. Он отказывается признавать геноцид армян и вообще поворачивается к ним спиной, тем более, что какой-либо значительной армянской диаспоры в Израиле нет и начинает укреплять отношения с турками, говоря уже о (внимание!) геноциде, развязанном самими армянами во время боев в Карабахе, устраивает выставки фотографий геноцида азербайджанцев в Ходжалы и т.д.

Какое отношение это все имеет к действительной, реальной, правовой стороне дела? Решительно никакого — это чистая, вернее, как раз наоборот — грязная политика.

Но ради целей этой статьи нам интереснее другое, как уже говорилось, Израиль активно использует тему геноцида, якобы развязанного другими народами и в этой связи крайне интересно посмотреть каково же отношение — Израиля к Кавказской войне и к трагедии адыгского народа связанной с поражением в ней. Здесь следует сказать, что если сравнить с одной стороны итоги Кавказской войны и исход адыгов и с другой стороны итоги арабо-израильских войн, трагедию арабов, потерпевших в них поражение и их уход с территории нынешнего Израиля, то становится несколько не по себе от того, что эти две истории похожи друг на друга почти как две капли воды! В них столько параллелей, что, кажется, как будто израильские военачальники и политики специально изучали историю Кавказской войны, чтобы потом повторить это все у себя на Ближнем Востоке против арабского населения.

Посмотрите: одной из причин проигрыша как арабов, так и черкесов было более отсталое и патриархальное общество, которое долгое время жило достаточно замкнуто и в решительный момент не смогло перестроиться и модернизироваться. Начало колонизации евреями арабской территории во второй половине 1940-х гг. один в один повторяет русскую тактику на Кавказе, в частности, строительство казачьей Линии — евреи выстраивают свои поселения так, чтобы обеспечить их непрерывность и сообщаемость, они используют их как опорные пункты и совершают из них набеги на соседние арабские

деревни. Взгляните на карту — это же типичная казачья Линия на Кавказе! Отношение к населению захватываемых деревень тоже идентичное — его делят на «мирное — немирное», при этом мирным арабам позволяют остаться, а немирных изгоняют или просто убивают.

И русские на Кавказе, и израильяне на Ближнем Востоке неоднократно предлагают варианты мирного сосуществования двух народов на одной территории, но все они отвергаются и арабами, и адыгами — многие и многие арабы до последнего, даже сейчас говорят о непризнании государства Израиль и даже после ряда военных катастроф согласны только на одно — сбросить евреев в море; аналогичным образом и потерявшие практически все, не имевшие сил противостоять огромной русской армии и стоявшие на пороге самой огромной трагедии своего народа, адыги, в 1861г., получив от Александра II очередные условия мира, потребовали от царя, чуть ли не капитуляции в войне — полного ухода России за Кубань, срытия крепостей, выдачи соплеменников, перешедших на русскую сторону и т.д.

Обстоятельства исходов арабов и адыгов тоже поражают своим сходством — в обоих случаях уход совершается в результате активных призывов к этому зарубежных союзников, в случае адыгов — Турции, а случае арабов — арабского мира и прямых приказов местной власти — адыгской знати и арабских начальников. К оставшимся же мирным арабам и черкесам и Израиль, и Россия тоже демонстрируют одинаковое отношение — их полностью интегрируют в свое общество, дают им гражданство, равные права и т.д.

И в арабском мире, и в черкесской среде поднимается вопрос возвращения ушедших на свою

Родину — арабские страны ставят возвращение беженцев обязательным условием любых мирных соглашений с Израилем, адыги все громче заявляют о необходимости и желательности возвращения на Кавказ своей зарубежной диаспоры. Израиль решительно отказывается от этого, а Россия официально не определяет свою позицию, но в практическом плане ставит препоны массовому возвращению адыгов. При этом, в арабском мире четко понимают, что даже при получении разрешения на возвращение, большинство беженцев и их потомков предпочтут остаться в тех странах, где они уже успели пустить корни, но тем не менее возьмут израильский паспорт, если им представится такая возможность. Абсолютно аналогичная ситуация и с адыгской и с абхазской диаспорой, вопрос массового возвращения которых все больше представляется адыгам бесплодной фантазией и адыгские лидеры уже начинают настаивать даже не на возвращении всех потомков ушедших адыгов, а о предоставлении им российского гражданства.

Ситуации похожи как близнецы-братья! Все одинаково! Но одинаково ли реагирует на них Израиль?

Во-первых, стоит сказать, что, конечно же, Израиль с негодованием отвергает все обвинения в свой адрес в геноциде. Он говорит, что евреи сами — народ-жертва страшного геноцида и поэтому никак не могут быть стороной, которая его осуществляет. В отношении же к Кавказской войне со всем её поразительным сходством с событиями на Ближнем Востоке, у израильтян наблюдается принципиальная, диаметрально, зеркально противоположная и иезуитская разница. Не признавая геноцид адыгов официально, внутри Израиля его называют не иначе как «холокост», «черкесский холокост».

Израиль является единственной страной, где день окончания Кавказской войны — 21 мая — официально объявлен Днем памяти черкесов, павших во время Кавказской войны. Любой живущий в Израиле адыг может в этот день взять официальный выходной и принять участие в многочисленных митингах памяти и торжественных поминовениях черкесов — жертв войны.

В мероприятиях принимают участие израильские официальные лица, которые приносят адыгам соболезнования, говорят о том, как они сопереживают их страдания и как больно для них то, что адыгский народ стал жертвой несправедливости со стороны России и был частично уничтожен, а частично депортирован с земли предков.

Здесь следует сказать, что в самом Израиле находятся два адыгских селения — Кфар-Кама и Рихания, которые оказались там как раз в результате исхода адыгов с Кавказа в ходе Кавказской войны. Заполучив сотни тысяч адыгов-переселенцев, турки пытались использовать их как некий аналог российского казачества — компактно расселив их на беспокойных границах Османской империи. Именно так на окраине арабского мира очутились 2 черкесских села, в которых сейчас живет около 3 тысяч человек, преимущественно этнических шапсугов и кабардинцев. Их образ жизни и отношение к ним государства Израиль может служить образцом межнациональных отношений и правильной государственной политики в области национальных меньшинств. Израиль всячески поддерживает адыгов, ежегодно выделяет им немалые средства на развитие, официально разрешил вести образование на адыгском языке и т.д. Все просто прекрасно! В эти деревни любят ездить делегации из

черкесских республик Северного Кавказа, их постоянно посещает кто-то из адыгской интеллигенции, непременно подчеркивая единство ближневосточных и кавказских адыгов, а одним из современных черкесских хитов является красивая песня «Рихания», исполняемая звездой адыгской эстрады Альбертом Тлячевым.

Но в этом прекрасном отношении и проявляется двуличие и цинизм израильской политики! Разница в восприятии Израилем геноцида своего и геноцида чужого измеряется даже не терминами международного права, не фактической стороной вопроса и не названиями народов, а просто километрами. Дело в том, что в нескольких десятках километров от этих благополучных и процветающих адыгских деревень находились еще 8 деревень (Ф. Бадерхан дает цифру 22 адыгских селения¹), в которых проживали такие же адыги, как и в Кфар-Каме и Рихании и которые оказались на Ближнем Востоке в то же самое время и по тем же самым причинам. Только, в отличие от жителей этих двух счастливых деревень, турки расселили их предков на территории, которую мы сейчас называем Голанскими высотами.

Это и определило их последующую судьбу.

После Шестидневной войны 1967г., остро переживающий по поводу зла и несправедливости, проявленных по отношению к адыгам в Кавказскую войну, Израиль стер эти деревни с лица земли. И под словом «стер» я здесь подразумеваю первое, основное значение этого слова — стер физически: бульдозерами и экскаваторами, чтобы и духа неизраильского на этой земле не осталось, чтобы потомки проживавших там адыгов знали, что их

¹ Ф. Бадерхан. «Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании», Москва. 2001.

на новой Родине уже ничто не ждет и возвращаться им некуда.

Очевидцы говорят, что на месте этих деревень сейчас лишь кое-где виднеются остатки фундаментов бывших черкесских домов. Если в Кфар-Каме и Рихании сейчас живет около 3 тыс. адыгов, то более 18 тыс. таких же адыгов были вышвырнуты с Голанских высот в Сирию и Иорданию Израилем, остро соперечающим горе адыгов по поводу их депортации с Кавказа. Они сами и их потомки даже не могут посетить могилы предков, оставшиеся на Голанах — во-первых, с Сирийским и Иорданским паспортом в Израиль приехать практически невозможно, а во-вторых, специально для того, если кто-то из потомков тех адыгов все-же прорвется на могилу своих предков, израильтяне, скорбящие о холокосте адыгов, тщательно заминировали остатки адыгских кладбищ, расположенных теперь уже на своей земле.

Вот такие метаморфозы являет нам одно из лидирующих государств современного мира, страна, которую принято называть цивилизованной, демократической и свободной. Как говорится — «Два мира — два Шапи-ро». При этом, хочу чтобы меня правильно поняли — у меня нет никакого желания обвинять Израиль в геноциде — в первую очередь это дело арабов и самих израильтян и лишь потом чье-то еще. Да если и делать это, то подходить к проблеме надо не с позиций понятий и вопроса «против кого дружить», а с точки зрения международного права и международной правоприменительной практики, но только в её чистом, а не избирательно-подленьком и двуличном израильском варианте.

Не подумайте, что я придираюсь к Израилю — я абсолютно не антисемит и не юдофоб. Да, Израиль

интересен как пример наиболее циничного, двуличного и иезуитского подхода к этому вопросу, но многие другие страны поступают примерно также, правда, может быть все же менее броско и выпукло. Так Франция, которую обвиняют в геноциде арабов в Алжире, под давлением мощной армянской диаспоры признала геноцид армян в Турции. Англия отказывается признавать геноцид, развязанный в колониях, а США не принимает обвинений в геноциде индейцев даже с учетом того, что число жертв, понесенных индейцами в результате этого «негеноцида» измеряется миллионами человек.

Примером политизации является, в частности вопрос имеет ли Конвенция о геноциде обратную силу или нет, т.е. можно ли на её основе обвинять страны, устроившие кровавые бои до принятия самого термина геноцид и до зарождения моральных норм, распространенных сейчас в нашем обществе. С одной стороны, никто не отменял одно из основополагающих, краеугольных столпов еще того — Римского права, на котором строится вся система современного права — принцип *Nullum crimen sine lege* — «нет преступления без указания на то в законе», согласно которому ответственности подлежат только те лица и только за те действия, которые были совершены уже после вступления закона, в нашем случае, Конвенции в силу, то есть после 1951г. Такого мнения придерживается подавляющее большинство юристов, в частности, один из виднейших специалистов, разрабатывавший вопрос юридических аспектов международного права в области геноцида — Самвел Кочои, кстати, курд по национальности: «Попытки квалифицировать сегодня как

геноцид уничтожение национальных или религиозных групп, имевшее место задолго до ее принятия, до появления в международном праве самого понятия «геноцид», на наш взгляд, неправомерны (тем более что Конвенция обратной силы не имеет). Эти факты должны быть квалифицированы по законам, действовавшим на момент их совершения, и, бесспорно, осуждены мировым сообществом, однако геноцидом формально с позиций права они не являются».¹

Но вместе с тем в нескольких резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, да и в самом тексте Конвенции о геноциде косвенно подчеркивается правомерность классификации как геноцид тех случаев, которые подпадают под определение, но имели место до вступления в силу Конвенции, а в ряде международных законов, касающихся преступлений против человечности (к которым, без сомнения, относится и геноцид) напрямую говорится, что такие преступления подлежат расследованию, а лица, виновные в них, привлечению к ответственности «когда бы и где бы они ни совершались».²

Получается юридический казус — казнить нельзя помиловать! По одним международным законам что-то можно признать геноцидом, а по другим — нельзя. В результате этой правовой двойственности и запутанности, а также беспримерной политизации самого вопроса, каждая сторона приводит в доказательство

¹ С. Кочои. «Геноцид: понятие, ответственность, практика». Уголовное право. 2001. №2.

² «Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества от 3 декабря 1973 г.» Сборник международных договоров. Т.1. ч.1, 2. Универсальные Договоры. ООН. NY. Geneve. 1994.

своей правоты только ту трактовку этого вопроса, которая ей необходима, начисто и решительно «забывая» про другую. Так, Турция отказывается признавать геноцид армян, в том числе и по той причине, что тогда — в 1915г. — законодательства о геноциде не существовало, но эта же самая норма не помешала Израилю осудить и казнить нацистского преступника Адольфа Эйхмана в 1962г. за преступления, совершенные им в 1940-х гг.

Тут следует сказать пару фраз о том откуда вообще возникает понятие «признания» страной учиненного ею геноцида. Ведь, казалось бы, в обычных, в повседневно-гражданских процессуальных и судебных отношениях от обвиняемого никто не требует признания своей вины: Согласен-не согласен — Встать! Оглашается решение суда! — и вперед на стройки народного хозяйства — искупать, смывать и нравственно перерождаться!

Это всё так. Но применяться такая форма признания вины может лишь в отношении геноцида, развязанного кем-то уже после 1948г., после принятия Конвенции ООН и, в особенности, если эта страна-виновник подписала Конвенцию, а значит взяла на себя обязательства по недопущению геноцида. Тогда все действительно становится легче и понятнее — ООН может и, в общем-то, должна рассмотреть вопрос, внести какие-то санкции и создать условия для недопущения подобного без формального признания или непризнания страной своей вины.

Но что делать, если факт геноцида был в далеком прошлом? Как судить его по нашим современным законам, исходя из позиций современной морали

и нынешних норм межнационального и межгосударственного общения? Как по статьям современного Уголовного Кодекса судить человека, жившего 500 лет назад? Ведь половина из того, что мы сейчас считаем преступным и варварским в его время было правилом, нормой поведения, да и, в общем-то, непреложным требованием общества к своим членам?

Делать это все равно что лишить вас институтского диплома на том основании, что сейчас для поступления в ВУЗ требуется экзамен ЕГЭ, а вы при поступлении в 1985 году данных о ЕГЭ в приемную комиссию не предоставили, то есть требованиям для поступающих не соответствуете, а значит поступившим и окончившим институт считаться не можете.

Если пойти по такому пути и начать примерять современные законы на людей, живших в далеком прошлом, а потом наказывать их потомков за преступления, которые, исходя из современного УК, совершили их предки десятилетия и века назад, то нам надо строго наказывать чукчу за то, что в 2009г. выделенная им квота на добычу находящихся в Красной книге китов составляет 140 особей, а они — негодяи — веками жили и веками эту квоту не соблюдали! Посадим всех! Пусть платят компенсацию! Пушкина и Толстого, владевших крепостными, надо осудить по статьям УК: 127, части 1 и 2 — «Незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением», «Торговля людьми», «Использование рабского труда», по 136 — «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», ну и до кучи по статье 145 часть 1 — «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат». Срока там, кстати, будь здоров! Половина, а то и все великие греки у нас

пойдут по 133, 134 и 135 статьям — за педофилию, а что делать с древними монголами с учетом их воинственного и географически обширного прошлого, даже страшно представить!

Конечно же, это абсурд и если кто-то говорит об обратном, значит он либо идиот, либо популист, общающийся с идиотами! В таких-то условиях мы и говорим о добровольном признании страной совершенного ею в прошлом геноцида и о добровольном взятии на себя обязанностей по устранению его последствий. То есть, кто угодно — какие угодно страны или общественные организации могут обвинять государство в якобы развязанном им в далеком прошлом геноциде, признавать его или не признавать, принимать на своей территории какие угодно законы, но все это не будет иметь ровно никакого значения если только страна-виновник добровольно не признает свою ответственность и добровольно не станет принимать меры по восстановлению несправедливо нарушенного ею статус-кво.

Хорошо. Давайте посмотрим какие страны добровольно признали развязанный ими самими в прошлом геноцид. Какая страна может показать пример негуманной России в добровольном признании ею геноцида адыгов? На кого авторитарной и шовинистической Москве надо равняться?...

Но что это?... Таких стран нет. Нет таких стран! Не существует в природе!

Среди всей череды нынешних великих демократий, которые несколько веков назад еще не были демократиями, а, наоборот, сами стремились захватить как можно больше земли и подмять под себя наибольшее число народов в самых разных частях света НЕТ стран, которые

признают себя виновными в геноциде. Причем, обвинений в геноциде больше чем нужно, но ни одна супер—мега— и гипер-демократическая, дважды справедливая и гуманная страна, являющаяся членом Европарламента, куда обратились адыги с просьбой о признании геноцида, устроенного Россией на Кавказе, не признала виновной в геноциде саму себя, а следовательно примеров того, к чему адыги призывают российское руководство не существует!

Единственной страной, согласившейся с фактом развязывания ею в прошлом геноцида, является Германия. Но это только формально, т.к. в 1948г., когда была принята Конвенция, события 40-х гг. являлись не прошлым, а совсем наоборот — самым первостепенным настоящим! Кроме этого, необходимо понимать абсолютную правдивость и бесспорность геноцида, развязанного немцами против евреев и цыган, а также ту невероятную глубину катастрофы, которая постигла великий немецкий народ в 1945г. и его желание как можно быстрее очиститься от вины.

Как же тут быть с обвинениями адыгов в геноциде их народа во время Кавказской войны? Вопрос заполитизирован, законодательства против геноцида в то время не существовало, практически все страны в прошлом делали это, хотя никто виновными в этом себя не признает... Все так запутано! Что же делать? Давайте вспомним старую греческую философскую максиму «Подобное постигается подобным» и сравним ситуацию, имевшуюся на Кавказе в XVIII — XIX веках, с каким-либо явным признанным или непризнанным геноцидом. Сравним один в один — близко и буквально, попробовав примерить на ситуацию с адыгами, то, что происходило

с другими народами и посмотреть — сходятся ли? Сходятся ли факты исторического прошлого, сходятся ли аргументы за и против, да и вообще, можно ли заменить одно другим, чтобы убедиться насколько эти ситуации равнозначны? Не будет ли это резать глаз? Ну и в зависимости от удачности сравнений, применим к вопросу о геноциде адыгов те же выводы и решения, которые международное сообщество выносит по другим случаям доказанных или недоказанных примеров геноцида. То есть: похожа ли ситуация с черкесами на другую ситуацию и если та, другая, признана геноцидом, значит, требования адыгов о признании своего геноцида совершенно справедливы и должны быть поддержаны, если нет — то нет.

Что интересно, такой анализ никогда не производился адыгскими учеными и общественными деятелями. Опираясь на доказательства типа «Как можно не верить в геноцид адыгов?» и «Наличие адыгского геноцида — бесспорно», они почему-то никогда не объясняли своему собственному народу что такое геноцид, какова международная правоприменительная практика в его случае и сравнима ли ситуация, сложившаяся с адыгами с тем, что испытали другие народы, геноцид которых признан. Меня лично такая укороченная аргументация всегда сильно настораживала и побуждала к поиску информации. Давайте возместим этот пробел адыгской историографии и сделаем то, что адыгские ученые и этноактивисты должны были сделать много лет назад — рассмотрим ситуацию всесторонне и покажем народу насколько требование о признании геноцида адыгов сопоставимо с реальными историческими событиями и с мировой практикой в этом вопросе.

ГЕНОЦИД ИНДЕЙЦЕВ В США

Для наиболее детального разбора, предлагаю взять пример современного мирового лидера, страны, претендующей на звание супердемократической, суперморальной и всегда правой — предлагаю замахнуться на наше самое дорогое — на Соединенные Штаты Америки.

Этот пример удобен как своей яркой выраженностью — геноцид индейцев — известная штука, так и авторитетностью, вовлеченной в него стороны. Если раньше, всего одно поколение назад советские люди говорили — «мы себя под Лениным чистим, чтобы плыть в историю дальше», то теперь многие чистят себя под США. В частности, это делают страны — члены Европарламента, куда адыгские общественные организации передали свое обращение. Интересно знать, как же обстоит с этим делом у их кумира и лидера! Начиная с этого момента, я прошу читателя, читая об Америке, видеть не только и не столько США, а Северный Кавказ и примерять все происходившее на американском континенте на наши степи, леса и горы. Было ли это похоже?

Обвинения США в геноциде индейцев нередки, если не сказать — часты. Как правило, этим занимаются индейские общественные организации, правозащитники, некоторые историки и определенные политические круги, желающие добиться от Америки каких-то уступок. В качестве обвинения обычно выступают простые, но красноречивые факты: за более чем двухвековой период колонизации Северной Америки, в которой бледнолицые пришельцы являлись однозначно агрессорами, на её территории погибло по разным данным от 1 до 7 млн. индейцев. Численность индейцев, населявших североамериканский континент, снизилась с 2—3 млн. человек,

проживавших там к концу XVII-го века до 237 тыс., находившихся на этой территории в 1900г.

Сторонники теории геноцида заявляют, что против индейских племен непрерывно велись военные действия, причем, развернуты они были как регулярной армией, так и теми, кого принято считать мирными жителями — колонистами. Индейцев постоянно убивали, их деревни и стоянки сжигали десятками, их экономическую и продовольственную базу, в виде охотничьих, рыболовных угодий и посевных площадей захватывали, а остатки самих индейцев вытесняли в малопригодные для жизни места — в глухие леса, пустынную местность, в северные районы и т.д. В результате, численность коренных жителей Северной Америки катастрофически снизилась и немало племен просто прекратили свое существование.

США обвиняют в явной и неприкрытой агрессии против мирных людей, которые жили на своей земле и никак не спровоцировали территориальную экспансию европейцев, а также в использовании крайне жестоких мер проведения этой экспансии. Сторонники теории говорят, что Североамериканский континент жил своей жизнью и шел по своему, индивидуальному и специфическому пути развития (который в чем-то не отставал от Европы), а вмешательство Старого Света прервало ход естественного процесса и поставило коренные народы континента на грань вымирания, а некоторые уничтожило полностью.

Особенно сильным аргументом являются утверждения о «звериной жестокости» европейцев, вырезавших под корень целые племена, заживо сжигавших детей

и плативших колонистам премию за «каждый скальп или иное убедительное подтверждение, что индеец был убит». Как правило, в доказательство своих слов сторонники теории геноцида приводят множество реальных исторических примеров, таких, как сожжение заживо 700 человек из племени пеквот, убийство более чем 200 женщин, стариков и детей племени вийот в Калифорнии, убийство 300 человек, собравшихся для проведения ритуального обряда у города Вундед-ни в штате Южная Дакота — инцидент, о котором недавно был снят фильм «Похороните мое сердце в Вундед-Ни» и многих других.

Особое, и, вполне понятное, неудовольствие у придерживающихся теории геноцида людей вызывает почитание людей, которые, будучи известными государственными, военными или общественными деятелями, участвовали в каких-то акциях против коренных жителей Нового Света. Общественные активисты выступают за изменение информации о них в учебниках истории, снос их памятников и т.д. Традиционное раздражение вызывает, например, видный американский деятель XVII века Натаниель Бэкон, пример которого вообще очень точно отображает двойственность в восприятии исторических фигур разными социальными и национальными слоями Америки. Потомок высших слоев английской знати, происходивший из блистательного и древнего рода лордов Бэконов, давших в череде прочих исторических деятелей, такую известную фигуру, как лорда-канцлера Англии барона Фрэнсиса Бэкона — основателя философского течения эмпиризма и автора фраз «Знание-сила» и «Любовь к Родине начинается с семьи», широко пропагандировавшихся среди нашего

народа в советское время, Натаниель Бэкон переехал в Новый Свет, основал пару плантаций и затем стал организатором восстания фермеров Вирджинии против англичан, очень известной и крайне популярной фигурой в народе. Чего только стоит его прозвище — Народный генерал! Официальная американская историография воспринимает Н. Бэкона как прогрессивного исторического персонажа, который смог отряхнуться от родовых пятен своего происхождения, выступить за правду и, в конце концов, озаменовать собой стремление американского народа к свободе. В истории Юга Америки он вообще является одной из святынь, а на находящейся в здании Палаты депутатов Вирджинии внушительной мраморной доске с барельефами известных личностей Бэкон назван «великим патриотическим лидером народа Вирджинии».

И все бы ничего, но проблема в том, что насколько «великий патриотический лидер» боролся за свободу белых колонистов, настолько же он выступал против свободы индейцев. Натаниель Бэкон вообще был очень жесток по отношению к ним — организовывал военные экспедиции, убивал их, сгонял с земли и в конце концов пролоббировал в Сенате штата закон по которому все захваченные индейцы становились рабами. Он вообще говорил, что если белый человек встречает индейца, то вариантов исхода этой встречи может быть только два — либо индеец должен быть убит, либо он должен стать рабом. В общем, милый такой дядечка!

Если послушать только сторонников этой теории, то складывается однозначное впечатление действительного геноцида и осознанного убийства целого ряда народов. Как можно не признавать геноцид индейцев?

Ведь это все факты. Однако, правда имеет много сторон! Не все так просто! Ни разу и ни одним государством Соединенные Штаты Америки не были признаны страной — организатором геноцида. Не было даже вероятности этого! И речь здесь не только в политической стороне вопроса — мало кто захочет портить отношения с мировым лидером, крупнейшей державой в экономическом и военном отношении, но и в том, что в США всегда находились соответствующие люди, которые могли аргументировано и убедительно отвергнуть все обвинения в геноциде.

Аргументы против американского геноцида можно разделить на 4 основные группы:

- Колонизация Америки мало походила на избиение беззащитных и не сопротивляющихся людей — это была полномасштабная война, в которой в определенные периоды и на определенных территориях перевес оказывался на разных сторонах. При этом индейцы неоднократно сами начинали боевые действия. Так, по подсчетам историков, примерно три четверти войн индейцев с белыми начались по инициативе краснокожих, а их жестокость по отношению как к белым, так и к другим индейцам нередко поражала европейцев.
- В уничтожении индейцев принимали участие не только белые, но и сами индейцы, которые враждовали между собой, уничтожали друг друга, служили белым колонистам, принимали участие в военных действиях против враждебных им племен, а зачастую и сами инициировали эти действия, за что получали от белых материальную или иную выгоду. Следовательно, если выдвигать обвинение

в геноциде, то единственно справедливым путем будет включить в число обвиняемых в геноциде индейцев и самих индейцев.

- Подавляющее большинство индейцев погибли не насильственным путем, не от сабель и пуль, а из-за отсутствия иммунитета к болезням, невольно занесенным европейскими колонистами. Живя столетиями изолированно от Старого Света, индейцы не знали таких болезней, как оспа, тиф, дифтерия, бубонная чума, холера, корь и т.д. Не имея иммунитета и не зная как лечить их, индейцы массово умирали.
- Новые поселенцы не ставили целью уничтожение индейцев. Им была нужна земля, и практически всегда, когда индейцы шли на компромисс с колонистами, то их никто не убивал, им предоставляли новую территорию для проживания, денежную и иную компенсацию, причем, как единовременную, так и регулярную, причем, продолжающуюся и в наши дни.

Желающих признать геноцид индейцев со стороны белых колонистов, а позднее и американского государства, в принципе не так много. Гораздо больше людей, которые считают эту точку зрения неверной, предвзятой и вредной. Они утверждают, что современные термины «агрессия», «оккупация» и вообще очень многие понятия современного права не применимы к событиям того времени, когда империи двигали границы, как фигуры на шахматной доске и целые народы переселялись по воле монархов. Известные и уважаемые в США историки и политики говорят, что вся история человечества, как гигантская паутина, была соткана и создана

из таких переселений и они несли всему человечеству не только кровь и смерть, но в том числе прогресс и развитие, и в том, что мир достиг современного уровня есть и огромная доля заслуг человека, который когда-то посадил свою семью на корабль и отправился покорять новые для него пространства.

Кроме того, они утверждают, что если с подобными мерками подходить ко всем случаям освоения новых территорий, то тогда нам нужно признать геноцидом Великое переселение народов, Эпоху великих географических открытий, переселение венгров с Урала в Центральную Европу, а главными «геноцидоносцами» тогда станут Колумб и Васко да Гамма у европейцев и Ермак с Афанасием Никитиным у нас. Да и само переселение предков индейцев из северной части Азии на американский континент тоже нужно будет представить как акт агрессии против мирного континента, который развивался своим путем и не провоцировал предков индейцев на их появление.

В противовес сторонникам наличия геноцида, многие американские историки говорят, что индейцы, с которыми пришлось столкнуться колонистам, отнюдь не были похожи на белых и пушистых мирных жителей, творящих добро и исповедующих гуманитарные ценности современного порядка. В массе своей это были воинственные племена, которые понимали только язык силы. По их мнению, это было не массовое убийство беззащитных людей по национальному или расовому признаку, а настоящая война, которая шла длительное время и во время которой индейцы располагали внушительными силами, зачастую даже превосходящими силы переселенцев.

Как правило, индейцы сами начинали боевые действия и при неспособности колонистов защитить себя, они редко пропускали случай расправиться с беззащитным поселением колонистов или их обозом, а их жестокость по отношению как к белым, так и к другим индейцам нередко поражала европейцев. Это в особенности верно для первого этапа колонизации, который унес жизни многих и многих европейцев, включая женщин и детей, которые тоже не провоцировали индейцев на нападение.

Таким образом, официальная позиция США формулируется следующим образом: нельзя говорить о геноциде против индейцев. Ряд моральных принципов нашего времени вообще неприменим к событиям той эпохи и обвинять в геноциде только одну сторону, когда убийства и зверства творили обе — неправомерно. Да, европейцы выступали в роли агрессоров, но это было не избиение беззащитных, а настоящая война, которую индейские племена вели в соответствии с тем уровнем развития на котором они находились. Это была длительная и кровавая война, в которой периоды боевых действий сменялись мирным временем и в которой представители индейской расы были на обеих сторонах, зачастую уничтожая друг друга, следовательно, обвинять в их истреблении только европейцев нельзя. Кроме этого, европейцы просто не имеют отношения к гибели значительной части индейцев, которые умерли от болезней.

С логикой подхода США трудно не согласиться. Но как же обстояло дело в Черкесии во время Кавказской войны? Применим ли этот случай к Кавказу? В чем адыгские этнические лидеры обвиняют Россию?

Адыги и индейцы.

Берем Обращение черкесских организаций в Европарламент. Это очень интересный документ сам по себе и мы к нему еще не раз будем возвращаться. Цитируем:

«В ходе военных действий осуществлялись — захват территорий, целенаправленное лишение мирного населения основных средств жизнеобеспечения: уничтожение садов и посевов, захват скота, сожжение дотла мирных селений.

Совершались массовые убийства мирного населения: женщин, детей, стариков.

К середине XIX века организованное сопротивление адыгов (черкесов) было сломлено. С 1862г. начинается массовая насильственная депортация коренного населения. Сотни тысяч людей, согнанных на побережье Черного моря, гибнут от холода, голода, эпидемий. По заниженным данным Адольфа Берже (1828—1886 гг.),

который считался в то время официальным историком Русско-Кавказской войны, из более чем миллиона адыгов (черкесов) в войне погибло свыше 400 тыс. человек, выселено 497 тыс. человек, на исторической родине осталось около 80 тыс. человек. Однако беды нашего народа на этом не закончились...

В многочисленных архивных документах есть сведения участников трагических событий, которые позволяют сделать главный вывод — войну, которую вело Российское государство в XVIII — XIX вв. против адыгов (черкесов) на их исторической территории, нельзя рассматривать как обычные военные действия. Россия ставила целью не только захват территории, но и полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель. Иначе нельзя объяснить причины нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе.

Процесс насильственной депортации продолжался вплоть до Первой мировой войны, как отдельными семьями, так и целыми населенными пунктами... За 142 года после окончания Русско-Кавказской войны Россия неоднократно меняла свое политическое устройство, но отношение к адыгам (черкесам) оставалось неизменным — это насильственная культурная ассимиляция оставшегося коренного населения на своей исторической территории и запрет на возвращение изгнанных с Северо-Западного Кавказа адыгов (черкесов)».¹

Итак, суммируем все вышеизложенное: невероятная жестокость, стремление уничтожить или выселить целый народ, насильственная депортация, принуди-

¹ Обращение адыгских (черкесских) организаций в Европарламент. Цит. по сайту «Черкесский геноцид».

тельная культурная ассимиляция. Отсюда абсолютно логично вытекает следствие: «просим Европарламент всесторонне и объективно рассмотреть наше Обращение и признать геноцид адыгского (черкесского) народа, совершенный Российским государством с конца XVIII до начала XX вв.»¹

Вот... «Просим признать геноцид». Теперь давайте пошагово по пунктам сравним то, что происходило с адыгами и с индейцами. Начнем с невероятной жестокости.

ЖЕСТОКОСТЬ

Как мы помним, одной из причин, по которой индейцы требуют квалифицировать то, что происходило на североамериканском континенте была именно жестокость белых по отношению к коренным жителям континента.

Они говорят, что колонисты безжалостно вырезали целые деревни и стойбища, убивали женщин и детей и вообще целенаправленно занимались убийством беззащитных людей. Однако официальная наука отвечает, что классифицировать действия переселенцев как геноцид нельзя потому, что это все-таки было полноценной войной, где индейцы вели боевые действия против европейцев и зачастую даже имели преимущество, а по отношению к мирным жителям сами индейцы вели себя точно таким же образом, если даже не хуже.

Как же с этим обстояло дело на Кавказе?

Говоря об обвинениях адыгов в адрес Российского государства, следует открыть небольшой секрет и сказать, что одна из причин, про которой я в качестве примера

¹ Обращение адыгских (черкесских) организаций в Европарламент. Цит. по сайту «Черкесский геноцид».

выбрал именно геноцид аборигенов Североамериканского континента — в том, что их аргументация практически идентична аргументации адыгов, и, значит, нам будет легче сравнивать позиции сторон: черкесы тоже говорят о «нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе», о «массовых убийствах мирного населения: женщин, детей, стариков», о «сожжении дотла мирных селений» и т.д. Полное совпадение! Совпадает ли аргументация их российских и американских оппонентов? Давайте, как говорится, прильнем к истокам — взглянем на несколько реальных случаев из того времени и оценим была ли «невероятная жестокость», против кого она была направлена и кем проявлялась. Ряд случаев я уже приводил в первой главе, их можно использовать и здесь, в конце концов, это просто документальные свидетельства времени, но приведем еще новые — это позволит нам лучше почувствовать пульс той эпохи.

Июнь 1828 г. Великолепный рейд тяжелой черкесской конницы по тылам русских. Более трех тысяч отборных, закованных в кольчуги всадников — представителей горской аристократии появились на левом берегу Кубани у станции Баталпашинской и, переправившись через реку, вышли непосредственно на Линию. В станциях ударили сполох и приготовились к отпору. В этот момент горцы, резко изменив маршрут, направились в незащищенное село Незлобное. Всадники поджигали строения, затем спешили в дома и убивали или вязали всех, кого могли увидеть. На глазах детей резали пожилых людей, хватали молодых, догоняли и рубили шапками убегающих.

В селе на постое находилось ремонтное депо Белгородского полка, состоящее из 8 человек. Солдаты оказали отчаянное сопротивление, но были буквально раздавлены массой нападавших. В церкви были зарублены старый священник и дьякон, бросившиеся спасать церковную утварь. Подошедшим к селу через час после набега казакам престала страшная картина последствий разыгравшейся трагедии. На месте зажиточного села остались только печные трубы. Улицы были завалены изрубленными и обгоревшими трупами стариков, детей, женщин. Из 640 жителей чудом уцелело немногим более сотни.

Лето 1835г. Эпизод преследования небольшим казачьим разъездом части черкесского отряда, вышедшего на Линию, но обнаруженного. Поняв, что внезапного нападения не получится, адыгские воины разделились и начали уходить по направлению к Кубани.

«Они неожиданно «оторвались» и куда-то пропали. Но баталпашинцы быстро нашли сакму (след) и начали преследование. Пользуясь своим численным превосходством, казаки, разделившись на две группы, пытались взять хищников в кольцо. Не получилось. Однако хищники не могли теперь отходить по желаемому пути. Казаки гнали их к Кубани, к Беломечетской. Ниже станицы, прижатые к берегу, абреки попытались переправиться через реку, но казаки не позволили: убили при попытке переправы четыре человека. Много раз хищники пытались схватиться врукопашную, но казаки уклонялись. В перестрелке почти все враги были перебиты. Остался только один, громадного роста, заросший до глаз бородой. К своему изумлению, только здесь казаки увидели, что среди абреков оказалась женщина-пленница. Хищник,

намотав волосы женщины на руку и, прикрываясь ею, с обнаженной шашкой пошел прямо на казаков. Те вначале замешкались, а затем четверо дружно напали на него, но хищник оказался непревзойденным фехтовальщиком. С необычайной ловкостью он, прикрываясь женщиной, как щитом, отражал нападения казаков. Молниеносный удар и шашка вылетела из рук казака, а сам он раненым повалился на землю. Видя, что даже четверо не справляются с таким остервеневшим противником, казаки начали стрелять по нему. Несколькими выстрелами удалось повалить хищника. Падая, он не выпуская волос пленницы, пытался шашкой перерезать ей горло. Но налетевший хорунжий успел ударить его по плечу и выбить оружие. В этой схватке казаки потеряли еще три

Чеченцы, спускающиеся с гор для набега.

человека ранеными. Но банда была уничтожена. Судя по экипировке, прорвавшиеся за Линию намеревались «поработать» здесь основательно».¹

Май 1823 г. «Партия Джембулата напала на с.Круглолесское. Крестьяне были отчасти сами виноградники в такой участи села — в нём стояла рота Кабардинского полка капитана Цыклаунова, но мужики, ревнуя жён к солдатам, настояли на их уходе. 13 мая Цыклаунов выступил из села. Узнав о нападении, он пошёл назад, но горцы задержали его отряд (2 роты кабардинцев, постовая команда из 24 хопёрцев, 1 орудие). Потеряв 25 солдат, Цыклаунов прорвался и спас село от полной гибели. Джембулат стал отступать. Генерал Сталь с отрядом (250 солдат, 200 казаков и 2 орудия), извещённый о погроме, присоединил к себе казаков с постов и пошёл к месту обратной переправы партии. В это время отряд подполковника Урннжеевского перешел Кубань у Пр.Окопа и двинулся к Лаббе наперерез партии. При ненастной погоде пехота отряда Сталя отстала и, на переправе у Невинномысского укр., партию встретили хопёрцы Солдатова и Кубанский полк майора Степановского при 2 орудиях. Винтовки из-за дождя не действовали, в рукопашном бою было изрублено до 150 черкесов (всего за набег убито до 250 горцев). Не переправленных через реку пленных горцы резали и топили в воде, почти весь скот был брошен с подсечёнными ногами. «Хищники» вырвались «сильно расстроенные» и уцелели из-за измены проводников отряда Урннжеевского. Они повернули его назад прямо перед уходившей партией. На Б.Зеленчуке черкесы ночевали и, разделив добычу, разошлись. В Круглолесском погибло

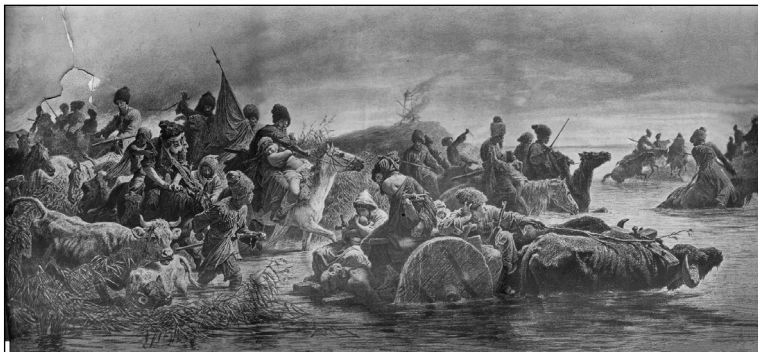
¹ Н.М. Обозный. «На Кубани. Станица Невинномысская.», Цит. по сайту «Невинномысский хронограф»

50 человек, 41 ранен, 345 взяты в плен (40 из них отбиты в «израненом виде»), угнано 677 лошадей и 1067 голов скота, имущество разграблено (для поживы разрывали даже могилы на кладбище и дёргали гвозди из построек).»...

Июль 1823 г. «Русские войска устраивают «репресалии» за набег Джембулата. Войска перешли Кубань, вышли к Б. Зеленчуку и захватили врасплох 5 ногайских аулов. В плену оказались 3 князя с семьями и родственниками, много «простого народа». 2 июля отряд, с большим числом пленных и скота, пошёл обратно. На помощь ногайцам прибыло около 1000 «беглых кабардинцев», бесленеевцев, абазинов и абадзехов. Войска разбили их у Усть-Тохтамышского поста. Итог экспедиции — горцы потеряли много убитыми и ранеными, пленено 1467 человек, взято около 5500 голов рогатого скота, 2000 овец. Мужчин отправили в Георгиевск на казённые работы, а стариков, женщин, детей раздали по станицам и селам. Официальные потери отряда — убиты 1 солдат и 2 казака, 2 навагинца утонули, ранены 1 солдат и 8 казаков».

Апрель 1823 г. «Отряд Вельяминова (3 батальона пехоты, Кубанский и Кавказский полки, 18 орудий пешей и конной артиллерии) переправился у Пр.Окопа для захвата «беглых кабардинских аулов» за Лабой. Отряд полковника Фёдора Бековича-Черкасского (полу-черкеса по происхождению — А.Е.) послали разведать их местоположение. За Лабой он обнаружил укреплённый аул «беглого» кабардинского князя Али Карамурзина. Аул был сожжён, его население погибло в огне (только знатных узденей — 68 человек). Всего у кабардинцев погибло более 1000 человек, в плен взято 139 «душ», захвачено до 4000 голов скота и лошадей. Потери отряда — 3 раненых казака (2 смертельно).»

Январь 1824 г. «Из Усть-Лабинской крепости выступил отряд Кацырева (2357 человек пехоты, 950 линейцев, 14 орудий), чтобы остановить аулы князя Мисоса Айтеко. Упустив их, Кацырев «сорвал злость» на не имевших никакого отношения к первоначальной цели похода бжедугах. Перед приближением отряда старики, женщины и дети начали уходить под прикрытием конницы. Линейцы нагнали обоз и окружили его большую часть. Только 150 человек захватили в плен, остальные, кто пытался сопротивляться, были убиты. 14 января Кацырев вернулся с пленными и 1000 голов скота. Император, за лишнюю жестокость, объявил ему выговор.»¹

Возвращение линейных казаков с набега.

Вот такая история. Неприкрытая. Нагая. Чьи действия более жестоки — Российской армии или черкесов? Я не знаю. И даже не хочу выбирать! Иначе придется считать, что жизни и страдания представителей какой-

¹ К.В. Скиба. «Из истории «Малой Кавказской Войны» на Кубанской Линии». Диссертационная работа. Армавирский Государственный педагогический институт. 2005.

то одной стороны — русских или черкесов — нам дороже жизни людей, бывших на другой стороне.

Примерно такую позицию занимает и американская историография, подчеркивая, что в ходе боевых действий обе стороны демонстрировали примеры жестокости и негуманного отношения к мирным жителям и сейчас неправомерно выбирать только одну из них, выпячивать её страдания и забывать о её собственных, говоря с позиций современного права, преступлениях.

Не-пра-во-мер-но! И с точки зрения истории, и по закону, и по моральным принципам!

Тем более, что история Кавказской войны дает нам в этом вопросе удивительное совпадение периодичности этой войны с тем, что происходило на американском континенте. Практически 100%-ное!

Во время первоначального освоения двух Америк немногочисленные колонисты были легкой добычей огромного количества индейцев — те разоряли их деревни, убивали жителей, сжигали посевы, вырезали семьи, поселившиеся вдалеке от общества. Зверства, которые они демонстрировали были абсолютно однопорядковы тем, в чем сами индейцы обвиняют сейчас колонистов. Когда же позиции переселенцев усилились, ситуация поменялась на прямо противоположную. Теперь уже индейцы стали выступать в роли жертвы. В наше время, потомки «краснокожих» полностью забывают о первом периоде — «тут помню — тут не помню» — и основывают свою позицию жертв геноцида лишь на втором отрезке истории освоения континента, где уже их предки предстают в роли униженных и уничтожаемых.

До конца 1810-х гг. российская политика на Кавказе была однозначно оборонительной. В течении почти 50 лет, включаемых адыгами в Кавказскую войну и тоже

относимых к геноциду, не имевшему аналогов в истории, Россия стояла на правобережье Кубани, на бывшей земле ногайцев, на землю Черкесии никак не посягала и Кубань с Лабой переходила только в крайнем случае, нехотя, и только в ответ на набеги горцев. На черкесской земле в это время находилась только крепость Моздок, построенная там во многом по просьбе владельца тех мест, кабардинского князя Кургоко Канчокина.

В течении всего этого периода Россия говорит о мире с горцами, пытается торговать с ними, стремится не вступать в конфликты, а если и делать это, то только в ответ на их нападения и только на российской земле, на землю же горцев не ходить. Одно время даже существовало правило, что все переходы Кубани войска могли делать исключительно с личного разрешения Императора Павла I. Нарушители этого правила жестоко наказывались вне зависимости от того при каких условиях это нарушение было сделано.

Так, в 1797 году более 300 кубанских казаков в ответ на постоянные набеги горцев, доведших многих из них их до полунищенского состояния, самовольно переправились через Кубань, напали на черкесский аул и увели из него до 5 тыс. овец.

Когда об этом стало известно императору Павлу I, он приказал овец черкесам вернуть, командира полка отдать под суд, а казакам от его имени передать, что в случае повторения подобного участники набега будут отданы в руки адыгам.

Интересно читать российскую переписку того времени. Почти вся доермоловская российская военная корреспонденция на Западном Кавказе пронизана духом если уж не толстовщины, то уж по крайней мере духом

непровоцирования адыгов. Набеги, подобные вышеописанным, в ней именуются «шалостями», военному командованию рекомендуется их предотвращать, при возможности выдавливать черкесов, пробравшихся на российскую территорию и только в крайнем случае уничтожать их.

В соответствии со множеством свидетельств, все происходившее в тот период не воспринималось самими адыгами в качестве Отечественной войны и борьбы за свободу — за какую свободу, кто на нее посягал? В течении долгих десятилетий российский мир заканчивался на правом, не черкесском берегу Кубани и русские не проявляли желания захватывать адыгские земли, аннексировать их и устанавливать свои порядки. В то же время черкесы видели соседство все увеличивающегося количества тогда еще слабозащищенных русских поселений как великолепную цель бытовавшей у них набеговой системы хозяйствования, в которой грабежи соседей были крайне важным элементом жизнеобеспечения, видом деятельности, которым практически полностью занимался правящий класс адыгского общества — князья и дворяне и частично, в свободное от сельскохозяйственных работ время — свободные крестьяне.

Это было время, когда общественное сознание горцев оправдывало и превозносило набеги, считало их естественными и необходимыми. По понятиям, бытовавшим тогда среди адыгов, грабежи и захваты людей не только не считались преступлением, но признавались молодчеством, удалью и были вообще самым почетным ремеслом в обществе, во многом возведенным в ранг культа. То время хорошо описал Хан-Гирей — один из адыгских писателей, почти современников: «в степях между Кубанью и Доном...наездники, как метеоры, летали по нему,

всюду оставляя кровавые следы».¹ В качестве примеров таких следов можно вспомнить набег, произведенный в 1771г. князем Сокуром Арсланбеком Аджи на донскую станицу Романовскую, когда чуть ли не полстаницы жителей были убиты, а вторая половина попала в плен и была угнана за Кубань. Участь подобных пленников, как правило, была печальна — либо их семьи должны были заплатить огромный выкуп, что впоследствии обрекало людей на нищету, либо, если выкупа не было, либо он был слишком мал, несчастных гнали к побережью и продавали в Турцию. Некоторых, как правило, искусных ремесленников, черкесы оставляли.

Все меняется после прихода на Кавказ Ермолова. Именно его и еще основателя Армавира — генерала Засса с особой силой, как индейцы Бэкона, ненавидят северокавказцы. Именно его памятники в Грозном еще в советское время периодически разрушались «благодарными» чеченцами. С приходом Ермолова кавказская политика России становится принципиально другой. Но основа этих изменений лежит совсем не в том, в чем его упрекают многие из нынешних записных этногуманистов — не в излишней жестокости и не в уничтожении мирных жителей — Ермолов был первым, кто понял, что на Кавказе нельзя вести войну по европейским принципам и перешел на местные правила и нормы военных действий. Это касается и его приказов в обязательном порядке жестко карать за каждый набег, и его политики взятия с селений аманатов (заложников), совершенно немыслимой при войне в Европе, и того, что операции

¹ Хан-Гирей. «Наезд Кунчука. На Кавказе.», Екатеринодар, 1909.Т.1, Вып. 2

русских войск при нем превратились тоже в какое-то подобие набегов, в которых действительно гибли мирные жители и, конечно же, его тактики привлечения для военных операций против горцев самих горцев.

Было ли то, что он делал, жестоко? Да! Несомненно! Но ведь это была та самая политика, которую на протяжении многих десятилетий демонстрировали сами адыги. Это была политика, целью которой (хотя, конечно же, не единственной!) во многом, как раз и была нейтрализация адыгских набегов!

Разве можем мы теперь забывать о массовых и постоянных черкесских набегах на кубанскую линию, в первый период военных действий не являвшуюся угрозой черкесским землям и превозносить исключительно страдания адыгов во второй их период?

Разве справедливо видеть только черкесские головы, насаженные на пики генералом Зассом и заставлять потомков сотен убитых и угнанных в рабство жителей станицы Романовской учитывать только их и считать это страшным геноцидом, а страдания своих предков полностью забывать?

Справедливо! — говорят нам современные адыгские общественные лидеры. Несправедливо! — говорят американские ученые и политики по поводу точно такой же ситуации, наблюдавшейся во время колонизации североамериканского континента. И та, и другая сторона в своих действиях прибегали к жестокости и бесчеловечности и в этих условиях мы не можем назначить одну сторону безусловной жертвой, а другую — безусловным палачом и агрессором.

Это так, возражают им адыгские лидеры, но ведь черкесы-то были на своей земле и защищали Родину,

а значит вели справедливую войну!... Да и нет! Действительно, с позиции морали нашего времени можно сказать, что на втором этапе Кавказской войны, черкесы защищали свою Родину от вторгшихся на нее российских войск. Но чью Родину они защищали в течении 50 лет до этого? Чью Родину они защищали в станице Романовской и селе Каменнобродском? Защита чьей Родины достигалась ежегодной продажей тысяч рабов в Турцию?

Да и это не важно! В любом случае, это никоим образом не связано с вопросом о признании геноцида — геноцид не знает справедливых, либо несправедливых войн, он не признает политической целесообразности конфликтов и оперирует лишь понятиями действий по целенаправленному и осознанному уничтожению народа.

Поймите меня правильно, я далек от мысли оправдать Кавказскую войну стремлением России обезопасить свои границы от черкесских набегов и прекратить на Кавказе работорговлю. Хотя и в таких теориях тоже недостатка нет. Я уверен, что в основе войны лежат гораздо более глубокие процессы. Нельзя — неправильно и преступно! — полностью закрывать глаза на жестокости, чинимые одной стороной конфликта и с лупой в руках изыскивать и выпячивать любые пакости, творимые стороной другой!

Вся несостоятельность теории о геноциде черкесов видна и при сравнении ситуации на Кавказе с любым признанным и неоспоримым геноцидом. Например, геноцидом евреев в годы II Мировой войны. Здесь и далее мы не раз будем сравнивать два эти случая, примерять то, что произошло в одном случае на ситуацию в другом, ведь если и там, и там мы имеем дело с геноцидом, то

они хоть в чем-то должны быть сопоставимы и однопорядковы!

Так вот, давайте представим, что в 1942г., подвергшиеся геноциду евреи, по аналогии с адыгами... организовали нападение на, скажем, приграничный немецкий Кенигсберг. Оголтелая еврейская военищина ворвалась в город, отряды, состоящие из великолепных, прославленных еврейских военных, живущих «с меча», влетают в спящий и беззащитный немецкий город. Евреи убивают, жгут, захватывают мирных немецких бюргеров, хватают без разбора женщин и детей, чтобы увести их в свой, в еврейский тыл, и там часть за принадлежность к немецкой нации убить, часть заставить работать на себя в качестве бессловесной скотины и часть продать. Набрав множество пленников, евреи уходят, их нагоняют летучие немецкие отряды, родственники плененных жителей. Некоторых пленников в израненном состоянии отбивают, понимая, что всех им забрать не удастся, евреи часть горожан убивают прямо у линии фронта, а часть все-таки уводят с собой.

Представили? Уверен, что нет, даже если у вас очень и очень богатая фантазия. Вот поэтому в случае с евреями мы этот геноцид признаём, а в случае с адыгами..., погодите. Пойдем дальше!

БОЛЕЗНИ

Еще одним аргументом противников признания геноцида индейцев является факт, о котором начисто и очень удобно забывают сторонники этой теории. Дело в том, что, обвиняя США и европейских колонистов в гибели миллионов индейцев, эти люди

абсолютно не принимают во внимание то, что по крайней мере половина погибших коренных обитателей североамериканского континента умерла совсем не от пуль европейцев или сабельных ударов американской конницы, а скончалась в следствии эпидемий, от голода, лишений и т.д. Естественно, эпидемии, лишения и голод встречались в Америке и до её открытия Колумбом, но белые переселенцы принесли с собой ряд болезней, которых раньше индейские народы не знали, не имели к ним иммунитета и не знали способов лечения. Тиф, чума и т.д. — индейцы умирали от них поодиночке, десятками, сотнями, целыми поселками и племенами.

Почему же, спрашивают противники версии геноцида, в смерти индейцев от болезней обвиняют белых колонистов? Как можно приравнивать к жестокому убийству смерть человека от эпидемии? Ведь европейцы не целенаправленно занесли страшные болезни в Америку и, за исключением всего одного известного случая, не заражали ими индейцев специально. Ведь не обвиняем же мы сейчас жителей Африки в том, что на их континенте зародился СПИД? И не обвиняем индусов в том, что, по одной из версий о происхождении проказы, индусы заразили ею солдат армии Александра Филипповича Македонского, а те уже принесли этот страшный недуг в Европу. Если где-то от гриппа умирает человек, мы же не сажаем в тюрьму его соседа, от которого он, возможно, подхватил инфекцию!

Можно ли отнести вышесказанное к ситуации на Кавказе? «Из более, чем миллиона адыгов (черкесов) в войне погибло свыше 400 тыс. человек», говорится

в обращении адыгов в Европарламент. Огромная цифра! Сколько же из них погибло в ходе боевых действий? Сколько человек было убито русскими?

Конечно, подсчитать это очень сложно. Каких-либо точных данных адыги, естественно, не вели и любая приведенная цифра будет иметь значительную долю приближенности. Однако, лучше иметь хоть что-то приблизительное, на что можно опереться, чем ничего вообще. Интересные в этом отношении записки оставил генерал Фадеев Р.А. — прекрасный русский офицер, бывший одинаково смел и умен как при личном участии в атаках, так и при планировании боевых действий. Фадеев, кстати, был офицером штаба при генерале Барятинском и лично планировал операцию взятия аула Гуниб, где был пленен Шамиль. Он же и составил вошедший в историю лаконичный приказ Барятинского, ознаменовавший конец войны на Восточном Кавказе: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию». Это был человек, который среди множества своих наград считал самым ценным личное знамя Шамиля, подаренное ему тогда князем Барятинским. Так вот, генерал Фадеев считал, что «не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах...».¹ Да, в этой цитате есть определенная доля допущения, ведь Фадеев высказал её по отношению лишь к последнему году Черкесии, когда адыги оставляли свои дома, массово двигались к черноморским пристаням и жили под открытым небом, но других данных бесписьменное адыгское общество нам

¹ Фадеев Р.А. «Письма с Кавказа редактору газеты "Московские ведомости"». СПб. 1865.

не предоставляет и поэтому её необходимо принимать в расчет. Кстати, адыгские историки и общественные деятели очень любят цитировать генерала Фадеева. Правда, из всего немалого литературного наследия генерала, считающегося кроме всего прочего и военным историком, они почему-то выдергивают лишь 2—3 фразы, забывая обо всем остальном. Здесь и далее я буду не раз цитировать те фразы Фадеева, на которые они странным образом не ссылаются. Но давайте обо всем по порядку...

Массовые эпидемии неизвестных болезней, к счастью, не были распространены на Кавказе, так как это было в Америке, но в «покорении» края они тоже сыграли свою роль. Наиболее опасной болезнью в то время была чума. Эпидемии чумы не были в новинку для адыгов, они периодически происходили на Северном Кавказе, и до проникновения русских, так, сильная эпидемия этой болезни охватила Кабарду в 1736—1737 гг. Иоганн Бларамберг, например, считал, что чума проникала в земли Черкесии из Турции, которую нередко сотрясали мощнейшие эпидемии этой болезни и откуда она неоднократно проникала в Европейский страны и в том числе в Россию. «Из-за этой торговли к ним проникала чума, истребившая их детей, что неизбежно вызвало заметное сокращение населения».¹

Жестокая эпидемия чумы охватила Кабарду с 1804 по 1826 гг. и выкосила по некоторым данным от половины, до двух третей её жителей, Это привело к серьезным миграциям кабардинцев на другие территории Кавка-

¹ И. Бларамберг. «Топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», Библиотека сайта «Восточная литература».

за, как занятые, так и не занятые русскими, в том числе в Чечню и сыграло свою роль в «усмирении» края. В результате военных действий, многолетней тяжелейшей эпидемии и огромной в процентном отношении миграции, к 1812г. на территории Кабарды по некоторым данным из 350 тыс. коренных жителей остаются чуть более 60 тыс. человек.

«Моровая язва (чума) была союзницей нашей противу кабардинцев, ибо, уничтожив совершенно население Малой Кабарды и произведя опустошение в Большой Кабарде, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...», писал тогда Ермолов.¹ Но на чуму, как Вы понимаете, обвинение в Европарламент подать нельзя, поэтому теперь умерших от болезней кабардинцев современные этнопатриоты, не раздумывая, записывают как убитых русскими.

Другой распространенной в то время болезнью была малярия. Сейчас уже мало кто знает, что многие районы, которые сейчас мы воспринимаем как благодатные и чей климат считаем полезным, еще меньше века назад были опасными для здоровья и считались, без малейшего преувеличения, гиблыми. В то время на Кавказе находилось много водоемов, которые мы сейчас называем анафилогенными — т.е. те, где водятся малярийные комары. Таких водоемов и болот было немало, например, в районе современных Сочи и Сухума. Известно, что по причине малярии абхазы и убыхи не любили селиться непосредственно в низменности — у моря — и предпочитали уходить чуть выше. Немало таких болот было и в районе еще одной современной здравницы — Пятигорья

¹ А.П. Ермолов. «Записки во времена управления Грузией». Москва 1991.

и т.д. Многие из них осушили лишь в 1920—1930-х гг., но кое-где они сохранялись еще и в 1950-х гг., то есть, на памяти еще живущего поколения. По воспоминаниям жителей Сочи, в 1920-е гг. диагноз малярия ставился каждому второму, обратившемуся к врачу. Малярия была очень распространенной болезнью. Она просто бушевала на Кавказе, особенно там, где была вода, известны случаи, когда черкесы просто бросали свои поселения и уходили туда, где малярийных комаров не было.

Нередки были в горах и случаи голода. Только в первой половине XIX века возникает несколько случаев сильного голода — в 1829, 1840 и 1845—46, 1859 гг. Как правило, все они происходят из-за неурожая и поражают в основном черкесские народности, жившие в горах и по естественным причинам имевшие ограниченное количество пахотной земли — абадзехов, махошевцев и егерухаевцев. Наверное, можно говорить о том, что в какой-то степени эти неурожаи были вызваны отрывом народа на боевые действия и военными тяготами, но ограничиваться только этой причиной абсолютно неправильно. Так, например, очень сильный голод 1859г. был вызван жесточайшим нашествием саранчи, уничтожившей посевы.

Немало адыгов умерли и во время трагической депортации 1864г. от голода и лишений. (Более подробно об этом мы поговорим позже). Описание страданий людей, стремившихся оставить Родину и переселиться в Турцию вряд ли могут оставить кого-то равнодушным. В книге «Кавказские горцы» Я. Абрамов так описывает процесс изгнания черкесов: «Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать... Один рассказывает о трупe матери, грудь

которого сосет ребенок; другой — о матери же, носящей на руках двух замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними, третий — о целой гряде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших».¹

В этой книге описывается, как черкесы собирались приморских городах — Анапе, Туапсе, Новороссийске, в мелких бухтах, еще не занятых царскими войсками. Здесь они могли ожидать прихода судна и наступления своей очереди в течении нескольких месяцев под открытым небом, зачастую без средств к существованию. От голода и болезней люди мерли буквально тысячами, зимой к этим напастям прибавлялся еще и холод. Очевидцы говорят, что весь черноморский берег Кавказа был усыпан трупами и умирающими, среди которых лежали живые, ожидающие отправки в Турцию люди. Но и в Турции их беды продолжились и еще увеличились.

Без сомнения, депортацию, переселение адыгов нужно считать одной из величайших трагедий адыгского народа, закономерным результатом Кавказской войны и всех ошибок, сделанных людьми, находившихся по обеим сторонам той войны.

Можно ли считать гибель многих тысяч адыгов из-за болезней и лишений, так или иначе имевшихся в течении столетнего периода и в определенной степени явившихся результатом военных действий и военного поражения черкесов, доказательством геноцида, развязанного против них Россией с целью уничтожить всех горцев

¹ Я. Абрамов, «Кавказские Горцы», «Материалы для истории черкесского народа», Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990.

под корень? Давайте спросим себя — были эти болезни принесены на Кавказ русскими? Заражали ли они адыгов специально? Создавали ли они преднамеренно безвыходную, безвариантную ситуацию, при которой адыги неминуемо и осознанно для российского командования, должны были бы все погибнуть? А может быть болезни и лишения случались избирательно и касались только адыгов?

Российские войска и переселенцы находились в аналогичном с черкесами положении. Болезни косили их точно также. По отношению к ним тоже считается, что только 10% солдат и офицеров, погибших в Кавказской войне, были убиты в ходе военных операций. Остальные же погибли от болезней, лишений, отсутствия медицинской помощи. Цинга, тиф и малярия буквально косили ряды русской армии. Некомплект в невоюющих частях мог достигать 80%. Особенно трагично дело обстояло на морском побережье — там, где стояли русские крепости — там, где черкесы и абхазы не селились из-за широкого распространения малярии. Например, в укреплении Святого Духа, стоявшем на месте нынешнего города Адлер, весь гарнизон, состоявший из 922 человек, вымер в течение 5 лет. В 1845г. на всей Черноморской линии было убито 18, а умерло от болезней 2427 человек. В начале 1840-х гг. во всех крепостях береговой линии вместо минимально требующихся 25 980 человек, налицо было только 2 776.

Русские декабристы, сосланные или сами вызвавшиеся поехать на Кавказ, сравнивали побережье с теми местами, где они находились в ссылке и называли их «теплой Сибирью». Кстати, именно в этой «Сибири» — в ныне благодатнейшем месте, неподалеку от

Сочи — в Лазаревском — умер от малярии автор известных строк «Из искры возгорится пламя» — декабрист и поэт Александр Одоевский.

Вот такая ситуация. Вот так и было. Правомерно ли теперь в смерти многих тысяч адыгов, павших за столетний период от болезней и лишений, обвинять русских, которые и сами были же в такой ситуации? Можно ли в смерти кабардинца Аслана, умершего от чумы, винить русского поселенца Ивана, который сам скончался от малярии? Почему за тифозные пятна Нафисет Россия должна признать себя виновной, а про такие же пятна Натальи нам нужно забыть и не вспоминать никогда? Получается полный абсурд — аул, вымирающий от чумы и малярии, мы должны причислить к геноциду, не имевшему аналогов в истории, а казачью станицу, стоящую рядом и в такой же степени страдающую от этих болезней, не замечать полностью или, более того, назначить виновной, заклеить с высоких трибун и примерно наказать?! Говоря реалиями нашего времени, если человек умирает от сердечной недостаточности, то как его соседа по лестничной площадке можно судить за его убийство?

Подход к вопросу о геноциде, выраженный в обращении в Европарламент, не дает ответа на эти вопросы. Не дают его и современные черкесские историки и общественные деятели. Они его просто не ставят. Этот вопрос этнопатриоты обходят стороной годами, застенчиво не обращая на него внимания и приписывая 360 тыс. скончавшихся от болезней голода и лишений к 40 тыс. человек, погибших в результате боевых действий. Без сомнения, такая односторонняя забывчивость очень удобна и по отношению к самому адыгскому народу это

работает. Люди верят! Другое дело, что при любом серьезном, научном, историческом рассмотрении темы геноцида, когда свою позицию будет нельзя доказать лишь выкриком «Ну как можно не верить в геноцид адыгов!» этот вопрос неминуемо поднимется, как поднимается он в случае с геноцидом индейцев и в ситуации, полностью аналогичной кавказской, дает право официальной Америке не признавать требования их потомков.

ТОРГОВЛЯ

Но, вернемся к нашим индейцам, друзья! Мы совсем забыли про них — про Чингачгука, Ункаса, Виннету и про Соколиного глаза. В прерии, друзья, в прерии! Напомню, что одно из обвинений потомков первых обитателей американского континента по отношению к его «вторым обитателям» строится на том, что поселенцам изначально была нужна земля, а индейцы на этой земле были не нужны, следовательно, они хотели уничтожить их всеми способами, стереть с лица континента, как расу, как народ, а это уже чистый геноцид.

Противники же такой точки зрения отвечают им, что ситуация была абсолютно обратна. Да, колонистам была нужна земля, но они не ставили целью уничтожение индейцев. Практически всегда, когда аборигены шли на компромисс с англичанами и французами, их никто не убивал, индейцам предоставляли для проживания новую территорию, денежную и иную компенсацию, причем, как единовременную, так и регулярную, причем, продолжающуюся и в наши дни.

Как же с этим обстояло дело на Кавказе?

Во-первых, стоит сказать, что обвинение Российского государства со стороны адыгских лидеров звучит

абсолютно идентично с позицией индейцев. Его нельзя было бы сделать более похожим на индейское обвинение даже если это очень сильно захотеть. Берем самый главный вывод Обращения в Европарламент: «войну, которую вело Российское государство в XVIII — XIX вв. против адыгов (черкесов) на их исторической территории, нельзя рассматривать как обычные военные действия. Россия ставила целью не только захват территории, но и полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель. Иначе нельзя объяснить причины нечеловеческой жестокости, проявленной российскими войсками на Северо-Западном Кавказе.»¹

Здесь необходимо отметить, что в рассмотрении этого пункта нам встретятся некоторые трудности. Как его доказывать или опровергать? Как доказать, что русским была нужна Черкесия, но не черкесы? Найти договоры Александра II с Сатаной, где было бы четко написано, за что конкретно он продает ему душу? Тут нам на помощь опять придет сравнение. Мы знаем, что делали немцы с евреями для того, чтобы их полностью уничтожить, знаем какие шаги предпринимали турки, чтобы получить армянские земли без самих армян. Что же делали русские? Давайте посмотрим.

Начнем с того, что делает любая держава, желающая осуществить геноцид над соседним народом и уничтожить его представителей «по национальному признаку» — с торговли. Торговля — это известный инструмент геноцида! Так, в 1930—1940-е гг., фашистская Германия, устроившая геноцид евреям, очень широко торговала

¹ Обращение адыгских (черкесских) организаций в Европарламент. Цит. по сайту «Черкесский геноцид».

с ними, в немецких городах существовали специальные, устроенные государством рынки, на которых любой еврей из любой страны мог продать продукты своего нехитрого труда. Германское государство контролировало цены для продажи товаров евреям. Славились торговлей и племена хутту с тутси. Во время геноцида тутси, любой их представитель мог пригнать стадо овец и продать их хутту. Не отставали в этом вопросе и сербы с хорватами — из истории известно, что во время вырезания сербов уставами в 1941 году, уровень их сербско-хорватской торговли поднялся особенно высоко.

Так было. Было ли? А вот на Кавказе во время «страшного геноцида» адыгов было именно так.

Здесь я позволю себе немного отступить. Прежде, чем вышла эта книга, я опубликовал её в укороченном варианте в виде серии статей на сайте АПН и у себя в Живом Журнале. Был опубликован и этот отрывок о торговле немцев с евреями и хутту с тутси во время геноцида. Практически сразу после этого я совершенно неожиданно получил недоуменное сообщение от одного интересного человека, временами пишущего у меня в ЖЖ — простого, хорошего парня, русского программиста, женатого на привлекательной (судя по фотографиям) девушке-негритянке, имеющего с нею двух детей и живущего в... Руанде — т.е. как раз там, где и происходил геноцид тутси и хутту. «Что-то Вы тут с торговлей перемудрили» — пишет он — «Я живу здесь уже седьмой год, общаюсь с живыми свидетелями геноцида каждый день, эти ужасные события затронули и семью моей жены, но ни о чем подобном, ни о какой торговле я не слышал. Откуда у Вас эта информация?»

Не подразумевая того, он попал в точку! Конечно же, не может быть никакой торговли во время геноцида! Это абсурд. Полная нереальность. Враг пришел убивать тебя, какую торговлю он может вести? Пришлось извиняться и объяснять ему, что это печальная ирония, попытка сравнить настоящий геноцид с теми событиями, которые происходили на Кавказе. Чем ценен его комментарий? Это неподдельная реакция простого человека, не историка и не исторического персонажа, а нашего современника, являющегося сторонним свидетелем настоящего геноцида, на попытку примерить к этому реальному, действительному, настоящему геноциду жизненные условия, существовавшие на Кавказе. Не может быть такого геноцида — говорит он нам — не бывает!

Но вернемся к «геноциду» торговому.

Изначально, со времен Моздока и переселения запорожских казаков, торговля была крайне важным элементом взаимоотношений между русскими и адыгами. Российские власти её всегда поощряли и стимулировали. Вместе с тем, в условиях военного положения, они стремились упорядочить торговые отношения, поставить их под свой контроль и сделать инструментом своей политики на Кавказе. В их глазах торговля должна была послужить средством сближения с мирными горцами и обогащения их путем взаимовыгодных отношений с богатой и могущественной Россией. В то же время, торговля, а вернее её отсутствие — блокада — была призвана стать средством влияния на немирные аулы и народности и их ослабления.

Общие мысли о торговле с черкесами выразил А.С. Пушкин, написавший в своем «Путешествии в Арзрум» в 1829г. «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение

восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться». Интересно высказывался историк и этнограф С. Броневский предложивший целую программу «исправления» горцев. По его мнению, России надо было последовательно бороться с набегами и разбоями, «неослабно преследовать хищников», «наказание соразмерять с преступлением», развивать торговлю с горцами и снять все таможенные заставы на Северном Кавказе, кроме Кизлярской, не допускать работорговлю, патрулируя военными судами побережье Черного моря и перехватывая корабли с невольниками.

В действительности же ситуация была намного глубже: адыгская экономика, как мы уже разобрали, основывалась на трех основных «столпах»: сельскохозяйственной продукции, обычной для этого региона, продуктов не очень высоко развитого ремесленничества (за исключением штучного производства ювелирных товаров, богато украшенного оружия и доспехов) и рабов. Причем, внешняя торговля была для адыгов очень критична, т. к. вышеописанная экономика крайне не самодостаточна и многие товары, необходимые для обеспечения нормальной жизнедеятельности и для ведения войны, на Северном Кавказе не производились или производились в крайне малом количестве и их, следовательно, надо было покупать в обмен на продажу собственных товаров и рабов. Такими продуктами для черкесов являлись железо, заготовки для холодного оружия, порох, соль и т.д. Естественно, такая экономика была крайне уязвима. Стоило ограничить поступление первоочередных товаров путем установления блокады, как немалое количество

горцев рано или поздно были бы вынуждены прекратить сопротивление.

До начала XIX века основными пунктами российско-горской торговли были три города — Екатеринодар, Моздок и Кизляр. В 1810—1820х гг. к ним добавляются несколько меновых дворов — Усть-Лабинский, Прочноокопский, Прохладненский, Константиногорский, Редутский, Малолагерный, Велико-лагерный, Новоекатеринославский, Славянский и др. Такими же дворами являлись порты в Керчи и Бугазе, откуда доставлялись товары прибрежным адыгам. В 1811г. создаются и утверждаются императором специальные «Правила для торговли с черкесами и абазинами», в которых говорилось, что правительство хочет «возбудить сколько можно более сношений и посредством деятельности и выгод торговли внушить сим народам ее пользу и приучать к употреблению наших продуктов и изделий». Естественно, что российская администрация позволяла торговать на этих дворах только с «мирными» адыгами и продавать им только разрешенные виды товаров. Если соль, недостаток в которой испытывали адыги, в эти товары, как правило, входила, либо же её разрешалось продавать тем «немирным», которые выдадут имевшихся у них российских дезертиров, то с железом, например, происходит вообще курьезная ситуация — зная об острой нехватке у горцев железа и опасаясь, что оно будет использовано для производства оружия, российские власти даже вычисляют какое-то его среднее количество, которое можно было ежегодно продавать «мирным» черкесам для покрытия их потребностей в сельскохозяйственных орудиях. Для этих целей была выдумана специальная формула, по которой, вроде бы,

можно было высчитать ежегодную потребность каких-то адыгских аулов в железе так, чтобы его хватило на плуги и бороны, но не хватило на шашки и ружейные стволы. Конечно же, сейчас это выглядит несколько иронично, но, тем не менее, такой подход очень зримо иллюстрирует намерения российского командования по отношению к адыгам.

С другой стороны, необходимо отметить, что русские войска и поселенцы, еще не прочно обосновавшиеся в регионе, не менее черкесов нуждались в продуктах сельскохозяйственного и ремесленного труда. Основными товарами, которые они приобретали у черкесов на меновых дворах были зерно, рогатый скот и прекрасные адыгские лошади, мед и воск, одежда, конская сбруя, дрова и т.д. О размерах этой торговли можно судить по следующим данным. На Редутском дворе только в апреле 1823г. адыги выменяли на соль 6888 пудов хлеба. В 1824г. по заданию Крымского губернатора русские предприниматели закупили у натухаевцев и шапсугов столько хлеба, сколько требовалось для прокормления голодающего населения Феодосийского уезда. В 1841г. натухаевцы привезли в Анапу леса на 5 138 арбах и купили 1 500 пудов (24 тонны) соли. Общий оборот меновых дворов в 1835г. составил более 193 тыс. рублей, в том числе 117 тыс. рублей горских товаров. В 1839г. только через Екатеринодарский карантин горцы ввезли в меновые дворы товаров на 175 тыс. рублей, а через них было пропущено русских товаров в пределы Закубанья почти на 101 тыс. рублей.

Проходила торговля и на сезонных ярмарках, которые периодически проводились в Екатеринодаре и других местах Закубанья и которые могли быть довольно

крупными. В 1837г., например, на всех ярмарках Екатеринодара было продано товаров на 1 млн. 335 тыс. рублей, львиная часть которых приходилась на долю адыгов. Данный оборот в то время был присущ ярмаркам в средне-крупных российских городах, так, допустим, оборот не очень крупной, но тем не менее известной Гжатской ярмарки в 20—30-е годы XIXв. доходил до 500 тыс. рублей.

Кроме торговли меновые дворы являлись центрами найма беднейших горцев на сезонные работы в русские и казачьи хозяйства. К сожалению, их количество в то время не учитывалось, но известно, например, что в середине XIX в. в Кизляре с весны по осень проживали от 20 до 25 тыс. сезонных наемных работников — черкесов, ногайцев и др.; их было настолько много, что в 1842г. было учреждено даже специальное ведомство для «попечительства над приходящими в город мирными горцами». В ярмарочные и базарные дни в крупных, по кавказским меркам, городах — Кизляре, Моздоке и Екатеринодаре наблюдались огромные скопления черкесов. Говоря о черкесах, виденных им в Екатеринодаре, который он посетил в 1847г., немецкий путешественник Мориц Вагнер писал: «Странно видеть этих людей, которые несколькими днями ранее совершали набеги, возможно, грабили и убивали, ныне мирно бродящими среди групп казаков».¹

Причем, такая ситуация наблюдалась не только в степных районах, где российские позиции были традиционно сильны, но и в некоторых черноморских фортах и крепостях, отрезанных от тогдашней «Большой

¹ Wagner M. Der Kaukasus und das Land der Kosaken. 2 Bde. Leipzig, 1847.

шой земли». Так, офицеры, служившие в Навагинской крепости, располагавшейся на месте нынешнего Сочи, неоднократно писали об убыках и джигетах, приходивших к крепости в поисках заработка, а в голодные годы просивших милостыню и предлагавших на продажу крепостных или даже своих детей.

Отношения между Россией и адыгами не ограничивались только торговлей. Не вмешиваясь во внутреннюю специфику, на «покоренных» землях российская администрация начинала прививать более прогрессивные методы хозяйствования. Это касалось внедрения нового сельскохозяйственного оборудования и новых видов растений, ранее у черкесов не встречавшихся, таких, как картофель, помидоры, кукуруза. Причем, зачастую власть сталкивалась с нежеланием крестьян заниматься новыми культурами и тогда она раздавала посевные материалы, саженцы бесплатно — «объявить повсеместно, что князья, уздени... могут явиться для получения семян». Это страшный геноцид!

Представляете, как немцы в Белоруссии, зайдя в еврейское местечко, начинают «с нечеловеческой жестокостью» раздавать посевной материал! — «Объявить повсеместно, что все евреи и цыгане могут явиться для получения семян»!

Еще раз хочу коротко прерваться и обратить ваше внимание, что этот текст — не просто подбор слов — это факты, которые стоят за ситуацией, называемой «страшный геноцид, невиданный в истории», «полное уничтожение либо выселение коренного народа» и «нечеловеческая жестокость, проявленная российскими войсками на Северо-Западном Кавказе.» Чи-

тая этот текст, пожалуйста, сравнивайте его с этими словами, смотрите — совпадают ли?

Другим методом воздействия «геноцидоносной» русской администрации на адыгов было образование. Здесь следует отметить, что с образованием «до» и «после» Кавказской войны получается абсурдная ситуация. В адыгском обществе, бытовавшем «до» прихода России на Кавказ, грамотности, образования как таковых не было. Не существовало. Не было интеллигенции, просветителей, алфавита и т.д. В аулах, впрочем, можно было встретить несколько человек, умевших до какой-то степени читать и писать по-арабски. Как правило, это были муллы и — обратите внимание! — девушки на выданье — считалось хорошим тоном, если девушка из уважаемой семьи умеет читать. Князья и дворяне писать и читать не умели. Более того, по Хабзе, ограничивавшем сферу занятий дворянина только войной и набегами, подобное умение было презрительно и вызывало у других только насмешки. Из-за этого и еще по целому ряду причин, в адыгском обществе не существовал класс интеллигенции, что не позволило ему в критическое время коренной исторической ломки найти место адыгского народа в изменившихся условиях мира и во многом обусловило трагедию результатов войны.

Все изменилось с приходом России. «Геноцидоносная» Россия, распространяющая «невероятную жестокость» и «желающая расправиться с адыгами по национальному признаку», начинает учить адыгских детей и разрабатывать адыгскую письменность! На юге России учреждается ряд гимназий, таких как Ставропольская и Екатеринодарская, где открываются пансионы для детей горцев. В Ставропольской гимназии квота для

адыгов составляет 65 человек, в Екатеринодарской — 25. По официальному распоряжению в школах крупных казачьих станиц, например, в Павловской и Уманской, для черкесских детей бронируются места.

В 1859г. император Александр II, называемый нынешними адыгскими профессорами и историками не иначе как «палачом адыгского народа», утвердил специальный Устав Горских школ. Согласно этому Уставу, целью школ было «распространение гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей», а в циркуляре министерства образования от 1867г. говорилось, что «просвещать постепенно инородцев, сближать их с русским духом и с Россией — составляет задачу величайшей политической важности».

В основном, конечно, в школах учились дети дворян. После их окончания они имели право поступить в высшее военное училище, по окончании курса которого выпускались офицерами и шли служить в армию. Определенное количество адыгов поступает в лучшие гражданские ВУЗы страны. Так, адыг Шумаф Татлок в 1859г. окончил Московский университет, стал кандидатом права и был оставлен на работе в Москве. Этот же университет заканчивает и известный общественный деятель Кабарды Л.М. Кодзоков, а другие адыгские просветители, такие как Кази Атажукин, Адиль-Гирей Кешев, Султан Крым-Гирей Инатов учатся в Петербургском университете.

Сразу несколько человек практически одновременно начинают составлять адыгский алфавит. У черкесов еще до конца Кавказской войны появляются свои

писатели, врачи, учителя, историки, филологи, математики — они просвещают народ, дают ему собственную — адыгскую — грамоту, лечат его, пишут его историю, смягчают тот огромный социо-культурный удар, который обрушился на Черкессию. Но у всех у них есть одна огромная и неискупаемая вина — все они, так или иначе, выходят из лона русского образования и почти все из них служат в русской армии, что дает право современным адыгским патриотам назвать их предателями собственного народа.

Парадоксально, но именно то — изначальное — «безинтеллигентное» общество, сейчас боготворит современная записная этно-интеллигенция, которая как раз и смогла появиться в результате культурной революции, произведенной после прихода России на Кавказ. Именно его она выставляет в качестве образца, к которому необходимо прийти, называя все произошедшее после прихода России — геноцидом, уничтожением народа по национальному признаку и «насильственной культурной ассимиляцией оставшегося коренного населения».

Давайте спросим себя — разработка грамоты черкесского языка — это ассимиляция? То есть, этнограф Леонтий Яковлевич Люлье, разработавший вышедший в 1846г. «Черкесский лексикон с краткою грамматикою», в котором он дал свой вариант адыгского алфавита... имел целью уничтожение адыгского языка и его ассимиляцию, а те князья и дворяне, кто презирал грамоту, никогда не задумывался о необходимости наличия у своего же народа письменности... способствовали его процветанию, развитию и распространению? Люлье — геноцидоносец и сторонник ассимиляции, а не знавший грамоты, напавший на ст. Романовскую,

князь Сокур Арсланбек Аджи — светоч просвещения и человек, много сделавший для развития и популяризации черкесского языка? Это так собираются преподнести в Европарламенте?

Для полноты чувств предлагаю взглянуть на пример насильственной ассимиляции и сравнить его с тем, что происходит в Кавказских республиках. Понимаю, что немцы и евреи вам уже несколько надоели и еще успеют надоесть, а посему...

Грузия! В Грузии уже с начала прошлого века принят курс на создание единой грузинской нации. В нее ни под каким соусом не попадают мингрелы. Если картвелы, так или иначе, являются выходцами из Иверского царства и говорят на языках картвельской языковой группы, то история мингрелов протекала в Колхидском царстве и говорят они на языке, являющемся частью чанской языковой группы, абсолютно отличной от картвельской. Между мингрельским и грузинским языками нет практически ничего общего, в то же время между самими мингрелами и грузинами есть огромная разница в культуре, менталитете, даже во внешних чертах!

Но это оказывается неважно. Мингрельский объявляют диалектом грузинского, а самих мегрелов — грузинами. Это примерно так, как если бы немецкий язык объявить диалектом русского, а самих немцев — русскими. В 16 лет в паспорте всем мегрелам автоматически ставили штамп «грузин». Была даже такая шутка — «мингрелы — это нация с самым коротким сроком жизни. В 16 лет они все становятся грузинами».

В 1930-х годах за попытку создания Мингрельской АССР в составе Грузии, грузины в прямом смысле этого

слова истребили всех национальных лидеров и почти всю национальную мингрельскую интеллигенцию. С того времени и сейчас там нет национальных школ, театра, телевидения, радио, институтов, не идет изучение и преподавание мингрельского языка, на мингрельском не выходят газеты, книги и т.д. Официально этого языка нет. Как только кто-то что-нибудь заявляет о национальной идентичности мингрелов его тут же сажают — сначала преследуют, а потом, если не успокаивается — то сажают. Интеллигенции, стоящей на национальных позициях, не существует!

Вот это ассимиляция. Насильственная и жесткая ассимиляция! Можно привести и другие примеры. Допустим, Турцию. В соответствии с конституцией Турции, на государственном уровне разрешается использовать только один язык — турецкий. Это правило настолько строго, что, например, в марте 2009г. турецкое телевидение прекратило шедшую в прямом эфире трансляцию выступления лидера курдской Партии Общественной демократии Турции Ахмета Турка после того, как он заговорил на курдском языке. То есть, как только в эфире зазвучал нетурецкий язык редакторы включили заставку!

Как с этим обстоит дело в черкесских республиках? С 1920-х гг. существуют горские автономии. На кабардинском и адыгейском диалектах языка выходили и выходят газеты, журналы, учебная, художественная и публицистическая литература. Ведется теле — и радиовещание, функционируют театры. Действует немало хореографических, певческих коллективов. Язык постоянно изучается в научных и преподается в учебных заведениях. Ограничений по использованию языка не

устанавливается. И при всем при этом этнические лидеры адыгов просят Европарламент признать насильственную ассимиляцию? Интересно, какие аргументы они для этого приводят, особенно, видя разницу между происходящим, допустим, в Грузии и в той же Кабарде? А.... никаких! Просто предлагают признать и все! Как говорится — «Почему 10? — Потому, что 10 больше!»

Спросите себя — похожа ситуация в Грузии и в Турции на то, что происходит в адыгских республиках? Заставка на экране после произнесения нескольких фраз на курдском языке похожа на Адыгейское республиканское телевидение? Конечно же, нет. Вот поэтому геноцид армян в Турции признается, а геноцид адыгов — нет.

Но идем дальше!

АДЫГИ НА СТОРОНЕ РОССИИ

Еще одна причина, по которой большинство американцев отказываются признать геноцид индейцев, заключается в том, что далеко не все те миллионы индейцев, которые были убиты в ходе освоения белыми североамериканского континента, погибли от рук европейцев. Огромная часть индейцев, умерших насильственной смертью, погибла от рук... самих индейцев!

Дело в том, что коренные жители Америки совсем не выглядели единой, дружной и сплоченной массой, которая вся плечом к плечу стала противостоять агрессорам или просто безысходно, обреченно, но сходно и единообразно гибнуть под их саблями, как это представляет теория геноцида. Нет! Индейцы были страшно воинственны, страшно расколоты и страшно воевали друг против друга. Так было и в до-Колумбову эпоху, а с приходом белых эта борьба только обострилась. Немало

племен почувствовали, что в регионе появилась новая сила, при помощи которой они могут решить свои вопросы. Многие и многие индейцы сами, по своей инициативе предлагают белым «любовь и дружбу», становятся их союзниками, помогают им, воюют вместе с ними и за них и в ответ, конечно же, получают деньги, припасы, передовое вооружение и расправляются с конкурентами, с давними врагами, которые не смогли вовремя сориентироваться и теперь в новых условиях превратились в более слабых в военном и экономическом отношении противников

Многие из нас представляют то время по книгам Фенимора Купера «Следопыт», «Последний из могикан», «Зверобой», «Пионеры», «Прерия». В детстве мальчишки нескольких поколений зачитывались этими романами — ведь в них все было так интересно и захватывающе — там добрые английские колонисты вместе со своими союзниками — «хорошими» индейцами-делаваарами и могиканами противостоят недобрым французским войскам и их союзникам — «плохим» индейцам-гуронам и ирокезам! В действительности же все было далеко не так романтично. В реальной жизни индейцы сражались не столько вместе и за французов и англичан, сколько воевали друг против друга и в этой борьбе не руководствовались позициями морали сегодняшнего дня и не терзали себя вопросами гуманитарного характера, а просто уничтожали конкурентов и все.

Так, в какой-то момент, когда ирокезы оказались сильнее остальных племен, они тут же убили значительную часть могикан, а оставшихся вытеснили в малопригодные для проживания места и практически уничтожили гуронов — их попросту безжалостно вырезали,

из 20 тыс. человек оставив в живых не больше 150. В другом, уже приводимом мной в статье примере, который выставляют как доказательство жестокости белых и геноцида индейцев — разгрому племени пеквот, когда были заживо сожжены 600—700 индейцев, белые вообще выступали совместно с двумя индейскими племенами — могиканами и наррангасеттами и, как утверждают некоторые историки, даже пытались удержать «добрых» индейцев от массовых убийств. А один из самых знаменитых индейских вождей, возглавивший большое восстание коренных жителей континента против англичан, человек, имя которого нам хорошо известно по марке автомашины, названной в его честь — Понтиак — был убит своим же соплеменником без какого-либо вмешательства белых.

Все это дает серьезное моральное право противникам теории геноцида спросить — если одни индейцы убивают других, то как в этом можно обвинить белых? Если одно племя идет служить белым исключительно для того, чтобы расправиться и уничтожить другое, что подпадает под определение геноцида, то как этот геноцид можно записать на счет белых? Как можно разделить каких аборигенов убили европейские колонисты, а каких свои же родственники-одноплеменники? И если обвинять в геноциде переселенцев, то не справедливо ли будет применить то же принцип в отношении самих индейцев?

Как же с этим обстоит дело на Северном Кавказе? Справедливо ли уравнивать в этом вопросе американскую и черкесскую ситуации? Здесь следует сказать, что тема раскола адыгского общества, тема участия черкесов в войне по разные стороны баррикад, тема

противостояния разных частей одного народа является одним из самых острых и самых малоизученных вопросов. Попытки поднять его или хотя бы даже просто сформулировать каким-то иным, не «политически правильным» образом традиционно вызывают острую реакцию представителей черкесской интеллигенции, обвинения в адыгофобии и в оскорблении национальных чувств целого народа. В течении многих лет черкесскому обществу навязывают «правильную» картинку войны, в которой адыгский народ един в неприятии российских захватчиков, где он десятилетиями изо всех сил борется против них, по причине подавляющего численного превосходства захватчиков терпит ужасающую катастрофу и теперь должен выступать в роли народа, подвергнувшегося геноциду со стороны русских. При этом сам термин «Кавказская война» ставится ими под сомнение. «О какой Кавказской войне мы говорим?» — спрашивают они. «Разве это кавказцы воевали с кавказцами? Нет. Это русские воевали с кавказцами и поэтому саму войну следует называть Русско-Кавказской». Кстати, памятник именно с такой формулировкой — «Жертвам Русско-Кавказской войны» — был в 2004г. установлен в Нальчике — из лежащего колеса арбы прорастает и немудимо тянется ввысь новое дерево...

Не так давно в Майкопском музее открыли экспозицию, посвященную Кавказской войне. Я не мог не зайти. В течении нескольких минут молодая и увлеченная девушка-экскурсовод водила нас от стенда к стенду, показывая фотографии царских генералов, говоривших о необходимости уничтожения и высылки адыгов, называла аулы, уничтоженные царскими войсками, говорила о российских экспедициях в Черкесию, рассказывала

о страданиях депортируемых адыгов на морском берегу и т.д.

В конце рассказа я задал ей вопрос, который она явно не ожидала услышать: — А почему здесь рассказывает-ся о страданиях только адыгов? — спросил я — Не было бы справедливее и правдивее рассказать не только о русских экспедициях, но и о черкесских набегах на соседние земли, о многих тысячах рабов, ежегодно продаваемых в Турцию черкесами, поставить на полки фотографии не только генералов — русских по национальности, но и генералов и полковников-черкесов, которые служили в русской армии на Кавказе и принимали в Кавказской войне самое активное участие, а, говоря о депортации адыгов, сказать, что у них всё-таки был выбор и что причиной депортации явилась не только российская агрессия, но и политика Турции, и агитация черкесской знати? Не было бы это по-человечески честнее, а с исторической точки зрения объективнее?

Реакция девушки была моментальной. Она вспыхнула, смутилась, зачем-то наклонила голову и, избегая меня взглядом, тихо сказала: — Ну... вы же понимаете... мы ведь не сами экспозицию составляем... и у меня есть утвержденный план экскурсии...

Тот факт, что в действительности, черкесы находились по разные стороны баррикад и что не только русские солдаты убивали адыгов не афишируется, но и не отвергается, признается, что «кое-кто» был на стороне русских, но их были единицы. В книге «Земля Адыгов» даются даже фамилии этих «кое-кого» — 71 человека — как их называют — предателей, которые «предавали и продавали свой народ».

Было ли так? Было ли их 71 человек? И были ли они предателями?

Основная причина отказа сторонников теории геноцида рассматривать вопрос в таком ключе, как мне думается, лежит в том, что реальная картина реального адыгского общества той поры ужасно, безнадежно и просто вселенски далека от лубочного и тщательно отретушированного образа единого народа, сражающегося против горячо им ненавидимых оккупантов «за твою и мою свободу» и подвергаемого страшному геноциду, не имеющему аналогов в истории.

Дело в том, что во второй половине XVIII-го века на Северном Кавказе шли сложные геополитические и социальные процессы — коренным образом изменялась политическая обстановка, мир, в котором адыги прожили несколько веков уходил, социальные устои, сформированные под него, не могли соответствовать новым условиям, а сами условия достаточно быстро менялись — слабел негласный протектор — Турция, ближайший конкурент Черкесии — Крымское ханство — поглощается Россией, формируются новые сферы влияния супердержав того времени, куда неминуемо попадают адыги, усиливаются связи адыгов с внешним миром, часть Черкесии — Кабарда — стоит на более высокой ступени развития и практически вплотную подходит к созданию полноценного государства. На это накладываются процессы идущие внутри самого адыгского общества — меняются феодальные отношения, протекают сложные межплеменные процессы, связанные в том числе с усилением одних и ослаблением других наций, включая ассимиляцию небольших народностей и т.д. Это было сложное время, когда адыги пытались

приспособиться к новым внешним и внутренним вызовам, но так и не нашли единого ответа и не избрали единый курс дальнейшего развития. Само черкесское общество той эпохи было крайне расколото. В принципе, и до прихода русских на Кавказ оно никогда не было единым, о чем упоминают практически все ученые и путешественники того времени, оставившие нам записки о Черкесии — «черкесские беи и племена находятся в постоянной вражде между собою».¹

Но появление на Кавказе русских ознаменовало коренное изменение баланса сил и интересов в регионе и в том числе (может быть, даже в первую очередь!) среди самих адыгов. Практически сразу с началом строительства Моздока, а в действительности задолго до этого, в регионе наметились определенные социальные, классовые и национальные группы, которые в силу каких-то причин перешли на русскую сторону. В частности, само строительство Моздокской крепости в 1763—1764 гг, из-за которого, по мнению многих ученых, и началась Кавказская война было произведено под удобным предлогом помощи кабардинцу — князю Кургоко Канчокину и его людям, которые, спасаясь от преследования других князей, угрожавших им смертью, перешли в российское подданство, крестились, а князь Кургоко попросил Екатерину построить на его землях русскую крепость для своей защиты, где он и жил после завершения строительства.

Пример князя Канчокина, а после крещения — Андрея Иванова — крайне показателен. Он демонстрирует, что к российской власти обращаются в первую очередь

¹ М. Пейсонель, «Материалы для истории черкесского народа», в изложении Е.Д. Фелицина, М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990

и в первое время люди, которые в условиях кризиса традиционного черкесского общества, в условиях пограничного состояния между старым и новым миром чувствуют себя в этом обществе неуверенно, находятся в опасности, или просто угнетены. Несмотря на красивую картинку народного единства, надо понимать, что в реалиях того времени таких людей и таких социальных групп было предостаточно. Изначально — это были те люди, которых традиционное адыгское общество, со сложившимися ценностями и со сформировавшейся картинкой мира либо отвергало, либо не давало возможности для наиболее полной самореализации. В определенной степени, это были изгои, униженные и отвергнутые. В высшем черкесском обществе того времени была целая традиция изгнания высших аристократов, после чего они шли просить помощь у соседних государей и зачастую возвращались уже с их войсками. Нередко ходили к крымчакам, но после усиления России князь Канчокин и многие другие решили пойти к русским. Повторюсь, ничего предательского или зазорного по нормам того времени они не делали — это было нормально, так поступали очень многие и если бы Канчокин так не сделал, то его, его семью и людей просто бы убили.

Новая реальность — приход в регион нового игрока — России, сразу же заявившей о своих претензиях на лидерство, в том числе и на свое превосходство над Турцией, страной, которая в течении нескольких веков однозначно доминировала в регионе и с учетом интересов которой в нем строились многие хитросплетения общественных, экономических и военных и иных отношений — начинает диктовать новые условия и предоставляет новые, огромные возможности тем, кто в силу

каких-либо причин не имел их в традиционном адыгском обществе.

И вот здесь начинается водораздел. Новый, российский мир рисуется как диаметрально противоположность миру старому — турецко-крымско-черкесскому. С самого начала он позиционируется именно так — если Россия пытается войти в Кабарду мирно, то по отношению к Бахчисараю и Стамбулу Санкт-Петербург выступает однозначным врагом. В подобных условиях, все эти «униженные и отвергнутые» начинают пытаться решить свои, жизненно важные для них вопросы в рамках нового мира и под протекцией новой доминирующей силы. Столкнувшись с новой действительностью, адыгское общество, как и индейцы Северной Америки, еще больше раскалывается, причем, раскол в нем проходит не по одной фактурной линии, а сразу по нескольким. Можно говорить о расколе по линии дворянство — простой народ, рабовладельцы — рабы, по линии между разными адыгскими народностями... да и по многим другим менее явно выраженным линиям.

На первой линии «политически неправильных» ныне отношений с Россией стоит адыгская знать. Князя. Здесь следует сказать, что к моменту прихода России на Кавказ социальная структура адыгского общества переживала глубокие изменения. Многие черкесские народности пытались ограничить власть и влияние дворян, а в некоторых, особо острых случаях, случаях просто изгнать их или избавиться от них каким-либо другим способом. Продолжалось противостояние внутри самого дворянства, когда над слабейшими аристократами нависала угроза потери собственности, земель, влияния, да в конце концов и самой жизни. Естественно,

в таких условиях, при появлении в регионе новой силы многие дворяне стали пытаться укрепить свои позиции, используя Россию в роли своего союзника и защитника. Какими ресурсами тогда обладали черкесские дворяне по отношению к России? Чем они могли заинтересовать её? Их ресурсами были лояльность, воинское умение и еще остававшееся влияние на свой народ. Именно этими активами они начинают торговать.

В то время, как одна часть адыгского дворянства не приемлет усиления России и отказывается признать строительство крепости Моздок на кабардинской земле, другая воспринимает этот факт однозначно положительно, по своей инициативе входит в контакт с российской властью, просит принять её на службу и т.д. При этом, если для дворян невысокого ранга было достаточно просто выйти к казачьему разъезду и заявить о своем желании перейти в российское подданство, то высшая адыгская знать, лидеры и предводители дворянства черкесских народов общаются непосредственно с Екатериной II. Так, в 1795г. Екатерина лично приглашает в Санкт-Петербург лидеров дворянско-княжеской коалиции бжедугов и шапсугов Баты Гирея и Али Шеретлукова, где они просят у нее помощи и получают её.

Россия сразу же, безвариантно и безоглядно начинает поддерживать адыгскую знать, присягнувшую ей. Это происходит повсеместно, бесповоротно и полностью согласуется с концепцией аристократического общества, бытовавшей в то время в России. Картина перемен, происходящих в черкесском обществе, когда восставшая чернь, изгоняла свою знать, как это было в случае ряда адыгских народностей, не прельщала Санкт-петербургских правителей. По той же причине

Императорская Россия отказывается поддерживать якобинскую Францию, свергнувшую Людовика XVI.

Многие черкесские князья и дворяне присягают на верность России, переходят под её протекторат или уходят на «русскую сторону» со своими семьями, дворовыми людьми и имуществом или без него, поступают на военную службу и воюют как на Кавказе, так и вне его, посылают детей учиться в Петербург и т.д. Россия оказывает им всяческую помощь. Начиная от финансовой и заканчивая военной. Известны многочисленные свидетельства вооруженной поддержки русскими войсками адыгских князей во внутричеркесских конфликтах. Так, в 1796г. во время одного из самых больших известных нам внутричеркесских сражений, которое произошло между бжедугами и шапсугами, по личной просьбе известного бжедугского князя Баты Гирея, поданной им Екатерине II, на стороне бжедуг в битве участвует русская артиллерия и сопровождающий её казачий отряд, которые, кстати, и решают исход битвы — крестьянская конница, обратившая в бегство дворян и уже предвкушавшая победу, попадает под убийственный шрапнельный огонь русской артиллерии, находящейся в засаде; в 1807г. российские власти выделяют князьям Бейзруку и Ахматуку отряд подполковника Еремеева для оказания им помощи против восставших абадзехов; в 1830г. русские войска помогают бжедугскому князю Алкасу, землю которого начинают запахивать абадзехи, разбивают и прогоняют их; такая же помощь оказывается другим черкесским князьям — часто русские войска переправляются на левый берег Кубани, разбивают противников лояльных им князей, восстанавливают их влияние и уходят обратно с тем, чтобы при очередной

просьбе опять оказать им поддержку. В определенное время, при обострении борьбы простого народа со знатью, просьб дворян о помощи становится так много, что для удобства её оказания в 1832г. российская администрация даже устраивает неподалеку от Екатеринодара паром через реку Кубань.

Причем, если до 1830-х, до 1840-х гг. можно говорить, о том, что лояльных России черкесских князей больше или меньше, что значительная часть дворянства противостоит России и воюет против неё, то все 1840-е гг. проходят под знаком стремления практически всего шапсугского, натухайского и бжедугского дворянства перейти на российскую сторону в полном составе. В полном составе. К этому времени свободные общинники практически полностью лишили военно-феодальную аристократию её традиционных прав, сформировавшихся в условиях закрытого адыгского общества, ориентированного на Турцию, а в ряде случаев и просто изгнали их или физически уничтожили.

Дворяне решают либо переселиться на границу русских владений, чтобы российские солдаты и казаки могли их защитить от своего же народа, либо перейти на территорию, напрямую контролируемую русской администрацией. Но полного перехода тогда не происходит по причине отказа России подтвердить черкесским аристократам право на владение их крепостными людьми, на чем в течении нескольких лет настаивают представители адыгской знати. Причем, как мы знаем, в то время Россия сама была еще крепостным государством, но идея отмены крепостничества уже витала в воздухе и российские правители посчитали себя не вправе давать долговременные обязательства, касающиеся этого

вопроса, своим союзникам. Тем более, что именно этот вопрос был для адыгских дворян основным при принятии решения для полного перехода на русскую сторону.

Не получив положительного ответа, часть дворян трех адыгских народностей, возвращается, но часть из-за опасений за свою жизнь, все равно уходит к русским. Кубанские атаманы пытаются примирить враждующие знать и народ, созывают общие встречи, устраивают суды, рассылают письма, но примирения не происходит и случаи перехода продолжаются. Их количество сильно увеличивается после 1856г., когда наступает очередное обострение отношений между свободными крестьянами и знатью и происходит еще одно крупное внутриадыгское сражение — так называемое «Ши-орк зао» («княжеско-дворянская война» — адыг.), в ходе которого бжедуги полностью изгоняют оставшихся дворян со своей территории. Принесших присягу князей и дворян селят в специальных черкесских поселках под Новороссийском, Анапой и в ряде прикубанских аулов, находящихся в непосредственной близости от российских военных укреплений.

Давайте на минуту прервемся и опять подумаем о чем мы только что говорили. Возможно, вы не заметили, но мы только что говорили о геноциде. О кровавом геноциде, не имеющем аналогов в истории. Именно так называют его нынешние адыгские лидеры.

Как можно назвать все это геноцидом? Кого и где геноцидили русские войска в случае с черкесскими дворянами? К чему мы отнесем жертвы, понесенные адыгами в многолетнем внутричеркесском противостоянии между крестьянами и знатью? Исходя из теории о гено-

циде, нужно признать, что их убили русские, стремясь уничтожить весь адыгский народ.

То есть, применяя все это к современному положению дел — если натухаевский уздень Аслан Хацац обокрал и убил свободного крестьянина Магомеда Уджуху, потом, для сохранения своей жизни сам переселился под защиту русских войск на российскую территорию, получил там подъемные и забыл про какую-либо войну, можно ли теперь судить Россию за страшное, поражающее воображение, убийство как одного, так и второго?

Не ломайте себе голову. Ответы на эти вопросы уже даны. «Можно!» — говорит нам современная, национально правильная адыгская историография — «Судить за убийство обоих можно и нужно! Но князя — предатели». Так может, в этом-то и есть разгадка? Князя, значит, предатели, а вот весь народ.... А весь народ...

А весь народ?

«Числом до 10 000 называемые Токашевы, ис коих старшие, а именно Калабек Кепов, Муса Пшигатыжев и Мерем Бичеев с протчими, переправясь на итздешнюю сторону, объявили и единственно, что они креститца, также в Моздок и Кизляр переходить не хотят».¹

Понять сразу эту фразу трудно — изменились нормы языка, да и человек, написавший её в своем рапорте — майор Петр Татаров, по некоторым свидетельствам, сам был кабардинцем и, видимо, еще не совсем владел литературным русским языком. Дело же обстояло в следующем: в 1767г., через 4 года после строительства крепости

¹ С.Н. Бейтуганов. «История кабардинских фамилий». Нальчик. 2007.

Моздок, неожиданно для русских властей, на российскую сторону перешла большая группа кабардинцев, взбунтовавшихся против своих князей — 10 тыс. чагар. Чагарами в Дагестане и в Кабарде тогда называли рабов, посаженных своим господином на землю и обязанных исполнять феодальные повинности.

Российские власти послали майора Петра Татарова узнать, что вообще происходит и предложить им, если захотят, поселиться в Моздоке и Кизляре, на что чагары ответили майору, что они хотят креститься в православие, но жить в Моздок и Кизляр «переходить не хотят». Не имея возможности решить вопрос военным путем (беглецы ведь были на русской стороне!) через некоторое время князья вступили с ними в переговоры, что-то пообещали и большая часть кабардинцев вернулась. Но ведь другая большая осталась! Конечно, несмотря на то, что цифра 10 тыс. кабардинцев, перешедших на русскую сторону, впечатляет, стоит признать, что такое количество переходящих, особенно в начале, было нехарактерно. Но сам факт перехода — характерен был!

Прежде, чем Вы продолжите читать дальше, я опять хочу попросить Вас не забывать о главном — о том, что мы сейчас говорим о геноциде — о страшном геноциде всего адыгского народа и, читая эти строки, постоянно держать в голове слова «геноцид» и «предатели».

С самых первых дней присутствия России на Северном Кавказе черкесы начинают массово переходить на сторону русских. Именно на это в первую очередь жалуются кабардинские князья, когда требуют у Екатерины срыть Моздок. Народ бежит к русским, переходит на их сторону, дает присягу на верность российской короне и делает это поодиночке, семьями, группами, а позже — целыми аулами и народностями. Мотивы перехода на

русскую сторону самые разные — идут те, кого притесняют аристократы, те, кто находится в конфликте с более сильной стороной и опасается за свою жизнь, бегут бедняки, страдающие от малоземелья и надеющиеся получить на русской стороне большие наделы, идут те, кто хочет заняться торговлей и считает, что с русскими торговать выгоднее, чем с турками, идут люди, желающие дать своим детям образование, чтобы они потом смогли стать офицерами в русской армии и таким образом выбиться в люди, переходят те, кто устал воевать или жить под угрозой войны, идут те, кто воевал с русскими, кто не воевал с русскими и т.д., и т.д., и т.д.

Но все же самой основной причиной перехода черкесов на русскую сторону, особенно в первые несколько десятилетий войны на Кавказе, является все, что так или иначе связано с рабовладением.

Вообще, стоит признать, что одной из основных причин страшной катастрофы, постигшей адыгов в результате Кавказской войны, было именно рабовладение и «пленопродаство». Причем, не сам факт его наличия в черкесском обществе — в этом, как раз, не было ничего странного и предосудительного — большинство стран в то время имели рабов, (только у «нашего всего» — Пушкина — в одно время их было столько, сколько могло набраться людей далеко не в каждом черкесском ауле — целых 200 человек!). Проблема заключается в том, что в основе без исключения каждого ключевого решения, принятого адыгами и в результате приведшего их к катастрофе, лежали не интересы народа в их чистом виде, а интересы рабовладельцев и их стремление получить или сохранить рабов и зависимых крестьян.

Но оставим эти мысли для отдельного исследования и вернемся к «предателям».

На российскую сторону бегут рабы, уставшие от притеснений хозяев, бегут те, кто боится наказания, которому хозяин обещал их подвергнуть, бегут те, кого хозяин хочет продать в Турцию, бегут дети, оставшиеся сиротами и боящиеся, что дворяне обратят их в рабов, бегут просто люди, желающие стать свободными! С учетом того, что количество рабов достигало в Черкесии (по разным оценкам) ЧЕТВЕРТИ всего населения, вы понимаете, что там было кому бежать! В ведомостях о прибытии таких людей на русскую сторону даже существовала особая, принятая для таких случаев запись: «Оные черкесы, как объявляют, укрываясь от притеснений и рабства владельцев их, просят о принятии в подданство российскому престолу».

Вот лишь некоторые, типичные истории «индивидуальных» побегов:

Четырнадцатилетний абадзех Мусса рассказывал в Управлении Черноморской кордонной линии: «Семейство, в котором я получил существование и воспитание, пользовалось сперва правами свободы, потом было разграблено, порабощено и распродано в разные руки. Я был куплен турком, жительствовавшим на реке Шебш. Я жил у него в участи раба около года. Наконец бесчеловечное обращение его со мной вынудило меня бежать к русским и искать их покровительства».

В 1842г. пятеро рабов богатого шапсугского тфокотля Циока — Гакар, Алебий, Гасан, Веситль и Укуль, перебежали на русскую сторону и заявили, что их владелец делал им «жестокое тиранства и притеснения», потом начал ходить к их женам и «намеревался сделать

с ними прелюбодеяние». Они сначала просили его «сего избежать» и «пристойно напоминали закон религии, но Циок не оставлял сего и еще более начал усиливаться». В конце концов произошла ссора во время которой крепостные «пришедши в азартность, повалили его на землю и закололи кинжалами», после чего убежали на российскую территорию.

Нередки были и свидетельства подобного рода: «Владелец мой хотел жену и детей моих продать как невольников к туркам, и я, дабы не разлучаться с семейством, решился навсегда предаться под покровительство русских».¹

При этом, далеко не всегда бегут люди бедные и далеко не всегда рабы. На русскую сторону выходят люди любого сословия, которые по каким-то причинам не могли дальше жить в черкесской местности, либо считали, что среди русских их условия будут лучше. Расслоение среди тех, кто выходил было очень велико, так, бежавшие в мае 1834г. из-за Кубани и поселенные в ауле Ады двадцать семейств адыгских крепостных, согласно официальному отчету, вообще «не имели никаких собственных пожитков и были наги», а убежавший в апреле 1841г. натухайский пшитль (крепостной) Хузен захватил с собой весь свой собственный скот в количестве 20 коров, 31 овцы и 3 лошадей.

Тфокотль (свободный крестьянин) Сельмен Бжассо, спасаясь от опасности разграбления, сумел увести с собой не только свою семью, но и семью своего крепостного в количестве четырех человек, а также 6 штук рогатого скота и 22 овцы.

¹ М.В. Покровский «Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века». Краснодар. 1989.

«Во мне словно что-то сломалось;
На судьбу я совсем не ропщу,
Принимаю за должное — малость
И лишь изредка песни пишу.
Безразлично мне, что меж нами
Километры дождя. За глаза
Я дружу со своими врагами,
Я прислушиваюсь к голосам.
И лишь только успею очнуться
Я от жизни и протрезветь,
Напускная, фальшивая мудрость
«...А была ли?...» — мне будет петь.
Затеряется так мое имя
В отголосках дурной молвы;
В суете неразборчивых линий
Не отыщешь иной судьбы.»

Это тоже Бжассо. Милена Бжассо — молодая поэтесса, наша современница. Потомок ли она того Сельмена Бжассо? Не знаю, думаю, что в любом случае она, скорее всего, приходится ему родственницей в какой-либо степени. Интересно, винит ли она Россию за страшный геноцид в отношении своего возможного предка?

Сколько ушло в Россию таких Алебиев, Хузенев и Сельменов подсчитать невозможно и думаю, что такой задачи никто никогда и не ставил. Кого-то из них регистрируют, кого-то нет, кого-то сразу, кого-то потом, данные об одних дошли до наших дней, а о других нет. Есть лишь некоторые оценочные цифры, которые, тем не менее, могут дать картинку о масштабе черкесского «предательства». Так, только «в 1789г., в Моздок переселился 381 человек, а за Кавказскую линию в 1790г. перебралось до 1000 семейств»,

в «Списке, составленном из выбежавших добровольно кабардинцев» от 8 мая 1822 года — десятки фамилий. А ведь это 1 день, 1 список и только 1 адыгская народность, причем, даже не самая многочисленная!¹ Точно такие же процессы идут по всей линии соприкосновения русских и горцев. Так, в «степной» зоне в 1829г. дворянин Беберда принимает подданство России и переселяется на правобережную Кубань с подвластными ему людьми — до 120 дворов. В том же году 596 семейств (1724 человек) адыгов принимают присягу на подданство России.²

Перешедших на её сторону адыгов Россия пытается селить компактно — либо на левой стороне Кубани, непосредственно напротив русских оборонительных сооружений и постов, образуя из них «мирные» аулы (таким был, например, аул Джасус, располагавшийся неподалеку от Армавира, «джасус» — аул перебежчиков (адыг.), либо компактно в глубине казачьей территории, где появляются несколько адыгских селений, немало из которых существуют и по сей день, либо предоставляя им право выбирать самим и во многих кубанских станицах, хуторах и деревнях появляются черкесы. «Проблемных» переселенцев — выдачи которых слишком настойчиво добиваются князья, которых могут выкрасть, либо из-за которых может разгореться дипломатический спор русские власти высылают на Дон для зачисления в казачье сословие Войска Донского с выплатой подъемных и «заимообразных беспроцентных ссуд... на покупку волов и других хозяйственных принадлежностей», туда же в приказном порядке направляют адыгских сирот для «раздачи» (сохранена орфография оригинала — А.Е.) в бездетные казачьи семьи

¹ С.Н. Бейтуганов. «История кабардинских фамилий». Нальчик. 2007.

² ККА фонд 249, оп. 1, дд. 965, 3 031, лл. 11, 129.

с выплатой ежегодного содержания вплоть до совершеннолетия. Но уже к 1850-м гг. «добровольно выбежавших» «предателей» становится столько, что российские власти отказываются от контроля за расселением и выдают беглым крепостным бумаги с указанием, что её владелец «с разрешения начальства может проживать во всех частях империи, где пожелает»...

...Еще раз, простите за напоминание, Вы не забываете, что мы говорим о геноциде?...

Сначала Россия не ожидала ТАКОГО наплыва черкесов. Это видно из того, как часто на начальной стадии конфликта меняется подход Петербурга к «добровольно выбежавшим» — их то принимают, то не принимают и отсылают назад, то дают князьям за них компенсацию, то не дают и т.д. Причем, все осложняется тем, что до 1829г., до заключения Андрианопольского мира, Россия официально не вправе принимать и укрывать черкесских рабов, т.к. Кубань и черкесское побережье Черного моря считались все еще турецкими. Князья и дворяне жалуются на Россию туркам, те пишут царю грозные письма, Россия что-то отвечает и если ситуация начинает обостряться, то либо выдает бежавших рабов из-за которых разгорелся острый спор, либо потихоньку высылает их на Дон и в другие внутренние районы, отсылая туркам отписки в стиле нынешних участковых милиционеров, мол, «действительно, был такой-то человек, но куда-то затерялся».

После 1829г. русское командование принимает порядок обращения с беглецами, который сохранился уже до последних дней Кавказской войны. Оно начинает безусловно принимать бежавших рабов враждебно настроенных к России владельцев и возвращать тех рабов, чьи хозяева принесли России присягу на верность. При этом, если раб

бежал до того, как его хозяин принес присягу, то его не возвращали, даже если потом его владелец и стал лоялен русским. С целью подорвать экономическую базу «немирных» горцев и основываясь на этом принципе, российское командование устраивает специальные военные экспедиции в аулы, принадлежащие враждебно настроенным к нему дворянам — захватывает аулы и устраивает там страшный, невиданный в истории геноцид — т.е., как пишется в обращении «с нечеловеческой жестокостью» дает всем рабам непокорных князей свободу!

Начиная с 1820-х гг. индивидуальные побегі продолжаютсѧ, но раскол начинает проявлятьсѧ в ещѧ большей степени. Теперь адыги начинают переходить на русскую сторону целыми аулами. Так, нам в точности известны обстоятельства штурма царскими войсками бжедугского аула Энем, находящегося неподалеку от нынешнего Краснодара. Мы знаем, сколько в нем участвовало солдат, сколько казаков, сколько орудий, ракетных установок; мы знаем, как героически вели себя его защитники и что с ними стало: «остававшиеся в ауле жители, исключительно мужчины заперлись в саклях и защищались там до тех пор, пока не погибли в пламени подожженного аула.»¹ И в то же время мы знаем, что жители двух соседних аулов — Малый Энем и Бжегокай в полном составе ушли к русским на правую сторону Кубани. Им выделили место для поселения, сельскохозяйственные орудия, разрешили запашку земли.

К концу 1820-х гг. раскалывается кабардинский народ, вернее то, что от него осталось в Кабарде после военных действий, чумы и массовой миграции кабардинцев

¹ Ф.А.Щербина. «История Кубанского казачьего Войска». Том 2. Краснодар, 1996

в другие кавказские земли — одна его половина уходит из Кабарды в еще незанятые российской армией районы с тем, чтобы продолжать борьбу против русских, а другая остается в родных местах и прекращает сопротивление. Через несколько лет их примеру следуют бесленеевцы — в 1844г. во главе с князем Кургоковым их большая часть уходит на русскую территорию и оседает там, основанные ими аулы — Кургоковский и Кунчоковский существуют до сих пор. В 1851г. делают свой выбор хатукаевцы — небольшая адыгская народность, 15 тыс. хатукаевцев (почти все) снимаются со своей исторической территории в районе нынешнего г. Хадыженска, подходят к российской границе, идущей по Кубани и основывают там новый аул — Хатукай, стоящий и поныне. В 1856г. бжедуги изгоняют своих князей, как нам говорят — предателей, а всего через 2 года — в 1858г. сами начинают переговоры по переходу всего народа на сторону России...

Здесь много вопросов. Как можно назвать этих людей предателями? Кого предали рабы, бежавшие от хозяев? Спасение рабов, бегущих от господ можно назвать геноцидом? Защиту униженных и угнетенных? Спартак является геноцидоносцем? Кого предали сразу все бжедуги? Или почти все хатукаевцы? Кого предали половина кабардинцев? Есть ли разница между предательством единиц и историческим выбором народа? Когда задаешь такие вопросы сторонникам теории геноцида, то зачастую получаешь ответ, что, мол, мы не этих людей называем предателями — это адыги, которых тяжелая судьба заставила, просто вынудила уйти к русским, вот, если бы они ВОЕВАЛИ против своего же народа, тогда — да — предатели, а так — нет....

Устали? Давайте здесь немного прервемся. Отдохнем. Обратимся к прекрасному — к классической литературе. Иной раз просто поразительно как точно и правильно легкое чтиво может отражать серьезные и сложные исторические факты. Так, Шлиман по «Илиаде» Гомера нашел свою Трою, а споры об исторической достоверности Библии идут и по сей день. Своя Троя есть и у сторонников геноцида на Кавказе. Это поэма «Измаил-бей» Михаила Лермонтова. Прекрасное произведение! Правда, национальные общественные деятели, как правило, цитируют из него только несколько строк:

«Горят аулы, нет у них защиты,
Врагом сыны отчества разбиты...
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель:
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и матерей
Ласкает он кровавою рукою...»

Вот видите — говорят они — как гениальный поэт, свидетель эпохи, описывал войну на Кавказе. Это ли не доказательство уничтожения мирных граждан и геноцида целого народа? «Нет у аулов защиты!», «Врывается штыками победитель». «Он убивает старцев и детей!». Ведь сразу понятно кто, против кого и какими методами воюет. Да только на основании одного этого можно признать геноцид!

Действительно! Сильные строки. Но в том-то и заключается иезуитско-подленькая сущность подгонки чего-либо под «правильный» ответ, что, как и в случае с цитированием Р.А. Фадеева или Ад. Берже, выпячивая

одни факты, сторонники этого самого ответа полностью, начисто прячут факты другие и требуют от людей принять решение, основываясь на выгодной им неполной, а значит неверной информации!

Уж если читать Лермонтова, то давайте читать его до конца. Героями поэмы «Измаил бей» являются два брата — Измаил-бей и Рослаббек. Именно между ними разворачиваются все перипетии поэмы. Почему-то (впрочем, понятно почему!) люди, приводящие её в качестве примера невероятного геноцида, устроенного российской армией адыгам, не говорят, что у этих персонажей были абсолютно реальные исторические прототипы — два адыгских князя — двоюродные братья Измаил-бей Атажукин и Рослаббек Мисостов — представители знатнейших и высших кабардинских родов, предки которых неоднократно бывали князьями-валиями Кабарды, оба рода — иналиды, аналог рюриковичей в России... Два блестящих русских полковника, служивших и воевавших, в том числе, и на Кавказе!

Адыги — блистательные царские полковники!.... Здесь мы подходим к теме, которая является явным, однозначным табу для сторонников теории геноцида — участие адыгов в войне против адыгов. Причем, сторонники теории геноцида признают этот факт, но говорят, что число черкесов, сражающихся на стороне русских, было ничтожно мало. В книге «Земля адыгов», например, приводятся имена 71 «предателя адыгского народа» — людей, сражавшихся против своих соплеменников. 71 человек — это много или мало? Если исходить из того, что во второй половине XVIII века черкесов насчитывалось около 1 млн. 200 тыс. человек и они могли выставить армию в 200 тыс. человек, то,

конечно, это ничто. Действительно полное единение народа в борьбе против российских агрессоров и оккупантов! Но так ли это было? Давайте разбираться.

Трудно сказать, что было бы и смогла бы Россия завоевать Кавказ, если бы кавказцы не служили и не воевали в российской армии. Как и в случае с черкесами, бежавшими на российскую сторону, количество горцев, служивших в русской армии, точно неизвестно, но понимание о нем можно получить из имеющихся отдельных цифр.

С самого начала, с самого первого дня военных действий на русской стороне сражалось немало адыгов. Так, при основании Моздока в крепости служили одновременно и русские, и горцы. «Учреждена военная команда набираемая из горцов принявших христианство, с определением ей жалованья, и штат 1770 г. сделан на 214 человек.»¹ Еще раз... давайте задумаемся в это. Столетняя война начинается со строительства крепости Моздок. Формально, её вообще строят по просьбе кабардинского князя, но, как говорят адыгские историки, сами кабардинцы протестуют, отправляют делегацию в Санкт-Петербург, требуют эту крепость срыть и начинают считать это объявление войны.... Правильно говорят! Все так и было. Но они не говорят второй части «загадки», что Моздок — этот оплот российского империализма на Кавказе и место, откуда есть пошло «кровавое истребление черкесского народа» представителями российской империи — защищали не только русские, но и сами кабардинцы и что их количество было не намного меньше количества русских солдат! Вот такая это война — где русские «ставят целью уничтожить всех адыгов».

¹ П.Г. Бутков. «Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год». Библиотека сайта «Восточная литература».

Причем, такая ситуация наблюдалась повсеместно. Так, С.Н. Бейтуганов, в своей книге «История кабардинских фамилий» пишет: «Н.А. Добролюбов анализируя этнический состав Кубанского казачества в конце XVIII века, указывал, что оно частично состояло из «1000 душ мужского пола, добровольно вышедших из-за Кубани черкес и татар» и «500 запорожцев, вернувшихся от турецкого султана».¹

Очень и очень многие из адыгов, перешедших на русскую сторону, начинают не заниматься сельским хозяйством, а добровольно и инициативно идут служить в русскую армию. Причин этого было множество — глубокие военные традиции адыгского народа; особая, более, наверное, нигде не встречающаяся структура адыгского общества, в соответствии с которой уделом дворянства была исключительно война, а сами дворяне ничего больше делать не умели и применения себе в других сферах не мыслили; традиционное отсутствие моральных и социальных барьеров, запрещавших адыгам поднимать оружие против адыгов, т. к. традиционно черкесы были разобщены и веками противостояли друг другу; стремление получить земельный надел и подъемные деньги, дававшиеся, в частности, казакам; желание выбиться в офицеры, стать обладателем социального статуса и неплохого жалования; в конце концов, очень много было тех, кто в своем вступлении в российскую армию видел гарантию того, что его не выдадут бывшим хозяевам, от которых он бежал и т.д.

Кстати, чуть ранее мы говорили о том, что Россия давала бежавших рабов тем хозяевам, кто принял присягу и стал, как тогда говорили, «мирным черкесом», либо

¹ С.Н. Бейтуганов. «История кабардинских фамилий». Нальчик. 2007.

просто перешел на российскую службу. В этом правиле были исключения.

Так, в 1846 г. уже принесшие присягу России черкесские и хамышевские князья и дворяне подали российским властям просьбу о возвращении им 125 беглых крестьян. При проведении расследования оказалось, что к тому времени почти все эти крестьяне служили на русской военной службе в казачьих полках, а четверо

Адыги – участники покорения Северо-Западного Кавказа на встрече с начальником Кубанской области генералом Цакни (1869-1873 гг)

Верхний ряд (слева направо): Ватах Бадзаш (шапсуз), Ахеджагоко Татлюстан – сын Пшекуя (бжедуг), Казанокко Бамбет (бжедуг), другие неизвестны. Сидят: Асланов Борок, полк. Колосов, ген. Цакни, полк. Дукмасов, Абадзе Караулан (шапсуз). Сидят на полу: Шюц Хасан и Ачмиз Тхагуз-хаджи (шапсузи)

из них за боевые заслуги на Кавказе даже были произведены в урядники (аналог совр. звания сержант) или награждены Георгиевскими крестами. Естественно, просьба князей не была удовлетворена.

Как правило, адыги служат и воюют в двух родах войск — в артиллерии и в кавалерии всех видов. Так, генерал Могуков — человек, орудия которого решили исход Калаусского боя, в котором погибли около 2 500 адыгов, был артиллеристом; во время Крымской войны, разведку одного из лучших генералов той поры — Бакланова — составляют кабардинцы; еще один герой Крымской войны — Беслан Абуков, геройски сражавшийся под Балаклавой, тяжело раненый, пролежавший трое суток в беспомощности вперемешку с убитыми на поле сражения, подобранный англичанами, привезенный в Лондон и затем вернувшийся в Россию — был майором Киевского гусарского полка; адыгский князь генерал Балатуков Кирилл Матвеевич (он же Кай-бей Меметбеевич), представитель очень интересной семьи, несколько поколений предков которого служили министрами финансов у крымских ханов, был командиром Симферопольского конно-татарского полка, отличился во время войны с французами в 1812г.

Но все же не эти рода войск были основным местом службы черкесов...

Говоря о жестокости царских войск, современные адыги больше всего претензий выдвигают к казакам. Здесь и там адыги говорят, что казаки вырезали черкесов и сами заселились на их земли. Наверное, во многом, такая точка имеет право на существование. Такая уж у нас была история. Не лакированная! Политически неправильная!

Поразительно, но подавляющее большинство адыгов служат как раз в казачьих частях! Именно казачьими полковниками были Рослаббек Мисостов и Измаил-бей Атажукин — прототипы лермонтовских героев поэмы «Измаил-бей». Адыги служат во всех казачьих войсках юга России — в Донском, Кубанском, Терском, причем, если некоторых из них берут туда, что называется, «по разнарядке», то другие сами просто упрашивают, умоляют власти зачислить их в казачье сословие.

На Кубани и на Ставрополье образовывается несколько горских казачьих селений — станицы Гривенская, Бабуковская, Луковская, селение Ады, в которых живут почти исключительно кавказцы-казаки — черкесы, абазины, осетины. Станицу Гривенскую, кстати, основал Али Шеретлуков — тот самый, сподвижник легендарного бжедугского князя Баты Гирея, ездивший к Екатерине и которому шапсуги после урегулирования вопроса с дворянами, не разрешили вернуться на Родину, а казаком станицы Луковской, в которой в 1875г. насчитывалось 775 казаков-черкесов и 118 казаков-осетин, был князь Заур-Бек Даутоков-Серебряков — руководитель антибольшевистского восстания на Центральном и Северном Кавказе, командир белой Кабардинской бригады, зарубленный красными в 1919г. Возле «черкесских» станиц как грибы начинают расти черкесские хутора, некоторые из них стоят и до сих пор, например, хутор Могуково в Крымском районе Краснодарского края. Многих черкесов приписывают к чисто казачьим станицам с исключительно славянским населением. К середине XIX в. мусульман в российских казачьих частях

становится столько, что в феврале 1855г. Военный совет Российской империи принимает специальные «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия».

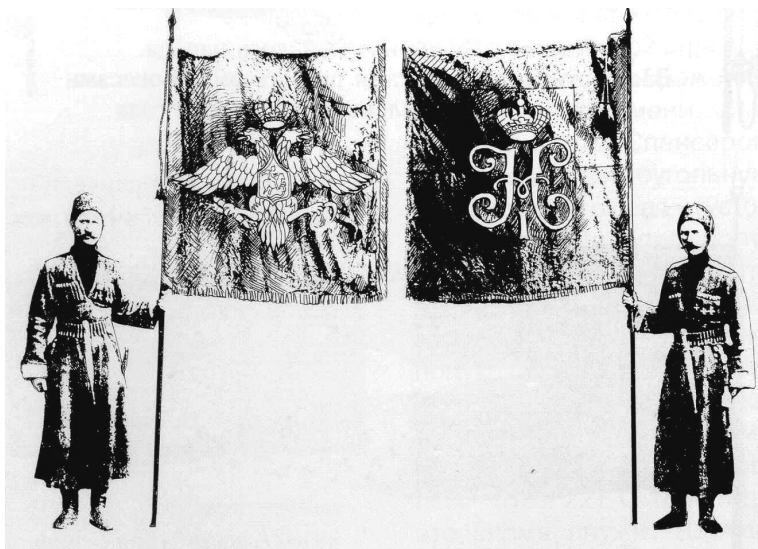
Адыги служат хорошо, на совесть, их фамилии в наградных реляциях периода Кавказской войны совсем нередки. Вот некоторые интересные примеры:

При взятии крепости Анапа 12 июня 1828г. Георгиевский крест получает казак «из закубанских дворян Женеевского племени, магометанского исповедания» Бейслан Шаган-Гирей Гусаров... 16 лет от роду. За тот же поход и за участие «...в многих с турками и черкесами сражениях» Георгиевским крестом удостоивается 17-летний Магмет Шеритлу-Оглы. Всаднику 1 разряда Анапского горского полускадрона Шеретлуку Супаю в одном из боев пуля попадает в крест, полученный ранее «за отличную храбрость, оказанную в ноябре 1851г. в земле непокорных нутухайев», в личном деле героя имеется короткая запись: «Знак раздроблен пулею, послан другой».

С 1844г. и по 1864г. только «бесстепенных» крестов для мусульман (с имперским орлом вместо Георгия Победоносца) за отличие на Кавказе было выдано более 750. Да и награждать их действительно было за что! Так, в 1846г. кабардинское ополчение отразило нападение Шамиля, устроившего поход в Кабарду, где он надеялся соединить силы с, как ему казалось, враждебными русским адыгами. За один 1851г. около 200 кабардинских князей и дворян были награждены за отличие в военных действиях против Шамиля.¹ За доблесть и муже-

¹ (ЦГА КБР. ф. 16, оп. 1, д. 36, л. 1).

ство царь Николай I пожаловал кабардинцам особое почетное знамя. В приветствии императора тогда говори-

Почетное знамя, пожалованное кабардинскому народу императором Николаем I 2 марта 1844г.

лось: «Постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия против враждебных горцев, оказываемая кабардинскими жителями, обратили на себя особенное Наше благоволение». Позже, адыги приняли деятельное участие в завершающей стадии Кавказской войны и в выселении причерноморских черкесских народностей — шапсугов, убыхов и натухайцев. Вот что, например, уже в 1896г. пишет отставной генерал-лейтенант Т.И. Шипшев: «...теперешнее областное начальство не доверяет горским интеллигентам и не дает им должностей. А вот в 1863 году Евдокимов назначил меня начальником

шапсугского военного округа в чине ротмистра, хотя претендовали русские полковники. Затем, он назначил меня начальником крупного летучего отряда по истреблению непокорных горцев. Потом поручил выселение шапсугских черкесов в Турцию. И я выселил 63 тысячи душ обоего пола, оставлявшие тогда Шапсугский округ, были «высланы мною безо всякого насилия по указанию графа. За выполнение этого поручения я удостоился многих благодарностей и награжден следующим чином».¹ Кстати, к концу войны среди адыгов имеются несколько генералов, пятнадцать-двадцать полковников, очень немалое количество офицеров меньшего ранга. Например, генерал Султан Адиль-Гирей, младший брат известного адыгского историка и просветителя Хан-Гирея, являлся комендантом третьей столицы Империи — Варшавы.

Немало адыгов за свою жизнь несколько раз служат «на разных сторонах баррикад», по разным причинам переходя с российской на горскую сторону и наоборот. В этом, кстати, война на Западном Кавказе сходна с тем, что происходило на Кавказе Восточном — вспомним хотя бы известного нам, в том числе по рассказам Толстого, известного абрека Хаджи-Мурата, неоднократно переходившего с одной стороны на другую и закончившего свою личную Кавказскую войну с телом, похороненным в Нухе и с черепом, лежащим на полке в Петербургской Кунсткамере, как «экспонат с инвентарным номером 6521». Количество чеченцев и дагестанцев, воевавших в рядах российских войск, было ничуть не меньшим, чем в Адыгее и Кабарде. Известно, что во время пленения Шамиля — этого символа кавказского противостояния — одним из условий своей сдачи он выставлял отвод горской милиции и сдача в плен

¹ (ЦГВИ-А.ф.33О, оп.69, ед.хр.56, л.д.9—13)

непосредственно русским по национальности формированиям. Могучий старик боялся, что ввиду крайней к нему неприязни, свои просто разорвут его на части и в почетный плен он так и не попадет.

Постепенно, на русскую сторону переходят очень много адыгов. Во втором периоде военных действий в составе российских войск находились следующие части, где служили только и исключительно черкесы:

- Достаточно многочисленная Горская милиция, выполнявшая охранные и милицейские функции на территориях, занятых «мирными» черкесами, её представителей российское командование использовало как переводчиков, разведчиков, проводников и т.д.,

"One of the most picturesque sights in a Russian camp is the big fire of the Tchubchev. After the day's duties are over these men will gather round their fire and sing the plaintive songs of their native Caucasus."

THE CZAR'S TCHERKESS BODYGUARD

Адыги Лейб-гвардии императорского конвоя на русско-турецкой войне. Надпись: «Одна из наиболее живописных картин в русском лагере — это большие костры, разводимые черкесами. После окончания дневных забот они собираются вокруг них и поют протяжные песни своего родного Кавказа».

A skirmish on the road to Plevna - Circassian Cavalry in the foreground
 HARPER'S WEEKLY, A JOURNAL OF CIVILIZATION
 New York, Saturday, December 1, 1877

*Адыги на стороне турок во время русско-турецкой войны.
 Надпись: «Засада черкесской кавалерии на дороге в Плевну».
 Harper's weekly. Нью-Йорк. 1877 г.*

- Кабардинское конное ополчение,
- Кабардинский гвардейский эскадрон,
- Анапский горский эскадрон,
- Лабинский конно-иррегулярный эскадрон,
- Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон, располагавшийся в Петербурге и несший охрану Императора, а также сражавшийся в Польше против повстанцев в 1831г.,
- Кавказско-Горский конный полк, половина которого комплектовалась горцами,
- Кавказский конный Горский дивизион,
- Терский конный полк, в котором служили постоянно несколько сотен кабардинцев и которым долгое время командовал человек по имени Тамбиев Али Анубекович,

- Кроме национальных горских формирований очень много адыгов самостоятельно записывались в казаки и служили в казачьих полках Донского, Кубанского и Терского войск, в том числе и на Кавказе.

К концу войны общее количество адыгов, принимающих участие в боевых действиях на стороне России и против России становится практически одинаковым. При сравнении прорусских черкесских формирований с количеством войск, применяемых горцами как в нападениях на российскую территорию, так и в отражении российских наступлений, мы увидим, что цифры адыгов с той и с другой стороны если и не равны, то уж, по крайней мере, однопорядковы. После 1840-х гг. это уже были цифры одного масштаба. И на той, и на другой стороне в реальных боях сражалось примерно равное количество людей!

Как называется война, на которой одна сопоставимая часть народа воюет против другой? Отечественная, как её называют адыгские идеологи? Или все же Гражданская? Если попытаться ответить на вопрос была ли для адыгов Кавказская война гражданской, то вырисовывается очень интересная и противоречивая ситуация — с одной стороны существует целая масса факторов, подтверждающих этот вывод, но с другой стороны, чисто теоретически, говорить так, наверное, все же нельзя. Смотрите, сам ход и особенности войны на Кавказе имеют практически все признаки гражданской войны — это и раскол общества на 2 лагеря с примерно равными силами, но принципиально разными видениями своего будущего, это и добровольная служба членов одной семьи во враждующих лагерях, и неотлаженное, анархичное командование, это и переход людей из лагеря в лагерь, разрозненность фронтов, неналаженность учета, партизанские действия и частая смена обстановки,

периоды перемирия, попыток договориться и даже мирно жить, сменяющиеся боевыми действиями, огромное количество людей, занимающих нейтральные позиции, чего, как правило, не бывает при отражении единой и общей для всего народа агрессии и т.д.

Все эти признаки были родовыми пятнами гражданских войн в Древнем Риме, Гражданской войны в США, российской Смуты, войны 1918—1922 гг. в России и, уж простите, войны на Кавказе. Эта тема крайне интересна и, надеюсь, она еще найдет своего вдумчивого исследователя.

С другой же стороны, утверждать о том, что война на Кавказе носила гражданский характер, на мой взгляд, несмотря на огромнейшую массу доказательств, было бы все-таки неправильно, т.к. у адыгов в ней отсутствовал главный фактор — гражданство. Они не были гражданами одного государства, не были едины, находились на разных ступенях развития и в этом смысле, конечно же, гражданской войны не было.

Но оставим в стороне гражданскую войну. Была она или нет — это не так принципиально. Намного более важно

*Подъесаул Арацхан
Хаджи-Мурат в форме
Лейб-гвардии император-
ского конвоя. 1911г.*

другое — в Кавказской войне адыги сыграли огромную роль. Её нельзя, невозможно не учитывать. Эта оценка содержится в целом ряде высказываний царских генералов. В частности, выдающийся государственный деятель России рубежа XIX–XX вв. С.Ю. Витте говорил, что нельзя игнорировать «...то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы...»¹, а вот что писал в своем путевом дневнике, изданном в 1876 г., вскоре после окончания Кавказской войны, князь Мещерский: «Кавказ был завоеван как оружием русских..., так и оружием туземцев Кавказа. На протяжении шестидесятилетней войны на Кавказе, мы видим, что в этих войнах всюду и везде отличались тамошние туземцы... Они дали в русских войсках целую плеяду героев, достойных высших чинов и знаков отличия».²

В этой связи, если воспринимать итоги Кавказской войны как геноцид, то как мы с позиций современных адыгских этнопатриотов охарактеризуем ту часть геноцида, которую адыгскому народу причинили сами адыги? Эта «плеяда героев, достойных высших чинов и знаков отличия»? Как разберем, кого в той войне убили русские, а кого сами адыги? Как поделим ответственность? А что нам делать с теми далеко не единичными случаями, когда адыги убивали адыгов, а русские их защищали? Примеры князя Канчокина, бжедугских дворян и бежавших рабов я уже приводил, теперь давайте рассмотрим другой на эту же тему.

1852 год. Один из адыгских лидеров — Магомет-Амин — с 2000-м отрядом совершает карательную

¹ С.Ю. Витте. «Избранные воспоминания. 1849–1911.» Москва, 1991

² Цит. по: Лурье С.В. «Российская империя как этнокультурный феномен цивилизации и культуры». Вып. 1. Москва, 1994

*экспедицию против племени джигетов. Идет их гро-
мить и убивать. И причина для этого у него была очень
веская — дело в том, что джигеты очень провинились пе-
ред остальными адыгами — они не воевали против рус-
ских. Придерживались нейтралитета всю войну и сим
премного гордились. Именно за это Магомед-Амин хотел
их наказать. Против него, на помощь джигетам из укреп-
ления «Святого Духа», нынешнего Адлера, высылают
отряд под командованием майора Бибикова, численно-
стью 740 человек с двумя орудиями. Два войска встре-
чаются, происходит короткий бой, пушки решают дело,
адыги теряют около 20 человек и отступают.*

В этом случае джигетам повезло — русские, которым, как нам говорят, «была нужна Черкесия без черкесов», за-
щитили их от черкесов, но ведь карательный поход против
непокорных племен был не один. Как теперь будем считать
потери среди джигетов. Куда мы отнесем тех, кто погиб от
рук самих адыгов за отказ воевать против России? Теория
«страшного геноцида» однозначно предлагает считать их
павшими от рук русских. Так ведь в жизни все было наобо-
рот — убивал их адыги, а спасали русские!

Как мы будем делить такой геноцид? Как булку — «тебе
половина и мне половина»? Я не знаю. Давайте взглянем
в этом вопросе на мировую практику — т.е. сделаем то, от
чего так упорно уклоняются все те, кто красиво стенает
о геноциде, приводя своему же народу в качестве доказа-
тельства лишь фразу «Ну как можно не верить в геноцид
адыгов!». США, как мы видели, не признают геноцид ин-
дейцев, в том числе и потому, что невозможно вычлени-
ть эти моменты. Невозможно понять сколько индейцев де-
ревни Пеквот было убито англичанами, а сколько самими
индейцами! Невозможно! Исходя из этого, американцы

считают для себя неприемлемым и неверным признавать обвинение в геноциде. В конце концов, не белые же уничтожили гурунов! Почему же теперь, исходя из какой извращенной логики, вину за исчезновение этого племени они должны осознанно брать на себя?

Сравнение с существовавшими в истории геноцидами, со сходными, однопорядковыми примерами — очень показательно. Оно всегда ярко высвечивает сопоставимость или несопоставимость ситуаций. И для «докладчика» здесь все просто — если ты боишься за свою аргументацию, считаешь её слабой, уязвимой, то сравнений надо избегать; соответственно, если уверен в себе — этим надо постоянно пользоваться, ибо это всегда очень сильный аргумент в твою сторону. Давайте еще раз преодолеем природную застенчивость современной адыгской общественной науки и сделаем то, от чего она годами крайне тщательно и успешно оберегает свой народ — сравним геноцид адыгов в этом разрезе с геноцидом, допустим, армян. Кстати, на бытовом уровне, сами адыгские этнопатриоты в этом вопросе зачастую, равняются на армян, говоря, мол, «вон, Франция признала геноцид армян, почему тогда наш не признаёт?! Что ей стоит?»

Странно... почему же не признаёт?... Что ей стоит?

1915 год. Идет резня армян. Геноцид! Счет убитых пошел на сотни тысяч. Армяне не сопротивляются — ведь у них нет армии — они беззащитны. Армяне бегут в Россию, Ливан, Сирию, Грецию... Но турки им не дают — армян ловят, режут, расстреливают, их в прямом смысле этого слова, как осенние листья, сжигают тысячами, под угрозой смерти обращают в ислам, за несколько дней в вилайетах Адана и Алеппо поголовно вырезают всех армян... А в это время... В это время.... Нет, у нас же другая

историческая фактура, все было не так!... У армян есть войско, вооруженное Англией и Россией. Они годами и десятилетиями воюют против турок, устраивают молниеносные рейды вглубь турецкой территории, берут рабов, угоняют скот. Параллельно этому армянские ополчения из разных регионов Турции воюют друг против друга. В Киликии в жестокой схватке друг с другом сталкиваются армянские войска из вилайетов Адана и Алеппо, причем, на стороне армян Адана сражается призванная их лидерами турецкая артиллерия. Войско Адана разбивают и их лидеры начинают переговоры с турками по массовому переходу на их сторону. На фоне переговоров и продолжающегося противостояния, армяне бегут на турецкую сторону — бегут поодиночке, бегут семьями, деревнями и целыми народностями — в Стамбул, Анкару, Измир... Их бежит столько, что турки просто не знают, что с ними делать. Они принимают армян, выделяют землю, ссуды на развитие, защищают от других армян. В турецкой армии формируются армянские подразделения — эскадроны, полки, бригады. Армяне становятся личной охраной паши, а сам Энвер-паша, заявивший армянам из этих подразделений «Я лишаю Вас химеры совети», бросает их в бой против армян...

Фантастика!, скажете Вы... Нет, отвечу я. Это абсолютно не фантастика, а ответ на вопрос почему Франция не признаёт — простое сравнение ситуации настоящего геноцида с реальностью. Все эти факты имели место в Кавказской войне и я их просто примерил на ситуацию с армянским геноцидом. При этом, неважно с каким из действительно существовавших геноцидов сравнивать, если мы сменим «реальность», как рубашку, то опять ничего не изменится —

С таким же успехом можно представить, как евреи и цыгане в 1942г. толпами бегут в Германию, поголовно записываются там в SS и за храбрость, проявленную в боях с евреями и цыганами, получают Рыцарские кресты и становятся офицерами, что Симон Визенталь, человек, нашедший после войны в Аргентине начальника еврейского отдела гестапо Адольфа Эйхмана, во время войны попал не в Львовское гетто и не в концлагерь Маутхаузен, а сам, по своей воле, приехал в гитлеровскую Германию, получил там подъемные, построил себе дом и пошел работать в гестапо под начало того же Эйхмана и т.д. ... Ничего не поменяется. Не работает сравнение. Несравнимые это случаи!

И напоследок... говорят, что заканчивать нужно тем с чего начал. Вернемся к поэме «Измаил-бей». У Лермонтова она заканчивается тем, что Росламбек убивает своего брата Измаил-бея. В жизни все было практически также. Измаил-бея Атажукина убили и хоть прямых доказательств этому не было, но весь народ был полностью уверен, что его убил Росламбек Мисостов. Итак, представим: один двоюродный брат — адыгский князь-иналид, блестящий казачий полковник, воюющий на Кавказе, убивает другого двоюродного брата — адыгского князя, блестящего казачьего полковника, воюющего на Кавказе... Прочувствуйте всю интригу!... И вот теперь нам предлагают считать, что Измаил-бей погиб от руки русских, уничтожавших всех адыгов по национальному признаку? Что его убили только за то, что он был черкес потому, что России была нужна Черкесия без черкесов? В это можно поверить?

Кстати, интересная деталь, у Лермонтова, когда Измаил-бей умирает, его друзья, товарищи по оружию,

расстегнув его грубую воинскую одежду, видят «белый крест на ленте полосатой». Это тоже крайне близко к реальной жизни прототипов поэмы. Это — Георгиевский крест. Настоящий Измаил-бей, прообраз литературного персонажа, получил его за геройство при взятии «одноименной» крепости — известнейшего штурма Измаила, когда сам Суворов обратил внимание на мужество молодого черкеса и лично наградил его Георгиевским крестом «за храбрость и усердие». А годом позже он — кабардинский князь одной из лучших черкесских фамилий — участвует в переговорах по заключению Ясского мирного договора, окончательно закрепившего Кабарду за Россией.

Но вернемся к нашим индейцам. Тем более, что все аргументы сторонников и противников теории геноцида коренного населения Америки мы уже разобрали.

В обоих случаях существует поразительное совпадение в самой ситуации и в её аргументации с позициями обеих сторон. Практически те же самые аргументы, которые приводят современные адыгские идеологи уже давно в ходу в отношении требования о признании геноцида индейцев и в то же время доводы американских ученых против этого почти полностью совпадают с ситуацией на Северном Кавказе во время Кавказской войны. Весь обширный комплекс аргументов «за» и «против» позволяет подавляющему большинству американских историков, политиков, юристов и общественных деятелей занимать по этому вопросу следующую позицию, ставшую практически официальной: Невозможно отрицать смерть и страдания, принесенные как европейцами коренному населению Америки, так и аборигенами континента колонистам. Вместе с тем, так же невозможно признать, что истребление аборигенов — геноцид,

«преступлением с намерением», был действительной целью европейских переселенцев в Америке. Вот, что пишет историк Стаффорд Пул: «Есть другие термины для описания того, что случилось в Западном полушарии, но геноцид не из их числа. Это хороший пропагандистский термин в эпоху, когда слоганы и выкрики заменили размышления и исследования; использование его в этом контексте обесценивает как сам термин, так и ужас, пережитый евреями и армянами, как двумя примерами крупнейших жертв этого столетия.»

Не правда ли прекрасная фраза! «Слоганы и выкрики заменили размышления и исследования». Не про нынешний ли Северный Кавказ он пишет? Нет ли и здесь совпадения? Думаю есть. Есть однозначно. И такое же совпадение должно быть, соответственно, и в выводе, который нужно сделать на основе сравнения ситуации с признанием геноцида в США и на Кавказе: Если в абсолютно схожем положении те же США не признают геноцид индейцев, то на основании чего его должна признавать Россия? Кто нам это объяснит?

Справедливости ради (и чтобы уж закрыть индейскую тему вообще) стоит сказать, что в действительности между тем как поступала Россия по отношению к горцам и как поступали молодые США с индейцами есть одна очень существенная разница, которая тоже имеет отношение к геноциду, правда, опосредованное.

Речь идет о государственном подходе к людям другой цивилизации, с которыми ты вынужден жить бок о бок. Это всегда непросто! И здесь две страны демонстрируют принципиально противоположные точки зрения!

США идет по пути сегрегации, выдавливания чужаков, недопущения их в свой круг. Происходит массовое

создание резерваций и вытеснение туда аборигенов. Что такое резервация? Это не огороженная земля, как некоторые думают. В первую очередь — это конфликт цивилизаций! Государство говорит индейцам: «Мы с вами разные люди. Мы живем в индустриальном веке, а вы — в родоплеменном строе. Мы — ученые и инженеры, мы летаем на самолетах, а вы — дикари и танцуете с копьями вокруг священного огня. Мы не сможем жить вместе — настолько велика ментальная пропасть между нами. Поэтому мы вас отделяем. Устанавливаем вам несколько самых основных, самых базовых законов, типа «не убей», в остальном, питайтесь сами и разбирайтесь сами. Мы к вам ходить не будем, но и вы к нам тоже. Денег вам немного подбросим, но и скажем как их тратить.» Практически полное разделение цивилизаций, живущих рядом!

Цивилизационная разница между русскими и адыгами была не настолько велика, хотя если брать Хабзэ и Уложение законов Российской Империи времен Александра II, то эта дистанция, наверное, сохранялась. Россия выбирает не резервационную схему взаимодействия с народами, вошедшими в колониальную орбиту, а её диаметрально противоположность — схему равноправия и их максимального вовлечения в собственную, теперь уже в их тоже, жизнь.

В результате, адыги практически сразу же прыгнули почти в индустриальное общество и в дальнейшем развивались в том же темпе, что и все остальные народы Российской, а затем и Советской Империи. Как кто-то очень хорошо сказал — русские варвары врываются в аулы, оставляя после себя города, библиотеки, университеты и театры. Индейцы же, варясь в замкнутом, патриархальном и отсталом резервационном мире,

конечно же, не остались в XVII-XVIII вв., но и до уровня среднего американца не дотянули. Этого и не могло быть в условиях, когда американское общество в течение многих десятилетий официально считало их дикарями и людьми второго сорта — они не могли учиться в обычных школах, иметь бизнесы, работать на «белой» работе, выступать в судах, даже по своему собственному делу и т.д. Американскими гражданами они стали только в 1924г., а аборигены Австралии — вообще только в 1967! Дискриминация же по расовому признаку продолжалась в США до 1960-х гг.

В результате, в 1990-х гг., с развитием в Америке либерализма, с принятием, так называемой политики «affirmative action», направленной на преодоление отставания как негров, так и индейцев от белого населения США, в 1998г. был принят специальный закон — Indian Gaming Regulatory Act, в соответствии с которым индейцы получили право создавать на территориях резерваций казино, в то время как вообще в США игровой бизнес очень жестко контролируется властями. Суд решил, что раз индейцы были вытеснены в неплодородные места, не имеющие полезных ископаемых, и не могут заниматься традиционными промыслами, позволяющими им получить средства для жизни, они имеют право заниматься игорным бизнесом.

Закрываем эту страницу. Идём дальше...

ГЛАВА III.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В условиях, когда адыгские историки, популяризаторы истории, публицисты подают исключительно этнически— и политически ориентированный взгляд на острые события прошлого, а чистая, академическая наука долгое время не обращает на происходящее никакого внимания, вокруг Кавказской войны сформировалось и продолжает формироваться огромное количество разнообразных мифов. Уровень мифологизации восприятия адыгским обществом событий Кавказской войны потрясает воображение. То, что рядовой, не искушенный в истории черкес искренне, подчеркиваю, абсолютно искренне считает Кавказской войной, находится настолько далеко от происходившего в действительности, что скорее напоминает не учебник истории, а книгу «Легенды и мифы Древней Греции» — с полубогами, фавнами и добрыми, но не очень умными кентаврами.

Причин этому три — первая, то, что национальная элита в течении полутора десятилетий давала ему исключительно односторонний, до крайней степени национально ориентированный взгляд на эти события, тщательно оберегая от любой другой информации, вторая — то, что именно такой взгляд очень желаем и востребован сейчас адыгским обществом — любая, самая фантастическая и невероятная информация о «героических предках» и «злых оккупантах» принимается горячо, никогда никем не проверяется и на ментальном уровне не ставится под сомнение и третья — в отсутствии

ответа со стороны официальной науки. Не имея оппонирования, весь вопрос о геноциде увеличивает степень доверия к себе — всегда можно сказать, мол, «да ведь им ответить нечего, ведь мы правы!» — обростает легендами и мифами, уходит из фактологической исторической плоскости, миф становится неотличим от правды.

ЗЕМЛЯ

Одним из таких мифов является миф о целенаправленном поселении покорившихся России адыгов в малярийные места, с той целью, чтобы они там умерли и адыгский вопрос закончился бы сам собой.

Эта идея достаточно популярна, о ней говорят, пишут в книгах, используют как аргумент в спорах о геноциде адыгского народа. Адыгские общественные деятели с возмущением говорят об этой зверской практике царской власти, но... примеров почему-то не приводят. Помните, как у Ильфа и Петрова: «Бендер звал всех в гости к горячо любимой тете, но адреса тети почему-то не оставил»?

Давайте же преодолеем их природную скромность и попытаемся найти адрес тети — т.е. взглянуть на то куда же все-таки «геноцидоносная» российская власть селила адыгов. Если абстрагироваться от митинговщины и, как говаривал мой замполит, «подойти с умным лицом к карте Родины», то мы легко увидим, что можно говорить, по крайней мере, о нескольких принципах российской администрации по поселению адыгов.

Во-первых, это адыги, перешедшие на сторону России во время Кавказской войны. Как правило, русские власти предлагают им самим выбрать место своего проживания. Так, например, было, в случае с натухайским

и шапсугским дворянством — им самим предлагают решить где они бы хотели жить. Натухайцы выбирают территорию между Гостагаевским укреплением и Анапой, шапсуги — пространство от впадения в Кубань Афиписа до отделения от Кубани ее рукава — Каракубани. Отдельных людей могли в приказном порядке поселить в уже имеющийся «мирный» черкесский аул, при этом учитывали мнение человека и пытались выбирать те места, где у него были родственники. Это страшный геноцид! Так «палачи адыгского народа» поступили, например, с Ченали Шемаховым, поселенном в ауле Вольном, ныне вошедшем в пределы Нальчика, а тогда стоявшем прямо напротив него, одним из старейшин которого был его двоюродный брат, поручившийся за него.

Бывших рабов, которых могли выкрасть хозяева, либо по которым завязывался конфликт с Турцией, как я уже писал, могли поселить в Области Войска Донского с зачислением в казаки и выплатой подъемных. Бесленевцы, переселяясь на занятую российскими войсками территорию, сами подыскивали себе место. К 1850-м гг. беглых адыгских крепостных становится столько, что начальство прекращает контроль над их расселением и просто выдает беглецам бумагу, что они свободные люди и могут жить где угодно.

Когда в ходе войны под контроль переходила целая территория, если её население было покорно, то его тоже никуда не выселяли — Кабардинские аулы стояли и стоят до сих пор. В какие маляринные места царь выселил кабардинцев? Но, когда начинаешь говорить так с некими адыгами, то в ответ нередко слышишь — ну, мол, это же те, которые перешли на сторону русских... их-то, конечно, не выселяли. А вот адыгских патриотов,

тех кто сопротивлялся, всех выселили в гиблые места. Хорошо, давайте посмотрим куда выселили тех, кто сопротивлялся.

Кошехабль. Аул основан «беглыми кабардинцами» — злейшими врагами российской власти — теми, кто отказался подчиняться русским и ушел из Кабарды. Это были действительно идейные, непримиримые противники российского влияния, порвавшие с половиной своего народа, решившего жить с русскими в мире. Прошло 25 лет и Россия их завоевала уже на новом месте. Их куда-то выселили? Врагов «геноцидоносной» России? Подвергли страшным чисткам? Вообще каким-либо чисткам подвергли? Это не аул ли Кошехабль сейчас является третьим населенным пунктом Адыгеи после Майкопа и Теучежска?

Другой подход российская администрация демонстрирует к адыгам, территории которых были завоеваны в самые последние годы войны — к абадзехам, натухаевцам, шапсугам и убыхам. Несмотря на их многочисленные просьбы, им не разрешают остаться на своих местах и приказывают либо переселиться в степную Кубань, либо уходить в Турцию. Делая это, российская власть преследует три цели — а) обеспечивает расселение наиболее активно настроенных против нее адыгов на территории, где затруднена партизанская деятельность — с гор и из лесов адыгов переселяют в открытые степи, б) поселяет их на расстоянии 100—150 км от морского побережья, что исключает возможность оказания адыгам помощи со стороны турок и англичан и в) поселяет их «под присмотр» казаков, напротив казачьих станиц через Кубань и Лабу, либо если аулы уже стоят, размещает напротив них большие казачьи станицы. Все это делает практически невозможным их дальнейшее сопротивление.

Да, там, наверное, была малярия. Тогда, как я уже говорил, малярия вообще была распространена на Кавказе, и не только в степных, примыкающих к реке Кубань районах, но и там, где адыги проживали очень плотно исто-

*Вид на аул Хатукай через р. Кубань
со стороны Усть-Лабинска*

рически — на Пятигорье, на черноморском побережье, на притаманских натухаевских территориях и т.д., то есть, теоретически, чтобы черкесы страдали от малярии, их просто надо было оставить там, где они и жили. Там они точно страдали от малярии! Но их перевели на Кубань. Теперь посмотрим куда конкретно переселили адыгов. Практически все аулы, основанные в то время, стоят на противоположной стороне Кубани и Лабы напротив казачьих станиц: станицы Тенгинская и Новолабинская — аул Уляп, Усть-Лабинск — напротив аул Хатукай, Курганинск — напротив Кошехабль, Нальчик — аул Вольный и т.д. Признать, что это сверхмалярийные места, куда людей поселили умирать от этой болезни, можно только согласившись с тем, что царская власть геноцидила и казаков — расстояние между станицами и аулами — 300—500 метров! Ну как в здравом уме можно считать, что Аслана поселили в центр эпидемий малярии, и теперь он — жертва геноцида, а Иван, живущий в 300 метрах от него, является имперским шовинистом и малярии не подвержен?

Справедливости ради, стоит сказать, что в самых малярийных местах российские власти селили не черкесов, а казаков. Кубанские плавни — огромные пространства заболоченной местности, покрытой камышом — расположенные на территории современных Ейского и Приморско-Ахтарского районов, тогда и сейчас являлись просто рассадником всякого рода комаров. В годы революции у тамошних казаков существовал особый вид казни красных комиссаров — раздетого догола человека вечером отводили к воде, привязывали к дереву или вбитому в землю столбу и ставили рядом зажженную керосиновую лампу. Говорят, к утру тело человека от комариных укусов распухало, а сам он умирал.

Геноцид и война — не самые подходящие для шуток темы, но, чтобы отвлечь вас от тяжелого чтения, приведу политкорректный и патриотический анекдот про Путина, который полностью отражает нашу историю с комарами.

Владимир Владимирович Путин — Президент Российской Федерации — захотел сходить на рыбалку. И вот сидит он в камышах со своей свитой, министрами, региональными чиновниками, охраной, забросил удочки, ждет. А вокруг комаров — видимо-невидимо, жужжат, летают тучами и постоянно жалят сопровождающих Гаранта, причем, что интересно, кусают только их, а самого Путина не трогают. Ни единого укуса! Свита и охрана отмахивается, бьет себя по открытым участкам тела, пшикает репеллентом — ничего не помогает. И тут самый смелый министр в отчаянии спрашивает Президента

— *Владимир Владимирович, почему комары нас жалят — просто мочи уже нет, а Вас ни один комар не укусил?*

— *А меня нельзя.*

А если серьезно, то хочу особо отметить, что цель убить всех адыгов (что действительно можно было расценить как геноцид!) не стояла в принципе. Если бы задача была поставлена именно так, если бы царские генералы действительно хотели уничтожить адыгов, то легче всего это сделать можно было бы как раз на последней стадии войны, когда черкесы прекратили сопротивление, не представляли никакой военной силы, потеряли управление и все племена, кроме убыхов, были полностью дезорганизованы. Вместо этого, российский император предлагает черкесам переселиться.

Да, переселение смешало адыгские народности, что привело к ассимиляции самых малых из них и разорвало единую линию расселения адыгов. Да, переселение иной раз совершалось в не самые удобные места, откуда потом приходилось сниматься и переезжать всем аулом. Это тоже было. Но так было не только с черкесами, но и с казаками — они и здесь были поставлены в равные условия. Так, только в одном 1868г. были упразднены или перенесены целых 12 станиц Кубанской области как говорилось в приказах, «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата».

Наоборот, зачастую, переселение имеет целью не убийство адыгов, а абсолютно обратную задачу — их выживание! Так, например, было в случае с аулом Тлюстенхабль, который основали бжедугские князья и дворяне, против которых выступили крестьяне. Народ изгоняет дворян, кого ловит — убивает, те убегают к русским

и просят о защите. Под прикрытием русских войск их селят на левом берегу Кубани напротив сильного русского поста, рядом с Екатеринодаром и станицей Пашковская. Бжедуги несколько раз пытаются захватить дворян и расправиться с ними, но русские не дают. В конце-концов, бжедуги ставят выдачу дворян им на расправу условием перехода целого народа на русскую сторону. Русские отказывают.

Аул Тлюстенхабль стоит до сих пор. Дворянский аул. Кто кого тут спас? Кто кому тут устраивал геноцид? Интересно, хотят ли судить Россию за геноцид своих предков потомки спасенных Россией дворян?

Вторая часть вопроса про землю — это предоставление русской администрацией оставшимся адыгам в несколько раз меньше земли, чем новоприбывшим русским колонистам. Зачастую эти два вопроса идут рука об руку и подаются вместе примерно так: «Россия согнала адыгов с насиженных мест (что в ряде случаев было абсолютной правдой — А.Е.), где была очень высокая культура земледелия, прекрасные сады и т.д. (что было правдой — А.Е.) и переселила их в малярийные места, при этом крайне обделив землей, дав им участки в несколько раз меньшие, чем казакам и русским поселенцам». Вот как трактует это книга «Земля адыгов»: «В связи с этим уместно привести мнения Я. Абрамова о причинах мухаджирства с точки зрения возможности проживания адыгов на своей исторической родине. Рассматривая уход адыгов в Турцию как своеобразный протест горцев против дискриминации и тяжелейшего положения, автор сформулировал следующие причины, подталкивающие адыгов в вынужденной эмиграции: несомненно менее выгодные экономические условия

горцев, чем казаков. Например: если в Кубанской области казаки получали полный 30-ти десятинный земельный надел, то черкесы были наделены по 7 десятин на душу. (Я. Абрамов ошибается — 3—5 десятин. Авт. — «З.А.») и притом преимущественно никуда негодными плавнями по реке Кубани. Это создавало экономическую зависимость туземцев от казаков, что приводило к крайне плачевным результатам.»¹

Трактовка хорошая — краткая, броская, по существу. Наверняка её растащат на цитаты, что-то типа «Как говорится в книге «Земля Адыгов», «количество десятин, выделенных черкесам было...» и далее по тексту. Правда, тут есть маленькая проблемка — обратите внимание — как «говорится в книге», но не как «доказывается»! В вопросах Кавказской войны авторы этой книги вообще, как правило, не унижают себя доказательствами. Попробуем сломать этот стереотип адыгской историографии и попытаемся на фактах подтвердить то, что они пишут. Получится ли?

Для начала можно обратиться не к журналистам, а к историкам. Подтверждается ли информация о том, что казаки на Кубани получали по 30 десятин на... на что? На что казаки получали 30 десятин? И тут мы сталкиваемся с маленькой, но очень грамотной подтасовкой, этаким мелким карточным шулерством, невидным неискреннему взгляду, но который принимается людьми за чистую монету и который оказался достоин Госпремии Республики Адыгея. Вчитайтесь внимательно: «если в Кубанской области казаки получали полный 30-ти

¹ Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К., Алешин Н.Е., Кушу А.А., Шеуджен Б.Е. «Земля адыгов (Адыгэмэ яч1ыгу)». Под ред. академика РАЕН, профессора А.Х. Шеуджена. — 2-е изд., перераб. и доп. — Майкоп, 2004.

десятинный земельный надел, то черкесы были наделены по 7 десятин на душу.» Как мягко и грамотно авторы уходят от фразы в расчете на что казаки получали землю, но в то же говорят, что черкесы получали её на душу! Высокий класс! Вот у кого надо учиться! Как говорят искусствоведы: «Набросок не закончен, но видна рука большого мастера». Раскроем эту мистерию — в учете казачьей земли счет наделов шел не подушно, а по количеству совершеннолетних мужчин. Станичная земля делилась на количество совершеннолетних мужчин. Женщин и детей в этот расчет не включали. У черкесов же, как, наверное, и у большинства остальных народов, счет шел на всех, включая женщин. Поэтому, 30 десятин на взрослого казака нельзя сравнивать с 7 десятинами на общую душу — 7 десятин вполне могли оказаться больше!

Берем книгу В.Н. Ратушняка — это известный и уважаемый кубанский историк — заведующий кафедрой в Кубанском университете, доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Вот что они пишет про земельный вопрос на Кубани: «Общины наделяли казаков землей с 17 лет в расчете 16—30 десятин на 1 мужскую душу. Для равноправного пользования землей станичные земли периодически подвергались переделу. С естественным ростом казачьего населения паевой надел кубанского казака постепенно сокращался. В 1860-е годы он составлял в среднем 23 дес., в 1917 г. 7,6 дес.»¹ Подождите, скажете Вы, Ратушняк — придворный кубанский историк, «Землю адыгов» вон, тоже историки написали, а данные совсем другие. Почему мы всем им

¹ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.

должны им верить? Согласен. Более того, для чистоты эксперимента нам с Вами надо считать не в душах, не в казаках и не в попугаях, а в хозяйствах. В домах. Только тогда мы перестанем сравнивать несравнимое. Есть ли такие источники?

Есть! Это книга директора музея кубанской станицы Староминской — Э.А. Широкобородова «Наша малая родина». Человек на земле живет, от политики, слава Богу, далеко. Давайте же посмотрим насколько мала была его «малая родина». Итак, сначала у Широкобородова идет крайне интересная ремарка о 30 десятинах на казака: «Тридцать десятин — это более трех гектар... для такого наделения землей требовалось иметь 4001255 десятин, а фактически было только 2842516 десятин. Вот почему в новом Положении от 12 апреля 1847 года верхние нормы наделов были несколько снижены».¹ Т.е. 30 десятин было только на бумаге.

Но оставим это, идем дальше: «В 1879 году Староминская имела самое большое среди станиц Ейского отдела число населения (7082 души), а станичный юрт располагал самым большим наделом. По данным на 1 января 1916 года, в станице насчитывалось 2981 казачье хозяйство с общим земельным наделом в 56559 десятин. Таким образом, на одно хозяйство приходилось 18,6 десятины земли.»² Вот оно! Все понятно — 18.6 десятин на двор.

Что же происходит на черкесских землях? Какие наделы были у черкесов? Есть ли такие данные? Тоже есть. И немало. Вот, например, информация из книги С.Н. Бейтуганова «История кабардинских фамилий»,

¹ Э.А. Широкобородов «Наша малая родина».

² Там же.

там приводятся данные, как окружное начальство ходатайствует перед начальником Терской области выделить 49 переселяемым в Кабарду черкесским семьям «из казенной земли по 30 десятин на двор во внимание к действительно хорошей их жизни и весьма порядочного поведения».¹ Очень интересные данные приводятся в книге «Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX веков». Там цифра от 30 до 40 десятин на адыгскую семью Большой Кабарды в разном виде встречается несколько раз. Но все их мы можем пропустить ради вот этой фразы: «Определена подворная норма для надела каждого аула и проектированы, согласно определенной норме и числу дворов в ауле, границы аульных дач, причем, для тех аулов, которым доставались в надел вполне удобные земли, нормой надела назначено по 36 десятин на двор, а для малоудобных и вовсе неудобных земель норма увеличена... равняется 41 дес.»²

Вот оно — 36 десятин удобной земли на двор, либо 41 десятина неудобий в 1860-х годах.

Это в Большой Кабарде и это, как и 30 десятин на казака, расчетная, нормативная величина. Сравните это с тем, что говорится в «Земле адыгов»! Абсолютно иная ситуация, диаметрально противоположная тому, что там пишется! Что же было фактически? Для того, чтобы понять каков был реальный средний надел на адыгский двор откроем книгу А.Х. Афашагова «История аула Ходзь». Это практически полный аналог

¹ С.Н. Бейтуганов. «История кабардинских фамилий». Нальчик. 2007.

² Х.М. Думанов «Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX веков». Нальчик. 1992.

Широкобородовской «Малой Родины» — и в одной, и в другой книге люди описывают историю своего села. Адыгский историк, в частности, дает статистические данные аула. Исходя из них, выходит, что в 1880 году аул Ходзь имел 384 двора, которые пользовались 9 962 десятинами земли, через 18 лет — в 1898 году — 400 дворов с 10 620 десятинами земли и еще через 18 лет — в 1916г., с определенной натяжкой, 392 двора с примерно сопоставимой площадью земли. То есть: 26, 27 и 25 десятин на двор соответственно.¹

Здесь нам уже пора приходить к общему знаменателю, в 1860—1880х гг. мы говорим о 23 десятинах на душу казака старше 17 лет, чему соответствует от 26 до 36 десятин на черкесский двор и к 1916г. эта цифра меняется в следующих пропорциях — 18,6 десятин на казачий двор и 25 десятин на черкесский. Интересное подушное сравнение есть у Ратушняка «средний паевой надел в 1917 г. — 6.8 дес. у черкесов и 7.6 дес. у казаков.»

Где здесь «Абрамов неправ — черкесам в несколько раз меньше»? Вне зависимости от того у кого в какие периоды земли больше, в любом случае, эти наделы сопоставимы по площади и примерно равны! О каком страшном геноциде здесь идет речь? Кто, с каким дремучим уровнем исторических знаний, с каким невероятным личным уровнем предвзятости и пренебрежения к исторической правде может писать подобное? Что за дикий бред выдают под личиной официально обласканных книг об истории?

Давайте взглянем на эти участки с другой стороны. 30 десятин на семью — это много или мало? Достаточен ли был этот участок для поддержания нормального

¹ А.Х. Афшагов «История аула Ходзь». Майкоп. 1998.

уровня жизни? Здесь у нас тоже есть 100%-ное сравнение. В начале века В.И. Ленин пишет статью «Статистика землевладения 1905 года», в ней он использует именно площадь 30 десятин на семью как показатель зажиточности и богатства, т.е. причисляет к зажиточным только тех крестьян, семьи, дворы которых обладают землей в 30 и более десятин. Таковых в России тогда нашлось целых 5% — «всего 0,6 млн. дворов». «Наш Ильич», выделяет надел именно в 30 десятин не случайно — при превышении рубежа 30—35 десятин уже начиналась ситуация, когда среднестатистическая семья была физически не в состоянии обработать землю и сдавала её в аренду, тем самым получая, по мнению вождя мирового пролетариата, прибыль, не заработанную личным трудом. Таким образом, в конце Кавказской войны как казачьи, так и черкесские семьи вполне правомерно причислить либо к богатой части российского крестьянства, либо к крестьянской прослойке, вплотную примыкающей к таковой.

Но и это не дает нам до конца понять какова же была реальная цена черкесских «36 десятин на двор» и как это соотносилось со страшным геноцидом. Представьте... 36 десятин прекрасной кубанской земли... богатейший чернозем... урожайность такова, что в народе говорят «воткни оглоблю — телега вырастет»... Сотни тысяч российских крестьян в Центральной полосе не могли и мечтать о таком геноциде! Такое положение было для них недостижимо в принципе! Никогда! Даже в сладких снах! Средняя величина душевого надела в Европейской России в 1860г. была 4,8 десятин, а к 1900г. она снизилась до 2,6 десятин в 1900г. При чем в некоторых губерниях, где земельный фонд был

и так мал, крестьянские наделы к началу века измельчали вообще до фантастических размеров, например, в Тульской губернии в 1900г. они составляли в среднем 1,6 десятин, а в Курской — 1,7 десятин земли на мужскую душу. Заметьте, это не лучший в мире кубанский чернозем, а очень часто бедные и истощенные песчаные и глинистые почвы!

Это было время, когда люди, заслышав, что по Столыпинской реформе в Сибири нарезают 15 десятин на мужскую душу, бросали все и тысячами отправлялись в неизведанные, холодные и неприветливые края. Считалось, что это очень хороший выход в условиях малоземелья.

Вот такой «геноцид, не имеющий аналогов в мире». Кстати, пару слов об аналогах в мире! Я вообще не понимаю как этот геноцид адыгские общественные деятели собрались доказывать в Европе? На основании чего? Как можно объяснить, допустим, англичанину, что выделение от 26 до 36 десятин сверхплодородного чернозема на черкесский двор является актом невиданного в истории геноцида, когда в самой Англии, начиная с XVII-го века, у крестьян земли не было вообще — ноль! — помещики и дворяне согнали крестьян с земли, после чего часть их отправилась осваивать Америку и Австралию, часть пошла работать на фабрики, чем очень сильно подтолкнула к развитию индустриализацию и капитализм, а часть стала арендовать эту же землю у помещиков и платить им за это немалые деньги. Как это ему объяснить?

Вот такое оболванивание собственного народа. Давайте оставим кабардинцев и вернемся к аулу Ходзь. Думаю, далеко не все понимают, что там произошло

с землей и с геноцидом. В то время жители аула Ходзь по отношению к российской власти были не просто «здравствуй — до свидания». Это были непримиримые, идейные враги — те, кого потом станут называть «врагами советской власти», расстреливать, высылать и лишать собственности. Это были кабардинцы, которые после завоевания Россией Кабарды переселились «на плоскость» с тем, чтобы продолжать воевать против русских войск. И вот, 25 лет спустя, Россия захватывает и эту землю и... оставляет поверженным врагам столько земли, сколько нарежет и их победителям — казакам! Я бы очень хотел посмотреть на человека, который будет доказывать в Европарламенте наличие геноцида адыгов, когда ему зададут подобные вопросы.

В завершение темы приведу цитату из произведений русского офицера М.И. Венюкова, в молодости воевавшего на Кавказе и ставшего потом известным этнографом. В 1880г. он писал: «Янки Соединенных Штатов выгоняют индейцев из гор, но лишь затем, чтобы их истреблять, англичане в Австралии, Новой Зеландии истребляют туземцев и в горах, и на равнинах, иногда с ружьем и собакой, как зверей. Мы долго боролись с черкесами как с равными противниками и когда одолели их, то честно уступили им земли, которые могут служить предметом зависти для самых цивилизованных племен. Немецкие колонисты, водворившиеся в той же Прикубанской низменности, могут это засвидетельствовать в качестве третьих лиц».¹

¹ М.И. Венюков. Кавказские воспоминания. Русский Архив. 1880. Т.

СОЧИ — ЗЕМЛЯ ГЕНОЦИДА

Еще одним распространенным и продолжающим набирать обороты мифом является вопрос о Красной Поляне — Кбааде. Причем, это как раз та ситуация, когда на искаженной, «подправленной» истории, на случайном или целенаправленном (этого я не знаю!) изменении фактов прошлого пытаются строить политику наших дней, когда фальсифицированные исторические события врываются в нашу современную жизнь.

Так, определенная часть адыгских этнических лидеров, в том числе зарубежных, искренне протестует против проведения Олимпиады-2014 в Сочи. Причиной этого является само место Олимпиады — Красная Поляна или, как она называлась во время Кавказской войны — Кбаада. Позиция адыгов такова: Кбаада — это место геноцида, где уничтоженный русскими народ убыхов дал последнее кровопролитное сражение российским войскам, здесь находился уничтоженный царскими войсками черкесский аул, крови было столько, что сама земля покраснела и теперь это место называют Красной поляной. Нельзя устраивать Олимпиаду в месте, которое надо сравнивать с Дахау, Треблинкой и Освенцимом. Не позволим развлекаться на костях.

Это заявление искренне и эмоционально, лично я могу понять людей, которые не хотят плясок на костях предков — не предлагали же мы провести Олимпиаду на Мамаевом кургане или на месте Хатыни? Вопрос в другом — ничего из того, что здесь упоминается, не происходило в действительности. Ни-че-го.

Давайте посмотрим как все было. 1864г., последний год войны. Российские войска пятью колоннами стягиваются к черноморскому побережью. Несколько месяцев

как прекратили сопротивление абадзехи. Из крупных народов сопротивление продолжают только шапсуги, убыхи и, кроме них, еще несколько мелких племен, численностью до 3 тыс. человек. Против них стянуты больше 200 тыс. российских войск. Это 7 армий современной Грузии. Внешне численность адыгов еще велика — около 300 тыс. шапсугов и 75 тыс. убыхов, но сопротивляться дальше уже нет сил — адыги раздавлены, они массово дезертируют с передовой, идет процесс переселения, у них не хватает первоочередных военных припасов, их семьи голодают. Исход войны уже предreshен.

21 февраля 1864г., отряд генерала Геймана из 11 батальонов спускается к Туапсе. К нему выходят старейшины шапсугов, заявляют о покорности и просят разрешение на выселение в Турцию. Отряд продолжает движение на восток в сторону современного Сочи.

4 марта генерал Гейман направляет старейшинам убыхов письмо с ультиматумом о выселении либо в Турцию, либо на Кубань. 9 мая от убыхов приходит ответ, в котором они, как и шапсуги, заявляют о покорности и просят 3 месяца на выселение в Турцию. Отряд продолжает движение на восток.

И тут 18 марта происходит более-менее крупное сражение с остатками сил убыхов и небольших племен. Происходит оно в месте впадения в море небольшой речушки Годлик, там, где сейчас находится селение Нижняя Волконка, примерно в месте нынешнего санатория ВВС. Русские войска быстро разбивают горцев. Больше в военных действиях убыхи участия не принимают. В знак покорности они преподносят шашку Догомуко Берзека — легендарного воина, который в 1839г. смог объединить все адыгские народности, жившие от

Туапсе до Гагр, в 1840 году взять штурмом несколько русских крепостей и которого Дж. Белл называл «Черкесским Вашингтоном». Убыхи изъявляют покорность, приносят присягу и готовятся к выселению.

Сразу после окончания войны, В.А. Гейман покупает этот участок земли, основывает имение Годлик и переезжает туда жить. Обратите внимание — Годлик — это не Красная поляна, это место в 6 км от поселка Лазаревское. До Красной же поляны оттуда более 40 километров!

Войска продолжают движение и с разных сторон стягиваются к Кбааде. 20 марта происходит действительно последнее сражение Кавказской войны. Оно происходит неподалеку от Красной поляны, участие в нем принимают батальоны генерала Шатилова, имеретинская и абхазская милиция и несколько сот медовеевцев и псхувцев (различные ветви садзов), скорее всего не более 200—300. По сообщениям очевидцев, как такового боя не происходит — горцы устремляются в конную атаку на русские позиции, русские артиллеристы дают залп, черкесы возвращаются на исходный рубеж, в этот момент к ним в тыл выходит абхазская милиция, большую часть которой, кстати, включая командира, составляют те же садзы, и псхувцы и медовеевцы рассеиваются. Вот и всё сражение. Кавказская война закончилась.

Войска смыкаются в долине Кбаада и утром 21 мая великий князь Михаил Николаевич объявляет о конце Кавказской войны, после чего принимает парад. Причем, все это время там же — в долине, занятой русскими войсками находится садзский аул Псху, но войска заняты парадом и им просто не до него. Псху окружают уже после парада, выдвигают ультиматум — Кубань или Турция, горцы отвечают — Турция и войска уходят.

Медаль «За покорение Западного Кавказа»

Все. Никаких крупных сражений, сожженных аулов, морей крови и т.д. Да и поляну назвали Красной не из-за крови, а от того, что там в изобилии растет особый коричневый папоротник, который в сумерках выглядит красным.

НЕ ПОВЕЗЛО С ГЕОГРАФИЕЙ

В соответствии с еще одним мифом, распространенным в адыгском обществе, Черкесии просто не повезло с географией. Так уж случилось, что географически адыги попали в сферу влияния жестокой и темной России, а не таких демократических и просвещенных стран, как Франция и Англия, тем более, что Англия симпатизировала и помогала черкесам. «Вот» — говорят некоторые черкесские общественные деятели — «мы попали под Россию, из-за этого все и произошло, а окажись наши предки в сфере влияния Англии — не было бы никакого геноцида и наступило бы вечное благоденствие и процветание. Не повезло!»

Умозаключения, в которых присутствует слово «Бы», всегда трудно воспринимаются чистой нау-

кой — в истории есть только то, что есть и строить свою позицию на фактах, которые в жизни никогда не случались — нелегко. Но сам такой подход не нов — как говорится, «это только в варварской России человек угнетает человека, а в просвещенных странах все совсем наоборот!»

Давайте уйдем от сослагательного наклонения и не будем гадать, что было бы если б вдруг не Россия первой варварски построила крепость в Моздоке, а Англия, скажем, где-нибудь в Цемезе (нынешнем Новороссийске) и по-демократически. Давайте просто посмотрим как Англия и другие «цивилизованные» страны осуществляют колониальные захваты. XIX век, кстати, в этом плане очень показателен — в нем закончилась эпоха колониальной экспансии и уже к концу этого века в мире практически не осталось территорий, которые бы не принадлежали напрямую группе из нескольких европейских супердержав, не зависели бы от них, либо не содержали в качестве титульного населения выходцев из этих стран.

Начнем с доброй старушки Англии. Страны, давшей миру Шекспира с его стремящимся к правде Гамлетом, Томаса Мора, разработавшего идеи мирового гуманизма, лорда Байрона с его романтическим стремлением к Востоку и т.д.... Так вот список народов, полностью, до конца, до последней капли-капельюшечки истребленных Англией в XVIII — XIX вв. занимает две с половиной страницы! Только индИйских этносов англичане истребили 55. А ведь там еще есть и этносы индЕйские, и африканские, и австралийские. Если адыги сейчас постоянно оперируют словом «осталось» — «на Кавказе осталось 5% коренного населения», как бы подразумевая, что

основную часть не выселили, а убили, то, например, тасманийцы этим словом оперировать не могут, потому что после появления англичан, их вообще не «осталось» — их не депортировали, не давали выбор, не оплачивали им корабли, их не ссылали в малярийные места, не нарезали землю... их просто не «осталось», они кончились.

Индусы, которым, в отличие от адыгов, «повезло» попасть под влияние Англии и на чьей земле англичане строили свои демократические и человеколюбивые крепости, говорят, что англичане устроили там геноцид невообразимых масштабов — только за десять лет, давайте задумаемся, только за десять лет — с 1857г. по 1867г. — в Индии было убито почти 10 миллионов человек. Это больше, чем во времена своих геноцидов погибло армян, евреев, цыган и кампучийцев вместе взятых. Вместе взятых! Еще раз: вместе взятых! И если «геноцидоносная» Россия спасает черкесских аристократов от своего же народа, то цивилизованные англичане целенаправленно и полностью уничтожают всех отпрысков династии великих Моголов, правившей Индией в течение 300 лет, которые хоть как-то могли претендовать на трон.

Причем отличительными чертами английского варианта колонизации было как, против чего как раз и выступают адыги, так и то, что Россия на Кавказе даже не практиковала — апартеид и заключение местного населения в резервации.

Другие цивилизованные страны действуют точно также. В 1903г., когда африканское племя гереро, поднимает восстание в немецких колониях на территории современной Намибии и Ботсваны, немцы особо не раздумают, мир не предлагают, торговать с гереро не

пытаются, алфавит им не изобретают и посевной материал не раздают. Они посылают солдат и выставляют африканцам ультиматум — гереро на этих землях больше не будет — их либо перебьют, либо выселят. После сражения, в котором африканцы терпят поражение, они уходят на британскую территорию, где их помещают в «демократический» концентрационный лагерь. Когда через пять лет — в 1908г. делают перепись населения, оказывается, что во всей Юго-Западной Африке осталось только 15—20% от количества гереро, живших до войны на немецкой территории.

Во второй половине XIX века Конго становится колонией еще одной просвещенной страны — Бельгии. Бельгийская колониальная администрация, по прямому указанию короля Леопольда II организует там жесточайшую потогонную систему. Такой системы больше не было нигде — местное население обкладывалось огромной трудовой повинностью, как правило, по сбору каучука, за невыполнение которой сжигались целые деревни и районы. Зачастую, на весь сезон сбора каучука, бельгийские солдаты и надсмотрщики берут в заложники женщин и детей, при этом, если сборщики не выполняли план, то часть членов их семей попросту убивали. От солдат и надзирателей в качестве доказательства «целевого» расхода патронов требовали представить отрубленные руки. Первыми не выдержали сами бельгийцы — ужасная жестокость обращения с африканцами привела к всенародному возмущению и подданные просто вынудили короля Леопольда продать свои владения бельгийскому государству.

В течении 200 лет — с XVII по середину XIX века территория современной Ганы была подчинена Голландии.

Так вот в 1838 году, местный король Баду Бонсу II сделал большую ошибку — он посчитал, что может вести себя с голландцами, как со своими соплеменниками. Баду Бонсу плохо убивает двоих голландских проповедников и прикрепляет их головы к своему трону в качестве трофеев, ну и вообще, так... для красоты. Провисели они там недолго, а вот голову самого Баду Бонсу II совсем недавно случайно отыскали в запасниках медицинского центра Университета г. Лейден в банке с формальдегидом, куда её 171 год назад, перед отправкой в Амстердам, поместил ни разу не толерантный голландский генерал Ян Вервеер.

Так, что адыгам, сожалеющим, что Черкесии «не повезло с географией» и она не попала под влияние Англии, либо какой-то другой «цивилизованной» страны, возможно, стоит просто почитать учебники истории этих стран и тогда они своей географии просто позавидуют! Идея же о том, что Англия симпатизировала Черкесии, как минимум, по-детски наивна. Англия не симпатизировала Черкесии — она противостояла России и в этом смысле конфликт на Кавказе был ей как нельзя более выгоден потому, что путем посылки дешевых припасов черкесам англичане продлевали сроки Кавказской войны и создавали ситуацию, которая вынуждала русские войска находиться на Кавказе, а не где-то в Средней Азии, либо на Дальнем Востоке, где они неминуемо столкнулись бы с войсками английскими.

В этом отношении интересно взглянуть на Карла Маркса, который, будучи немцем еврейского происхождения, почти половину своей жизни провел в Англии, где написал свой Капитал и где он, кстати, и похоронен. Еще в советское время было принято считать, что

Маркс стоял на прогрессивных позициях — он отвергал колониальную политику царской России, сочувствовал черкесам, считал их борьбу очень важной и ставил их в пример другим народам. Широкое хождение получили фразы Маркса «Народы Европы, учитесь борьбе за свободу и независимость на героических примерах горцев Кавказа» и «Храбрые черкесы опять нанесли ряд поражений русским, народы, учитесь, на что способны люди, желающие оставаться свободными». Их и сейчас можно часто встретить в статьях самых разнообразных авторов о Кавказской войне.

Не хочу утверждать абсолютно точно, но самым поразительным образом существует очень большая вероятность того, что эти фразы являются одной из частей великого мифа о Кавказской войне. Очень возможно, что они — не что иное, как банальная фальсификация и Маркс никогда ничего похожего не говорил. Все авторы, дающие эти высказывания, делают следующую ссылку: «Коммунистический манифест». Примеч. 2-е. М., 1923. К сожалению, мне не удалось найти издание непосредственно 1923 года, но в нескольких других изданиях манифеста, которые я тщательно проверил, нет и намека на подобные фразы. Это в том числе относится и к Полному собранию сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса, вышедшему в Москве в 1955г. Насколько я понимаю, это наиболее полное издание классиков, которое, в том числе скрупулезно приводит все когда-то существовавшие ссылки и исправления текстов, данные обоими авторами, включая примечания Энгельса к изданиям, вышедшим уже после смерти Маркса. В отношении Манифеста в этом издании особо подчеркивается, что оно печатается по тексту немецкого издания

1890г., сверенного с изданиями 1848, 1872 и 1883 гг. Вероятность того, что в нем были пропущены такие фразы равна нулю.

У меня есть три возможных объяснения данному факту: а) Подобное примечание действительно было дано в издании 1923г. и являлось чьей-то «отсебятиной», возникшей в годы послереволюционного бардака, а не фразами Маркса и Энгельса. Естественно, что изо всех последующих изданий оно было убрано. б) Классики действительно писали это, но не в «Коммунистическом манифесте», а в каком-то другом произведении. в) Фразы являются фальсификацией и в действительности Маркс никогда такого не говорил.

Причем, если верным окажется третий вариант, это будет совсем неудивительно — наши авторы, как правило, очень вольно относятся к цитатам, а ссылочный аппарат вообще никто и никогда не проверяет. Это приводит к тому, что наша литература уже наводнена цитатами, искажающими смысл сказанного, а то и вовсе никогда не существовавшими в действительности.

Но, вернемся к нашему Великому Бородачу. Классик коммунизма имел свое, ныне не всегда популярное мнение на колониализм. Он его оправдывал! По мнению Маркса, колониализм был целесообразен и даже необходим, как средство ускорения развития империализма, которое поможет ему быстрее развиваться и, как следствие, быстрее начать отмирать. Из этих же соображений Маркс приветствовал политический раздел мира великими державами. Более того, он полностью, безоговорочно оправдывает и призывает ускорить полное покорение англичанами Индии.

Вот несколько цитат из его статьи «Будущие результаты британского владычества в Индии»: «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии», дальше он пишет «Страна, где существует рознь не только между мусульманами и индусами, но и племя обособлено от племени и каста от касты; общество, весь остов которого покоится на своего рода равновесии, обусловленном всеобщим взаимным отталкиванием и прочно установившейся обособленностью всех его членов,— разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя?»

Сравните это с разобщенностью среди адыгов! Ну и совсем хорош и циничен вот этот кусочек: «Вопрос заключается поэтому не в том, имела ли Англия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы, чтобы Индия завоевана была турками, персами, русскими, а не британцами».¹

Каково? Вот вам и борец за всеобщее счастье!

Кстати, английская интеллигенция поддерживает Маркса в этом вопросе, вот что пишет, например, человек, которого называли Богом английской литературы, веселым певцом доброй Англии, писатель, оставивший нам пронзительную историю Оливера Твиста — мальчика-сироты, попавшего в трущобы Лондона — Чарльз Диккенс: «Жаль, что я не могу стать главнокомандующим в Индии... Я бы объявил им на их собственном языке, что считаю себя назначенным на эту

¹ К. Маркс. «Будущие результаты британского владычества в Индии». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.9.

должность по божьему соизволению и, следовательно, приложу все усилия, чтобы уничтожить этот народ».¹

Я уверен в том, что, если в этих фразах просто заменить слово «Индия» на слово «Черкесия», а Диккенса и Маркса поменять на генерала Иванова и атамана Петрова, то сами фразы тут же станут очередным неопровержимым доказательством геноцида, устроенного бесчеловечной Россией на Западном Кавказе и будут представлены в Европарламенте всё тем же цивилизованным и добрым англичанам, представляющим из себя образец гуманизма и человеческого отношения к людям.

УБЫХИ

Еще одним мифом является трагическая судьба убыхов.

Почему-то в общественное сознание вошел факт, что русские войска уничтожили всех убыхов. Причем, даже если кто-то знает, что их никто не убивал и они были депортированы, то все равно считает Российскую империю виновной в их смерти. По какой-то иронии судьбы, приводить в пример убыхов стало «модно» у современных грузин. Разговаривая с абхазами и черкесами, они любят вернуть что-нибудь, типа «вот, мол, если уйдете от грузин и будете жить с русскими, то они с вами сделают то, что сделали с убыхами». Ну и, конечно же, к убыхскому вопросу привлекает внимание интересная и печальная книга абхазского советского писателя Баграта Шинкубы «Последний из ушедших», где он описал свою встречу

¹ Amaresh Misra «War Of Civilisations: India, 1857» Rupa, 2008, New Delhi.

в конце 1960-х — начале 1970-х гг. с последним человеком, являвшимся носителем убыхского языка.

Для тех, кто не знаком с исторической канвой скажу: убыхи — это адыгский народ, который в результате Кавказской войны и депортации к нашему времени полностью исчез. То есть, до Кавказской войны их было около 80 тыс. человек, а в 1970-х гг. Баграт Шинкуба уже разговаривал с последним из них.

Это трагично, это печально, это достойно памяти и всяческого сожаления. Почему же так произошло?

Это непростой разговор. И он гораздо глубже, чем это представляется многим из тех, кто полощет это имя всуе, не желая вникать в ситуацию.

Начнем с того, что убыхи не были обычным, рядовым адыгским племенем — они были не похожи на шапсугов, махошевцев или других. Они сильно и чуть ли не во всем отличались от остальных черкесских племен. Здесь налицо исторический парадокс, о котором почему-то никто не говорит: народ, который любят приводить в качестве абсолютной жертвы Кавказской войны и народ, в результате Кавказской войны исчезнувший полностью... ну... продолжайте сами... от этой войны пострадал меньше всех! От Кавказской войны убыхи пострадали меньше всех остальных черкесских народностей! По её итогам они оказались в невероятно более благоприятном положении, чем другие черкесские этносы!

Эта народность проживала на территории примерно между современными Лазаревским и Адлером, граница с абхазами. Когда от карательных операций русских начали гореть кабардинские аулы, у убыхов было еще около 100 лет относительно спокойной жизни. Если тот же, бжедугский аул Энем горел несколько раз, то

у убыхов таких аулов не было. За исключением 2—3 небольших операций, предпринятых русскими с территории Абхазии и нескольких приморских крепостей, нога российского солдата вступила на землю Убыхии только в 1864г. — произошло одно столкновение совсем среднего характера и война сразу же прекратилась.

Убыхи — это единственная черкесская народность, которая сохранила организацию, порядок и управляемость до самого конца и даже после поражения, капитуляции и изъявления покорности. В 1864г. черкесская знать сумела сагитировать народ на выселение, но в значительной мере потеряла управление людьми, что в огромной степени вызвало анархичное, беспорядочное и неуправляемое бегство адыгов к Черноморским портам для отъезда в Турцию, во многом обусловило трагедию 1864г. и многотысячные потери адыгов в ходе депортации. Ничего этого убыхи не знали. Они были единственными, кто сохранил порядок, смог сам организовать аренду кораблей и, повинаясь воле своих легендарных руководителей, организованно и в полном порядке в течении двух недель выселился в Турцию. При депортации убыхи не потеряли ни одного человека!

Убыхи — это единственная адыгская народность, которая эмигрировала в Турцию практически в полном составе. Их ушло 74,5 тыс. человек. Нам известно где их всех поселили, в какие деревни, рядом с кем и кто ими командовал. На родине остались только несколько десятков человек.

И вот он исторический вопрос — как в такой ситуации, когда народность находится в самом благоприятном положении по результатам Кавказской войны в отношении к остальным, когда они не теряют тысячи людей от голода и болезней на берегу моря во время

ожидания кораблей, когда они переселяются вообще всем народом... как же так получилось, что они вообще исчезли, а другие народности остались?

Убыхи были обречены на ассимиляцию! Они не могли не уйти и не могли не исчезнуть.

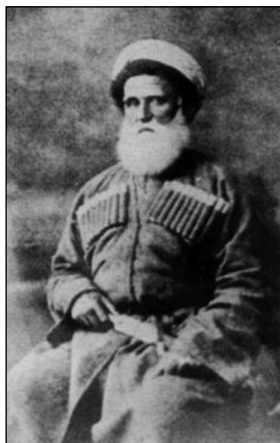
Убыхи были обречены. Я удивлен почему этого никто не видит. Другого варианта эмиграция в Турцию, по крайней мере, в том виде, в котором она была сделана, им не предоставляла.

Во-первых, убыхи не могли не уйти. Я несколько раз сталкивался с высказываниями, мол «не высели Россия убыхов, не уйди они за море, не эмигрируй они — было бы сейчас в районе Краснодара или Усть-Лабинска 10—15 убыхских аулов, жил бы убыхский язык и никто бы не исчез». Пустые словопрения и ничего кроме! Убыхи более чем кто-либо еще должны были уйти. В сложившихся условиях Кавказа, как мы знаем, одной из трех основных причин добровольно-принудительного переселения были агитация и прямые приказы черкесской знати, которая рассчитывала посредством ухода в Турцию сохранить своих рабов и невольников — это обещали черкесам турки и не обещали русские. Тот же самый вопрос рабовладения, от которого сейчас всеми силами отворачиваются черкесские этнопатриоты и который, без всякого сомнения, сыграл огромнейшую роль в катастрофе адыгов в Кавказской войне!

Так вот, количество рабов из расчета на душу населения у убыхов было в несколько раз больше, чем у любого другого адыгского племени. В «Очерках истории Адыгейи», в частности, говорится, что «в среднем на 10 свободных шапсугов приходился 1 раб, у абадзехов — 2,

у убыхов — 3.». Там же дается ссылка на Белля, по утверждению которого в род Берзека — высший и знатнейший род Убыхии, из которого были все последние лидеры этой народности — «входило до 400 знатных семейств, из которых каждое в отдельности имело от 5 до 20 рабов».¹

То есть, побудительные мотивы к эмиграции, у убыхов были сильнее, чем у кого-либо еще. Но... помните фильм «Кавказская пленница»? «Как говорит мой дед, имею желание жениться, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания»... Если у бжедуг в 1873г. было желание эмигрировать, но уже не было возможности и поэтому они остаются, то у убыхов были и желание, и возможность. Причем, возможность в тот момент у них была бОльшая, чем у остальных племен именно потому, что они сохранили организацию и повиновение лидерам.

*Хаджи Керентук
Берзек*

Теперь сведем все это вместе: народ, который дольше чем другие сопротивлялся русским; народ, который сохранил свою организацию, порядок и повиновение знати; народ, знать которого имела в 2—3 раза больше рабов по сравнению с другими родственными этносами,

¹ Люлье Л.Я. «Черкесия.» Историко-этнографические статьи. — Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. "Возрождение", 1990

и, следовательно, в 2—3 раза сильнее должна была хотеть их сохранить; народ, который мог самостоятельно найти и оплатить свой переезд в Турцию в полном составе... Что это нам дает? Они не могли остаться!

Ситуация сложилась так, что в коротком периоде убыхи оказывались в намного более выигрышной ситуации, чем другие адыги. Но выигрыш в коротком периоде неминуемо вел их к оглушительному проигрышу в длинном! Приняв решение на уход, убыхи тем самым подписали себе приговор, как отдельному этносу!

Причина этого заключается в том, что их основное отличие от других адыгских племен было не в организации, не в степени военных потерь и в количестве рабов. Убыхи были вообще другими. Иными! Они имели пограничную национальную идентичность между адыгами и абхазами и были связующим звеном между двумя ветвями адыго-абхазской группы. Место проживания убыхов — на границе между адыгскими народами и родственными им абхазами — определило социальную, этнографическую функцию, которую они исполняли в адыго-абхазском мире. Не совсем похожие на адыгов, но и не абхазы, они служили связующим звеном между адыгскими народностями и абхазами, были соединительной цепочкой между двумя ветвями одной этнической группы, в некотором роде «пере-адыгами и недо-абхазами». Подтверждением этому, кстати, был и исчезнувший ныне убыхский язык, мало похожий как на адыгские диалекты, так и непосредственно на абхазский, некоторыми лингвистами он считается переходным звеном между этими языками. Среди десятка черкесских наречий убыхский язык был единственным, который другие адыги не понимали.

Объединительная, связующая функция — очень важный и нужный элемент национального единства. Проблема в другом — она могла являться таковой только в условиях традиционного общества, традиционных устоев и традиционного расселения народов адыго-абхазской группы на Кавказе, с уходом же убыхов в Турцию она полностью исчезает! В самом деле, как убыхи могли объединять адыгов и абхазов, не живущих компактно бок к боку, а расселенных турками на огромной площади, в сотнях деревень от Греции и Сербии и до самой персидской границы!

Давайте для наглядности приведем такой пример: у нас есть болт, гайка и шайба. Адыго-абхазское общество. Все вместе они образуют единый крепёжный элемент, в котором убыхи — это шайба, находящаяся между болтом — абхазами — и гайкой — адыгами. Шайба несет крайне важную функцию — она увеличивает площадь нажима на крепящуюся поверхность, как бы «пружинит», не давая гайке соскочить с резьбы и таким образом усиливает весь элемент. Но давайте разведем две части: снимем гайку и положим её на диван, уберем болт и поместим его на шкаф — и необходимость в шайбе исчезнет! Вне общей системы она сама будет не нужна!

На самом деле, если быть до конца точными, узкая специализация убыхов начала отмирать еще раньше — с крушением турецко-крымского замкнутого мирка и с открытием Западного Кавказа миру. Постепенно складывалась ситуация, когда еще там на Кавказе убыхский народ должен был делать выбор между собственной принадлежностью либо к черкесам, либо к абхазам. Об обреченности такой пограничной ситуации для убыхов

говорит, в частности, Л.Я. Люлье, известный этнограф, лингвист, в совершенстве знавший черкесский язык и составивший в 1820-х гг. первый адыгский алфавит на основе кириллицы (акт страшного геноцида, кстати!): «Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхасским. Со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского.»¹ И если такие процессы шли уже на Кавказе, то в условиях перехода в Турцию, они многократно обострились. Это необходимо было осознать уже тогда, до принятия решения на уход в Турцию, но трагедия убыхов была еще и в том, что для понимания этого им были нужны интеллигенты, а у них были только рабы!

Так что, если бы даже не случилось никакой Кавказской войны, то, скорее всего, с течением времени и со все большей открытостью Причерноморья миру, убыхи все равно бы ассимилировались, влившись либо в один, либо в другой родственный народ. Но у капризной Мадам Истории есть только то, что есть и поэтому надо говорить о реалиях, а не о выдумках!

Будучи важной и почетной на Кавказе, убыхская уникальность сыграла с ними злую шутку в Турции — убыхи не могли её поддерживать. Исчезал важный элемент самоидентификации народа, который убыхи не могли восполнить в черкесском этносе. Адыгов — не-убыхов было намного больше — в Турцию их переселилось сотни тысяч (только на Голанских высотах было два десятка адыгских деревень) и из-за общности языка на чужбине они могли чувствовать свое единство

¹ Люлье Л.Я. «Черкесия.» Историко-этнографические статьи. — Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. "Возрождение", 1990

и поддерживать свою «черкесскость». Убыхов же было всего 73 тысячи, расселены они были в нескольких достаточно удаленных друг от друга деревнях и общение с остальными черкесами было затруднено из-за разности их языков. В таких условиях должна была состояться новая национальная самоидентификация — убыхи должны были определиться кем они хотят быть в новых условиях — адыгами или турками.

Это абсолютно нормальный процесс, проходящий в сходных условиях во всех нациях без исключения. Вспомним как известный французский историк, писатель и филолог Эрнст Ренан говорил о постоянно идущем процессе самоидентификации любой нации: «Нация — это ежедневный плебисцит».

Наверняка, кто-то выбрал быть турком, кто-то адыгом. Их никто не убивал, как это зачастую преподносят — просто их кровь теперь в черкесах и турках.

ВЫСЕЛЕНИЕ АДЫГОВ

Здесь мы подходим к вопросу о выселении адыгов. Это очень тяжелая тема, которую я оставил напоследок.

Выселение было, без сомнения, самой страшной катастрофой, постигшей черкесов за все время существования адыгского этноса. Именно во время выселения черкесы понесли самые большие потери за весь период столетней Кавказской войны, а ужасы и страдания переселенцев были таковы, что и теперь не могут никого оставить равнодушным.

Тема выселения очень широко (что совершенно правильно!) освещается кавказской историографией — именно депортация, на мой взгляд, является основным аргументом сторонников теории о геноциде и именно

о ней, как правило, говорят в первую очередь, когда речь заходит о Кавказской войне. В качестве главных доказательств того, что депортация являлась геноцидом, сторонники этой теории обычно используют два типа аргументов — высказывания царских генералов, в которых они говорят о необходимости высылки черкесов и описания невыносимых страданий, которые испытывали адыги-переселенцы на черноморском берегу, в ожидании судов.

Вот примеры подобных высказываний:

«Горцы потерпели страшное бедствие, потому что иначе и быть не могло. Они отказались от милостивых предложений, сделанных им лично Государем Императором, и гордо приняли вызов на войну. Никакие договоры с тех пор уже не были возможны, да и не с кем было их заключать при царившей у них безлاديце. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою, но еще больше инерцией массы: они встречали наши удары с каким-то бесчувствием; как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал убивая, так и народ после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах.

Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покориться. Надобно было истребить горцев наполовину, чтоб заставить другую половину положить оружие, но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины и дети.

Когда горцы столпились на берегу для отправления в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах множество людей разбежалось по лесу в одиночку; другие забивались в такие места, где и нога человека прежде не бывала. Летучие отряды находили людей, совсем одичавших от долгого одиночества. Разумеется, такие особняки большею частью гибли; но что было делать? Позволяю себе повторить несколько слов графа Евдокимова по этому поводу. Он сказал мне раз: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отвратить это бедствие?»¹

«Никогда не забуду и того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 000 человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между ними эпидемия тифа и оспы, делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось б при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью в то время, как другой искал утоления голода у груди уже околевшего трупа матери».²

¹ Фадеев Р.А. «Письма с Кавказа редактору газеты "Московские ведомости"». СПб. 1865

² Ад.П. Берже. «Выселение Черкесов с Кавказа». Тифлис. 1881

Это тяжелые свидетельства. И правдивые. Их ни в коем случае нельзя скрывать, либо замалчивать — в первую очередь история должна быть правдивой и объективной.

Но вопрос в том, что это только ЧАСТЬ правды. Это лишь часть той большой картины прошлого, состоящей из множества различных фактов и событий, которые в конечном итоге и привели черкесов к такому страшному поражению и огромным страданиям. Это всего лишь отдельные частички той большой правды, которую современная западнокавказская историческая наука должна сказать своему народу. Должна. Но не говорит. Давайте же восполним эту картину и расскажем, что было в действительности.

Вопрос о том, что делать с побежденными адыгами начинает обсуждаться русским командованием уже с 1857г. Год, как закончилась Крымская война, еще не сдался и еще не побежден Шамиль, еще не принесли присягу не только черкесы, живущие в горах, но и многие «равнинные» народности, на Западном Кавказе еще не собрана огромная армия, а русские генералы уже рассуждают что делать с побежденными черкесами. Между Петербургом, Тифлисом, Екатеринодаром, другими городами идет активная переписка. В нее вовлечены наместник царя на Кавказе князь Барятинский, генералы Филиппсон, Милютин, князь Орбелиани, Коцебу и др. Создается особый комитет для решения этого вопроса, обсуждаются разные проекты, но вскоре стороны сходятся на том, что будущее народов Западного Кавказа должно быть отлично от того будущего, что скоро придет к народам Кавказа Восточного. Если чеченцев и дагестанцев предполагалось оставить в местах своего

традиционного проживания, то адыгов нужно было частично выселить, а частично оставить. Как писал Милютин в своем «Плане покорения Северо-западного Кавказа», представленном Александру II, «завоевание края», т. е. Кавказа, «производится одним из двух способов — или покорением местных жителей с оставлением их на занимаемых землях, или отнятием у жителей земель и водворением на них победителей».¹ Причин такой разницы в подходах было несколько. Можно назвать по крайней мере четыре:

1. Милютин указывал на крайнюю разрозненность и разрозненность черкесских племен, их «тысячелетнюю привычку к безначалию, вольности и легкомысленной подвижности». По его мысли, эти «черты» черкесов не позволяли надеяться, чтобы их когда-нибудь было возможно подчинить «правильному устройству и законным властям». Барятинский пишет «Между народами восточной и западной половины Кавказа есть огромная разница... В Дагестане мы нашли уже глубоко вкорененные начала гражданственности и привычку к повиновению властям, даже к самовольному тяжкому игу». Скорее всего, здесь Барятинский имеет ввиду основы государственности, заложенные Шамилем. Далее он пишет «На Западе, — напротив того, народы раздроблены на мелкие общины или семейные союзы, не управляемые никакими властями, не имеющие между собою никакой связи гражданской. Племена эти издревле привыкли к необузданной свободе». «Бесчисленные участки и 100 дворов представляют столько же маленьких республик, не признающих над собою никакой власти»,

¹ «Акты Кавказской археографической комиссии». АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 762.

пишет один человек, относительно долгое время живший в Черкесии, личность которого мы раскроем чуть позже, это является «причиной, почему страна не может прийти к благоустройству и почему русское правительство не может полагаться» на присяги черкесских старшин».

2. С раздробленностью была связана еще одна причина — черкесы находились в том состоянии, которое сейчас современные дипломаты называют «недоговороспособностью» — с ними нельзя было ни о чем договориться. В условиях отсутствия единой власти, черкесы были разделены на несколько народов, внутри которых тоже было множество групп влияния, концентрировавшихся вокруг мини-центров силы. Единого подчинения не было, интересы этих центров не совпадали, они враждовали между собой, российское командование могло договариваться о мире с одной группой абадзехов, выдающих себя за представителей всего народа, а в этот самый момент другая группа абадзехов, никак не соотносившаяся с первой, могла нанести удар.

Практически вся предыдущая практика договоров между русским командованием и «горными» адыгами — абадзехами, шапсугами, натухайцами, убыхами и рядом мелких племен была негативной — будучи поставленными в безвыходное военное положение во время русских экспедиций в горы, они с легкостью шли на заключение мира, клялись в вечной покорности и забывали об этом как только войска уходили.

Вот как комментирует эту ситуацию генерал Карцов: «До 1860 года цель наших действий на Кавказе состояла в том, чтобы экспедиции, предпринимавшиеся в места, занятые горцами, наносить им возможно частые

поражения и, убедить их в превосходстве наших сил, заставить изъявить покорность. Результатом этих экспедиций было то, что ближайшие к нам общества, жившие на равнинах, то покорялись, то снова восставали и постоянно нас грабили, сваливая вину на соседей, живших выше их, в горах. В минувшую (Крымскую) войну все общества, бывшие покорными, одновременно восстали и пришлось снова покорять их.»¹

С горцами нельзя было договориться! В этом отношении показательно, что и женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне Гушаней, дочери князя Темрюка, с заключением военного союза между Русью и Кабардой, (то, что сейчас официально называется Добровольным вхождением) была одним из таких примеров «недоговороспособности» — после смерти Темрюка, власть в Кабарде заняли другие князья, имевшие совсем другие интересы и ни о каком союзе с Москвой речь уже не шла.

3. Несколько основных, еще не покоренных адыгских племен располагались на территории, которая была идеально приспособлена для ведения партизанской войны, в которой так преуспели черкесы — горы и густые леса могли всегда скрыть небольшой черкесский отряд и если ситуацию еще можно было как-то контролировать, имея в горах значительное количество войск, то после грядущей победы и вывода войска, можно было быть уверенным в том, что набеги продолжатся.

4. В отличие от чеченцев, значительная часть адыгов, которых намеревались выселить, жила непосредственно на морском побережье. Этот факт определял относительную легкость их поддержки враждебными Россией

¹ Ад.П. Берже. «Выселение Черкесов с Кавказа». Тифлис. 1881

государствами, что, кстати, и стало одной из причин затягивания Кавказской войны и выставлял черкесов в абсолютно другом свете, нежели чеченцев и дагестанцев. В то время в России считали, что Крымская война не сняла все противоречия между великими державами, что скоро обязательно начнется новая война и причерноморские адыги неминуемо станут опять инструментом воздействия на нее, а значит южные морские границы было необходимо обезопасить. Как писал Милютин, «эта часть Кавказа представляет обширное поле для тайных политических происков европейских наших врагов, которые всегда будут подстрекать легкомысленных черкесов к бесконечной борьбе с нами и, в случае открытой войны, каждая враждебная нам держава найдет на восточном берегу Черного моря усердных союзников». Это же подтверждал и Карцов, говоря, что «первый выстрел на Черном море и даже какое-нибудь вымышленное письмо султана или прибытие самозванца паши снова могло бы возбудить войну.»

Кстати, о необходимости депортации адыгов пишет полковник Теофил Лапинский — очень яркий человек, легенда Кавказской войны, польский авантюрист, «кондотьер без твердых политических убеждений», как называл его Герцен, который во второй половине 1850-х гг., собрав на английские деньги команду из почти 300 европейцев, приезжает в Черкесию, воюет против российской армии и пытается реорганизовать черкесские формирования по европейским канонам. Для нынешних адыгских ультрапатриотов он выступает в роли некоего символа поддержки черкесов той Европой и солидарности европейских стран с адыгами. Его высоко чтут, считают патриотом, борцом за свободу Черкесии, который

узнав о несправедливости, бросил все и отправился далеко на Кавказ воевать, как говорится, «за нашу и Вашу свободу». Вокруг его имени образовалось немало мифов, некоторые, причем, довольно образованные адыги считают, что у Лапинского был отряд не в три сотни человек, как это было на самом деле, и не в 4 тыс., как он планировал, но не смог собрать, а не много ни мало — в 20 тыс. европейцев, приехавших в Черкесию из чувства солидарности с черкесами и для помощи им. Несколько раз мне приходилось встречаться со стремлением людей поставить Лапинскому памятник!

На самом деле, пример Лапинского является ярким, просто книжным случаем оболванивания адыгов собственной элитой от истории. Они дают народу только часть правды, тщательно скрывая другую, что приводит к героизации и чуть ли не обожествлению этого, впрочем, действительно весьма незаурядного человека.

Провоевав два года вместе с адыгами против русских, в 1859г. этот международный авантюрист возвращается в Европу и... предлагает свои услуги русскому командованию, но теперь уже в борьбе против черкесов. Лапинский заявляет, что русское правительство может считать себя «счастливым», что Англия, Франция и Турция недооценили в Крымской войне значение Черкесии. Но «кто может ручаться, что в случае новой войны ошибка эта снова не повторится?» «Поэтому, Россия должна во что бы то ни стало покорить земли шапсугов и убыхов, ежели она желает спокойно владеть кавказскими провинциями».

Лапинский предлагает оставить пока абадзехов в покое и самым решительным образом завоевать шапсугов с убыхами и «изгнать» их из Черкесии. По его мнению,

«с убыхами же и шапсугами мир ни к чему не поведет» и нужно во что бы то ни стало «изгнать их из прибрежной полосы Черного моря». Основываясь на своем знании Черкесии изнутри, Лапинский советует сжигать аулы, усилить морскую блокаду и вообще вести намного более жесткую, если не жестокую политику — «с таким народом сила ведет ко всему, строгость ко многому, а снисхождение к отрицательному результату».¹ Кстати, это его слова я приводил несколькими абзацами выше говоря о «недоговороспособности» адыгов.

Интересно, что было бы, если бы памятник все же поставили, а потом вскрылась информация о его попытках перейти на русскую сторону и воевать против вчерашних товарищей!

Но вернемся к нашей теме. Хочу отметить особо: ни в одном из планов речь об уничтожении всех черкесов не шла. Более того, одной из существеннейших причин и целей высылки черкесов генералы считали... сохранение адыгам жизни. В переписке немало говорится о том, что оставшиеся племена являются самыми непримиримыми и будут воевать до конца, следовательно, чтобы не уничтожать их, необходимо не доводить их до отчаяния, а дать им возможность выбора и ухода с Кавказа.

Члены Особого комитета понимают, что предложенное решение жестоко и приводят в пример как раз колонизацию европейцами Америки, которая вылилась в «истребление почти всех первобытных там жителей», говоря, что такого исхода нужно избежать. Эта мысль всячески и постоянно подчеркивается генералами и также всячески и постоянно вымарывается адыгскими

¹ «Акты Кавказской археографической комиссии». АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С.848.

историками, которые выбирают из переписки только то, что может хоть как-то подчеркнуть саму жестокость происходящего.

Так, Александр II требует, «чтобы это развитие (русского населения в Закубанском крае — А.Е.) было соразмерно с поземельным довольствием, которое можно доставить вновь водворяемым казакам без крайнего стеснения туземцев», Д.А. Милютин несколько раз пишет, что «наши обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже враждебных к нам племен»¹, в какой-то момент даже созревает ссора — Барятинский посчитал себя оскорбленным тем, что члены Комитета, по его мнению, выставили его предложения так, как будто он «предлагает систему действий для покорения кавказских горских племен, основанную на истреблении всего туземного населения».² Он пишет, что ему «приписывают» «бесчеловечное намерение» и по этой причине даже не считает нужным оправдываться.

Представляете себе геноцид, который совершается не из-за стремления уничтожить народ, а для того, чтобы он выжил!

Это очень важный момент, который дает нам понимание того, почему произошло то, что произошло. Никто не хотел уничтожить адыгов как народ. Предполагалось организовано переселить три племени — абадзехов, шапсугов и убыхов на равнину, для чего на левобережье Кубани выделялось 864 тыс. десятин земли и, кроме

¹ «Акты Кавказской археографической комиссии». АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С.763.

² Там же. С.779.

этого, для этих же целей в районе Пятигорья выделялось 409 тыс. десятин.¹ Эти земли держали свободными и казаков туда не заселяли. Натухаевцев, которые тоже жили у моря, но в основном на безлесной холмистой равнине и которые показали себя гораздо более лояльными к России, предполагалось не выселять куда-то далеко, а собрать в одном месте где-то между нынешними Анапой и Новороссийском и учредить отдельный «Натухайский округ» под началом генерал-майора. К новому округу должны были отойти более 100 тыс. десятин земли.²

Это были лучшие, самые плодородные земли, которые нисколько не уступали тем, которые нарезались казакам и были лучше земель, которые адыги имели в горах. Кроме этого, российское правительство подсчитало, что в условиях горно-лесистой местности, средний надел у адыгов составлял около 1 десятины на душу и рассчитало выделяемые земли так, чтобы на равнине на душу приходилось минимум 3—4 десятины, а в среднем 7 десятин с тем, чтобы на семью было выделено как минимум 20 десятин. При таком подсчете, с учетом уже имеющих в степной части Кубани аулов, земли которых не принимались во внимание при расчете, на Кубани и Ставрополье можно было разместить как минимум 350 — 400 тыс. черкесов.

Вот, что пишет на этот счет генерал Фадеев: «не было никакой надобности гнать горцев в Турцию. У нас было довольно места для них, во-первых, в миллионе десятин

¹ «Акты Кавказской археографической комиссии». АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С.983.

² Там же. С.833.

по левому берегу Кубани, отведенных исключительно для этого назначения; во-вторых, в 300 000 десятин хороших земель, оставшихся в Пятигорском уезде за выселением части кочевых ногайцев в Турцию еще в 1860г.; в-третьих, в казачьих землях, покинутых населением, передвинутым на передовые линии. Все количество земель, которое правительство располагало по соседству для помещения горцев, можно считать в 1 500 000 десятин.»¹

Кроме этого, в качестве вспомогательной меры открывалась граница с Турцией и правительство рассчитывало, что часть народа — наиболее непримиримые — переселятся туда. Подчеркиваю, это очень важно для всего последующего понимания ситуации, переселение части адыгов в Турцию считалось дополнительной, вспомогательной мерой, рассчитанной на относительно небольшую часть людей.

Вот, что пишет граф Евдокимов: «Переселение непокорных горцев в Турцию без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок, без большого напряжения с нашей стороны; но, во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру, как на вспомогательное средство покорения западного Кавказа, которая даст возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству.»²

Здесь давайте на мгновение остановимся и взглянем на ситуацию издалека. XIX век. Заканчивается

¹ Фадеев Р.А. «Письма с Кавказа редактору газеты "Московские ведомости"». СПб. 1865

² Ад.П. Берже. «Выселение Черкесов с Кавказа». Тифлис. 1881

100-летняя трудная колониальная война, отнявшая у России много жизней, сил и средств. Непримируемые враги, коими тогда для Санкт-Петербурга являлись горные черкесы, еще не повержены, но конец их сопротивления уже виден и сомнения не вызывает. Вражеская крепость, на осаду которой потрачено множество жизней и времени вот-вот падет... Что делает Александр II, который, судя по обращению в Европарламент стремился к геноциду всех адыгов? И что в той же ситуации и в то же время делают другие государи и полководцы?

В 1799г., французские войска в ходе Египетского похода овладевают турецкой крепостью Яффа в Палестине. 3 тыс. янычаров, сдавшихся им, расстреливают по личному приказу Наполеона.

В том же — 1799г. англичане берут штурмом столицу индийского княжества Майсур, город Серингапатам. По приказу командующего английской армией генерала Артура Уэсли — будущего герцога Веллингтона и будущего победителя Наполеона в великой «Битве Народов» при Ватерлоо — около 30 тыс. защитников Майсура, попавших в плен убивают.

В 1809г. наполеоновские войска штурмом после длительной осады берут Сарагосу. После взятия города 30 тыс. жителей и 20 тыс. солдат безжалостно убивают.

Что же делает Александр II — этот палач адыгского народа, уничтожавший всех его представителей по национальному признаку? Он дает адыгам выбор — переселиться на равнину, где им будет предоставлена едва ли не лучшая в Европе земля и все права российского гражданства или уйти к союзникам, которые много

десятилетий поддерживали адыгов, звали их к себе, обещали помощь.

Это был великолепный, просто лучший и самый гуманный выбор из всех, которые государство-колонизатор того времени давало побежденному местному народу. Подчеркиваю, лучший и наиболее гуманный выбор из всех, имевшихся в истории того времени! Я знаю, что эти мои слова станут объектом критики немалой части адыгов. Но так было! Ну не давали немцы побежденным племенам гереро права выбора — уход к союзникам, либо переселение в Германию с получением там немецкого гражданства и наделов в 3 раза больше, чем они имели в Африке! И американцы не давали индейцам, и бельгийцы — неграм. Подобных примеров в истории того времени просто нет. Не существует.

Более того, сами адыги того времени не давали столь великодушного выбора своим проигравшим врагам! Как правило, судьба проигравших врагов в адыгской среде складывалась просто — смерть или рабство. Тот же князь Канчокин, просивший Екатерину II построить Моздок, делал это именно потому, что ему грозила смерть. Никто не давал ему выбора, мол, дорогой, ты давай или уезжай к русским и мы тебе с этим поможем, или переезжай в Большую Кабарду и мы тебе там устроим твою землю.

В результате черкесы выбрали уход к союзникам — это было их право, их выбор, который нужно уважать, но и отвечать за который тоже надо. Те, кто хотел — остался, кто хотел — ушел.

Для реализации этого варианта на переговоры с турками российское правительство посылает мало кому тогда известного генерал-майора Лорис-Меликова,

начальника Абхазской линии — того самого, который в 1851г. в чине ротмистра допрашивал знаменитого абрека Хаджи Мурата и который много позже войдет в историю как один из самых известных министров внутренних дел России. Переговоры прошли успешно, кажется, ничего не предвещало беды... И тут с поистине убийственной силой в действие вступают два оставшихся фактора — интересы Турции и интересы черкесской знати.

Турция была крайне заинтересована в переезде значительной массы адыгов. Ослабленная и наполовину разоренная, к середине XIX века она уже мало была похожа на ту Блистательную Порту, которой некогда была. Её отдаленные провинции в арабских, славянских, армянских и греческих землях то и дело восставали и грозили отделиться. С одной стороны, внезапное появление в турецких землях большого количества умелых бойцов-черкесов, лояльных Турции, давало ей надежду успокоить ситуацию именно там — в провинциях. Турки решают использовать черкесов как некий аналог российского казачества — расселить их компактно по границам империи в её беспокойных окраинах.

С другой, в течении многих десятилетий подстрекая адыгов на борьбу против русских, а значит и на защиту турецких интересов, Турция обещала адыгам, что не бросит их в случае катастрофического развития событий и вот теперь, когда катастрофа наступила, она просто обязана была свое обещание исполнить.

Адыги в массе своей слепо верили подобным обещаниям. Обещания умело подогревались мифами об общности турок и черкесов, об их единой судьбе, о братстве, о многовековых отношениях и т.д.

Сторонники переселения муссировали слухи о том, что «черкесская кровь течет в венах султана. Его мать, его гарем — черкесские, его рабы — черкесы, его министры и генералы — черкесы. Он глава нашей веры, а также расы».¹

Делегация черкесов, приехавшая к турецкому султану

Другой стороной конфликта, внесшей огромнейшую роль в выселение адыгов стала черкесская знать.

Эта тема тоже всячески скрывается и тщательно ретушируется в современной черкесской исторической науке, возлагающей львиную долю ответственности за катастрофу выселения 1800-х гг. и за разделение народа на русских, мельком упоминающую, что, мол, турки тоже не были идеалом и полностью закрывающей глаза на вину в этой трагедии самих адыгов, в частности, их элиты.

¹ С.Н. Бейтуганов. «История кабардинских фамилий». Нальчик. 2007

Еще раз повторяю: роль адыгской элиты в принятии решения на уход черкесских народов с Кавказа и на катастрофу последних лет войны ОГРОМНА! Если для простого крестьянина, занятого работой на своем участке, его переход под российскую юрисдикцию был не настолько критичен и даже с учетом его переселения на Кубань, не изменял его повседневную крестьянскую жизнь сверх-принципиальным образом, то для зажиточной и властвующей элиты окончательное покорение Россией Кавказа полностью, самым коренным образом меняло всю систему её взаимоотношений с внешним и внутренним миром и подтачивало сами основы их богатства и влияния.

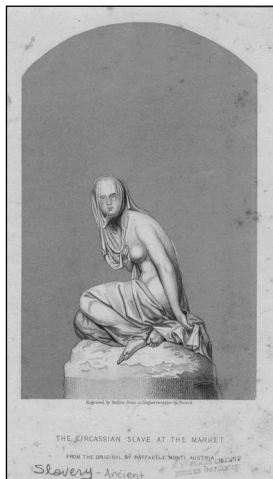
Во-первых и в самой значительной степени речь опять идет о рабовладении — о зависимых крестьянах, о рабах, о «пленопродавстве». Хочу уточнить, говоря о рабовладении в Черкесии, я не пытаюсь каким-то образом обвинить адыгов или оправдать саму Кавказскую войну. Нет, конечно! Рабовладение было естественным этапом в жизни черкесского народа, абсолютно таким же периодом, через которые прошли и другие народы, в том числе и русский. И в этом отношении лидер черкесов Сефер-бей Зан, имевший 300 зависимых крестьян и бабушка Лермонтова — Елизавета Алексеевна Арсеньева, происходившая из знатного рода Столыпиных и имевшая 400 крепостных, абсолютно равны. Но вопрос в том, что именно рабовладение было тем огромным, сверх-влияющим и практически все определяющим фактором, с оглядкой на который и в интересах которого адыги, их власть имущие принимали все самые серьезные решения в Кавказской войне, определившие

их оглушительное поражение и трагедию выселения!
Я не понимаю, как это можно не видеть!

Посмотрите сами: адыгская военная тактика и структура военных формирований определяются с прицелом на главную задачу — быстрый рейд в тыл неприятеля и захват пленников — из-за этого черкесы безвариантно проигрывают военные действия регулярным войскам, имевшим полновидовую структуру войск и использующим все возможные типы операций. Кавказская война начинается со строительства крепости Моздок — адыги недовольны не столько самой крепостью и не военной опасностью от неё исходящей, сколько тем, что под её защиту в массовом порядке бегут рабы, чего кабардинские князья допустить не могли. Адыгские дворяне и знать совершенно разных народностей во время войны вступают в переговоры с российской администрацией и стремятся целиком перейти на русскую сторону, если Россия позволит оставить в их собственности, в их зависимости рабов. Если бы так случилось, то весь ход, вся история войны между «русскими и кавказцами» была совсем иной. Но Россия не может этого позволить, т.к. она сама вот-вот отменит крепостное право и противостояние продолжается... Таких примеров море — бери и сравнивай!

Освобождение зависимых крестьян явилось бы для знати подрывом самой основы её экономического благополучия. И если в России все крепостные получили свободу по реформе 1861г., то в Турции крепостное право сохраняется и знать получает заверения от турок в сохранении их прав на зависимых крестьян и рабов.

Кроме этого, существовала еще одна причина, по которой адыгская элита покоренных народностей того времени не стремилась в Россию. Дело в том, что за долгие годы совместного пограничного сосуществования между российской администрацией и лидерами адыгов сложилась непростая система взаимоотношений, которая совсем не была похожа на то, что нам сейчас выдается в псевдопатриотической картинке «тотальное истребление по национальному признаку — священная война». Лидеры черкесских народов, как и любых других народов, зажатые между двумя могучими империями и пытающиеся вести свою собственную политику, долгое время умело лавировали между турками, русскими, англичанами и своими соплеменниками, получая всяческие блага в обмен на видимую лояльность и выступления — не выступления против другой стороны. Причем, эти блага могли быть для них очень существенными и даже жизненно важными, например, военная поддержка, денежная и экономическая помощь, увеличение влияния среди других адыгских племен и т.д. Собственно говоря, действия тогдашних адыгских лидеров ничем не отличались от того, как известный нам Батяка Лукашенко

Скульптура «Черкесская рабыня на рынке в Константинополе».

Автор - Рафаэль Монти, 1850 г. Музей Wallace в Лондоне, Великобритания.

мечется сейчас между Европой и Россией или Польша — между Европой и США.

Теперь же, с однозначным переходом адыгских территорий под юрисдикцию России лавировать, казалось, стало нельзя — не перед кем! Исчезла возможность торга — и русские власти требовали бы исключительно беспрекословного подчинения. Огромная ошибка! Практика установления российской власти на Восточном Кавказе, да и на Кавказе Западном показывает, что российские власти с удовольствием отдавали руководство районами и народами в руки все той же знати, которая еще вчера выступала против них с оружием в руках, а сегодня присягнула на верность! «Геноцидоносная» Россия не шла по варианту колонизации цивилизованной Англии, предусматривавшему поголовное истребление первых лиц территорий. Взгляните на наибов Шамиля — этих беззаветных борцов за свободу Чечни и за зеленое знамя Ислама — половина из них перешла на сторону русских, получила от России награды, звания, деньги, дворянство и продолжила руководить своими же народами. В этом отношении, я глубоко уверен, что если бы если бы тот, толстовский — легендарный Хаджи-Мурат, шамилевский наиб Аварии, не совершил бы роковую ошибку и в очередной раз не перешел бы на другую сторону, то мы сейчас знали бы его как одного из наиболее прогрессивных царских администраторов на Кавказе, проводника политики России.

О влиянии адыгской знати на переселении адыгов в Турцию очень хорошо сказал тот же Адольф Берже: «более почетные и влиятельные из горцев, после освобождения крестьян в России, боясь с принятием нашего подданства, лишиться своих подвластных, стали уходить в Турцию, увлекая за собой невежественную массу, доверившую

их уму, знанию и опытности. Эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения. Влияние их на народ было неотразимо. Руководствуясь личными интересами они употребляли все усилия, чтобы запугать желавших перейти к нам произволом русских властей, солдатчиною и необходимостью отказаться в будущем от мусульманской религии, сносились с турецким правительством, ездили в Константинополь, представляясь султану, его сановникам, иностранным послам, принимали у себя всяких эмиссаров, придавая им несвойственное значение и пр. При таких обстоятельствах все предложения нашего правительства горцам о свободном выселении их на плоскость, где им бесплатно отводились в собственность участки, мало достигали цели.... Вот почему выселение нам горцев, несмотря на все желания нашего правительства, состоялось в размерах весьма ограниченных и не превзошло 100 тыс. душ, т.е. 1/6 всего горского населения.»¹

Не правда ли хорошо и исчерпывающе? Как вы думаете, упомянута ли эта цитата в обращении в Европарламент по поводу страшного геноцида и «Черкесии без черкесов» или совершенно «случайно» опущена? Может быть она потерялась?

Итак, знать принимает решение уходить. Всё! Три фактора сложились воедино. Аннушка уже разлила масло! Начиная с этого момента, трагедия адыгов предрешена.

Более-менее массовое переселение адыгов в Турцию начинается уже в 1858г. Так, к весне 1858г. официально, подчеркиваю, только официально, с подконтрольных России территорий и с получением разрешения от российских властей, в Турцию переселилось 257 семейств,

¹ Ад.П. Берже. «Выселение Черкесов с Кавказа». Тифлис. 1881

уже к осени количество переселенцев удваивается и составляет 533 семьи. Сколько черкесов переселилось неофициально из районов, не контролировавшихся Россией и, естественно, без разрешения российских чиновников — можно только гадать. Наверняка, это количество было намного больше официально зарегистрированного. Количество переселенцев значительно увеличивается с середины 1863г., когда Россия начинает последнее наступление на еще оставшиеся неподвластными ей черкесские территории. Адыги-переселенцы уже тогда начинают скапливаться в портах и бухтах Черноморского побережья и генерал Орбелиани снимает все ограничения на переселение, чтобы освободить желающим дорогу в Турцию. Критические моменты начинают появляться практически сразу же, еще в то время, когда Россия не контролирует все черноморское побережье и адыги переселяются стихийно. Счет переселенцам уже тогда идет на тысячи, так по данным Р. Фадеева, к концу февраля количество переселенцев в Турции достигает 20 тыс. человек, а к середине марта их уже свыше 40 тыс.!

Вот что он пишет: «Переселение это происходило помимо нас, с вольных берегов на контрабандных турецких кочермах, приезжавших за горцами десятками. Очень естественно, что переезд сопровождался бесчисленными бесчеловечиями и страданиями. Турецкие судохозяева привыкли плавать к восточному берегу почти исключительно для торговли рабами; они внесли тот же дух и в перевозку свободных людей. За неимением денег или вещей расплата происходила женщинами и детьми.»¹

¹ Фадеев Р.А. «Письма с Кавказа редактору газеты "Московские ведомости"». СПб. 1865

Но наибольшая же, критическая масса адыгов начинает переселение в 1864г., когда война на Кавказе заканчивается. Все пронзительно трагические страницы, рассказывающие о голоде, эпидемиях и массовых жертвах адыгов относятся именно к этому периоду.

Никто не ожидал, что переселиться захочет настолько большое количество адыгов. Никто — ни Россия, ни Турция, ни, наверное, сами адыги. Цели выселить в Турцию всех адыгов не было никогда. Российское правительство считало, что основная масса горцев начнет переселяться на Кубань и видело в Турции всего лишь запасной вариант, которым захотят воспользоваться только самые непримиримые. Вот, что пишет на этот счет придворный историк Берже, другие фразы которого современные адыгские патриоты так любят цитировать в плане доказательства стремления Российского государства уничтожить всех адыгов: «Наше правительство, очевидно, никогда не думало изгонять горцев, как писалось тогда в европейских газетах, но желало лишь окончания тяжелой вековой войны на Кавказе и прочного покорения беспокойных обществ, предоставляя им все средства к мирному и удобному водворению на плоскостных, черноземных землях долины реки Кубани и впадающих в нее рек. Если же такой мирный переход горцев к гражданственности не свершился, то винить в том, по всей справедливости, следует не нас, а турецкое правительство и европейскую дипломатию, которые в этом случае вовсе и не думали о благоденствии горцев, а пользовались ими как средством противодействия развитию России.»

Призывы Турции, агитация адыгской знати, религиозных служителей, распространение среди адыгов

нелепых слухов о поголовном крещении, о записи всех в солдаты или в казаки, о размещении оставшихся черкесов в хлеву со свиньями, все это, помноженное на «религиозный фанатизм и непоколебимую уверенность горцев в ожидающей их в Турции радушности, которую в таких ярких красках рисовали османские эмиссары»¹ и стало причиной того, что между Турцией и Кубанью адыги выбрали Турцию.

Давайте представим себе эту ситуацию. Народы поднялись. Одновременно с места снялись несколько сот тысяч человек — убыхи, шапсуги, абадзехи и натухайцы практически в полном составе и практически одновременно снялись с места и вышли на побережье в надежде на то, что их быстро перевезут в Турцию. Речь идет о нескольких сотнях тысяч людей. Скорее всего, непосредственно в тот момент их количество находилось между 200 тыс. и 300 тыс. человек. Одновременно! Дороги и лесные тропы наполняются огромным количеством людей, всюду царит беспорядок, неразбериха, бардак, знать теряет контроль и управление над своими людьми, съестных запасов, выделенных Россией, не хватает, турецкие и русские корабли, зафрахтованные и оплаченные российским государством, не могут вместить в себя такой массы переселенцев. Такое же положение складывается и на другом берегу — турки не ожидали настолько огромной массы народа, полагая, что адыгов будет в разы меньше и что прибывать они будут не одновременно, а постепенно. На прием стольких людей у них нет ни средств, ни подготовленных мест размещения.

Турки пишут в Петербург, упрекая русские власти в том, что количество переселенцев намного больше

¹ Ад.П. Берже. «Выселение Черкесов с Кавказа». Тифлис. 1881

оговоренного, те что-то отвечают, турки начинают искусственно сдерживать скорость приема переселенцев... А в это время в черноморских портах и бухтах от холода, голода и начавшихся эпидемий страдают и умирают черкесы. На берегу разыгрываются ужасные сцены. Адыги открывают самую трагическую страницу в своей истории.

Отвлечемся на минуту и попытаемся задуматься есть ли что-то рациональное за внешним трагизмом ситуации и пронзительными описаниями людских страданий.

200 или 300 тыс. человек одновременно вышли на побережье, рассчитывая на быструю переправку за море и размещение там в каких-то лагерях. Одновременно! Перемещение настолько большого количества людей и сейчас представляет огромную сложность даже для развитых морских государств, достаточно сказать, что в ходе состоявшейся через 90 лет после этого момента величайшей десантной операции всех времен и народов — высадке в Нормандии 6 июня 1944г., в течении первого дня операции союзным силам 4 великих держав того времени — США, Англии, Франции и Канады удалось посадить на нормандский берег 175 тыс. человек. Для этого потребовалось объединение морского и воздушного флотов этих передовых стран, с выделением для нужд операции более 5,3 тыс. кораблей, 11 тыс. самолетов, грандиозные мероприятия в инженерно-техническом, в организационно-хозяйственном отношениях, более чем двухлетняя подготовка и невероятные экономические усилия.

В то же время, когда обычное торговое судно могло взять на борт максимум несколько десятков человек,

задача перевозки настолько большого количества людей в короткий срок не могла быть решена в принципе. Это было невозможно технически, а значит, множество из тех, кто находился берегу и ожидал скорой отправки, были просто обречены — обречены технически, организационно, административно, логистически — как угодно. Трагедии не могло не случиться! Это чистая математика, дважды два — всегда четыре, каким бы страшным геноцидом мы эту цифру не считали.

Но пойдём дальше. Российское командование на местах пытается каким-то образом помогать адыгам — оно подтверждает, что даже несравнимо большее количество адыгов, чем это ранее планировалось, будет перевезено за казенный счет, в целях ускорения перевозки нанимает дополнительные суда, использует в качестве транспортных военные корабли, предварительно по договору с турками сняв с них вооружение (кстати, то же самое делают и турки), закупает в Абхазии хлеб и раздает его переселенцам, выдает наиболее бедным семьям деньги — до 10 рублей на семью, лечит больных адыгов в редких имеющихся госпиталях, помещает умирающих детей в казачьи семьи и т.д. Но всего этого мало. К концу зимы 1864—1865гг., как на российском берегу Черного моря, так и на турецком, в ходе депортации от голода, холода и эпидемий умирают несколько десятков тысяч адыгов.

Настолько тяжелой и губительной депортация для адыгов больше не будет никогда, но сама она на этом не заканчивается.

Тут начинается совсем непонятное — после ухода убыхов и абадзехов, части шапсугов и натухайцев переселение адыгов в Турцию не останавливается — темпы

его снижаются, но само движение в Турцию продолжается! Поднимаются другие народности, тоже взбаламученные своими лидерами и лицами, агитирующими за уход — уходят те, кто уже давно замирился, те, кто, кто к тому моменту уже жил с Россией и в России годами, десятилетиями, кто уже интегрировался в российское общество и чьи дети уже были российскими офицерами, чиновниками, студентами. Начинают уходить те, кого Россия спасла, кому дала свободу, кто годами воевал на её стороне против «немирных» горцев» и против самой Турции. Так, уходит уже упоминавшийся выше «аул перебежчиков» Джасус, уходит князь Казий Бекмурзин — человек, вступивший добровольцем в русскую армию, геройски воевавший на Кавказе, за храбрость получивший офицерский чин, несколько орденов и бывший в отставке членом «временного суда из князей».

Вот как описывает это генерал Фадеев: «Вслед за вновь покорившимися горами потянулось в Турцию довольно значительное число других, живших уже некоторое время под русской властью. Одних побуждал фанатизм, другие не хотели отстать от родственников, третьи шли потому, что мир идет; все ждали щедрых и богатых милостей от хуньяра (султана), который представлялся им идеалом всемогущества и неисчерпаемого богатства. Чтобы не говорили выходящим, у них был один ответ: «Нам хорошо у вас, но мы хотим положить свои кости на святой земле.»¹

Кстати, справедливости ради надо сказать, что под «турецкое» обаяние в тот период попали не только черкесы — несмотря на то, что их никто не гнал, в Турцию

¹ Фадеев Р.А. «Письма с Кавказа редактору газеты "Московские ведомости"». СПб. 1865

захотели переселиться чеченцы, какое-то количество карачаевцев и, что непонятнее всего, некоторое количество осетин, все вместе общим количеством 5 тыс. человек.

Переселением этой части горцев руководил человек феерической судьбы — осетин Мусса Кундухов, генерал от кавалерии русской службы, ставший после переселения генералом от кавалерии турецкой службы и проигравший самое главное сражение своей жизни русской кавалерии. Позже его сын станет первым министром иностранных дел Турецкой республики. Потомки дважды генерала двух стран Кундухова живут сейчас в США, они считают себя осетинами, но по-осетински уже не говорят.

Это было похоже на какое-то умопомешательство. Царские администраторы ни в Петербурге, ни на местах не понимают, что происходит, они запрашивают начальство «Что делать? Черкесы уходят.»

Сначала Петербург даёт разрешения на выезд, считая, что чем больше уйдет — тем лучше, но потом вдруг приходит осознание того, что исполнение задачи коренным образом отличается от той цели, которая была поставлена. Цели выселить всех адыгов не было, а сложившаяся ситуация неумолимо вела именно к этому, причем, чем дальше все заходило, тем больше шансов было на то что, повинаясь чувству национальной общности, прислушавшись к голосам протурецких агитаторов из своей знати, оставшиеся горцы тоже устремятся за своим народом в Турцию и адыгов на Северном Кавказе не останется совсем.

И здесь в 1867г. кровавый царизм принимает решение, которое само по себе, без других аргументов уничтожает все шансы на признание геноцида и того, что России нужен был Кавказ без кавказцев — царь приказывает прекратить эмиграцию в Турцию! Полностью! Разрешения на отъезд аннулировались, уже отправившиеся в переселение люди возвращались, агитаторов за выселение приказывалось хватать, судить и отправлять в Сибирь, казачьих атаманов отделов, откуда больше всего пытались уйти черкесы — наказывать.

Но нереальность, фантастичность, какая-то потусторонность всего происходящего на этом не заканчивается.

В этот момент среди уехавших черкесов зарождается движение за реэмиграцию — за возвращение назад. Испытав все прелести турецкого «рая», воочию увидев реки с кисельными берегами и поняв, что их банально обманули, множество черкесов начинают рваться назад. Российской администрации посылаются петиции с просьбой о разрешении обратного въезда, пишутся послания о запоздалом согласии на условия российского ультиматума, составляются списки желающих вернуться и т.д...

Немного отступая от темы... Я не знаю на что надеются сторонники теории «страшного геноцида». Действительно не знаю. Только ЭТО ОДНО, без каких-либо других доказательств способно если и не полностью опровергнуть их теорию, то, по крайней мере, сильно её пошатнуть и стать свидетельством полной, доходящей до абсурда несопоставимости этих случаев.

Представляете, настрадавшиеся, почти уничтоженные евреи, прибывшие в Палестину, осмотревшись там,

решают вернуться в Майданек и Треблинку! Забрасывают Гитлера письмами, мол, «Это произвол! Вы нас обманули с Палестиной! Требуем вернуть нас в Освенцим! Согласны на все, только верните нас в Дахау. Еврейский народ хочет назад в Варшавское гетто!» Прости Господи, что так напишешь, но ведь приходится!

Теперь одновременно идут уже две волны — волна туда — в Турцию и волна обратно — на Кавказ, теперь уже в Россию. Причем, если в Турцию черкесов везут бесплатно — за счет российской казны, то назад бесплатно уже никто не везет, это оказывается довольно дорогим удовольствием и платить за него нужно самим черкесам, обнищавшим за последние годы войны, блокады и прибавившегося к ним переселения. Такие деньги есть у единиц. Кое-кто, действительно единицы, оказываются в состоянии оплатить обратный переезд через море и возвращаются, кто-то, неотягощенный семьями, имуществом и теми же деньгами, пускается в пеший поход вокруг всего восточного побережья Турции — через непосредственно Турцию, Грузию и Абхазию. Таких случаев известны тоже единицы, но они есть, так на Родину вернулся кабардинский уздень Ценуна Абазов, которого через два года после эмиграции шесть семей уполномочили идти договариваться с российскими властями о возвращении. Турки отказались давать документы и Ценуна прошел весь путь пешком, скрытно и без документов.¹

Царское правительство отказывает адыгам в массовом возвращении. Я не знаю, что было причиной этому — нежелание возвращать на Кавказ беспокойный, в массе своей все еще враждебный народ, обиженный на Рос-

¹ С.Н. Бейтуганов. «История кабардинских фамилий». Нальчик. 2007

сию за слом своих устоев, войну и высылку? Нежелание нести повторные расходы по возвращению нескольких сотен тысяч людей? Боязнь конфликтов, которые бы возникли с возвращающимися адыгами и теми, кто уже занял их земли и земли, которые им были обещаны, но после отказа адыгов отданы казакам? Не знаю. Массового возвращения не происходит. Разрешения на это царь не дает, но все черкесы, прибывшие самостоятельно, остаются и назад не высылаются. По поводу них идет долгая и индивидуальная переписка между атаманами отделов, Петербургом, Екатеринодаром, Моздоком, но, в конце концов, все они легализуются и остаются.

И тут просыпаются бжедуги... Некоторые черкесы меня спрашивают, почему бжедугов после войны, по сравнению с другими народностями осталось так много — они что не воевали? Их не убивали? — Воевали, воевали в рамках той, отличной от нынешней, формы ведения войны, которая была принята в Кавказской войне, но здесь причина как раз не в войне, а в выселении. В вопросе переселения бжедуги продемонстрировали то, что сейчас мы называем «позднее зажигание». С одной стороны, бжедуги, в отличие от тех же горных черкесов, десятки лет жили бок о бок с русскими, вели оживленную торговлю и в большей степени, чем другие, подверглись русскому культурному влиянию. С другой стороны — и самое главное! — бжедуги, как Вы помните, выгнали князей, следовательно, влияние знати, её агитация на уход в Турцию из-за невольнических отношений у бжедугов отсутствовали и, как результат, почти все крестьянство ехать в Турцию сначала категорически отказалось. Бжедуги проснулись позже — в 1873г., когда осознали, что множество

адыгов вокруг них уже ушло и продолжает уходить. Они заявляют о желании переселиться в Турцию всем народом и получают решительный отказ. Им отвечают, что народ останется на месте, а особо рьяные агитаторы действительно уедут, но не в Турцию, а в Сибирь. Бжедуги успокаиваются и из шестого по величине черкесского народа ДО Кавказской войны, ПОСЛЕ нее становятся вторым.

Было ли выселение адыгов геноцидом, как утверждают многие современные черкесы? Было ли оно похоже на «to walk the plank» Александра Селькирка — Робинзона Крузо? Было ли оно депортацией? Может ли быть депортация геноцидом? Повторюсь — может! Но тогда её целью должно было стать не выселение как таковое, а гибель народа. И тогда нам придется признать, что выделяя на Кубани в 3—4 раза больше земли (и намного более плодородной!), чем они имели в горах, царское правительство хотело тем самым убить черкесов; что оплачивая турецким капитанам неоднократные рейсы в Черкесию и следя, чтобы корабли не перегружались, оно тем самым хотело не перевезти адыгов через море, а уничтожить их; что не уничтожая, не вырезая беззащитных адыгов на черкесском берегу, оно тем самым тоже хотело истребить всех черкесов от мала до велика.

Была ли эта депортация, было ли это переселение добровольным? Насколько вольны были черкесы в своих действиях? На этот счет существуют две точки зрения. Одна, которой придерживается определенная часть русского населения, состоит в том, что переселение было добровольным — черкесов никто не гнал, им предложили выбор: Кубань или Турция, они сами захотели и сами ушли в Турцию — значит, ушли добровольно. И

вторая — которой придерживается большинство, если не все адыги и которая говорит, что выселение было однозначно насильственным, шло под прицелом винтовок, что тем самым Россия хотела реализовать свою идею «Кавказ без кавказцев» и уничтожить черкесов и что оно принесло им неисчислимые бедствия.

Полярные точки зрения. Кто здесь прав? Никто.

Давайте рассмотрим две модели переселения — горных черкесов и остальных. Так вот, для горных черкесов — убыхов, шапсугов, абадзехов и примкнувшим к ним не совсем горных натухайцев, конечно же, переселение не было добровольным — однозначно не было! Они не могли остаться на своих местах. Все эти народности очень этого хотели, неоднократно просили об этом и постоянно получали отказ. Это правда. Правда! В их отношении выселение с Кавказа было депортацией. Неважно — на Кубань или в Турцию — это было депортацией!

В отношении переселения адыгов других народностей... депортацией это назвать нельзя. Этот термин здесь просто не применим. Их никто не выгонял, не ставил в безвыходное положение, не вынуждал к выселению. Ну кто, скажите, выгонял кабардинцев? Кто выгонял бжедугов? Кто выгонял чуть ли не Героя России, почетного судью князя Казия Бекмурзина? Это было добровольное, собственное, личное решение, абсолютно неожиданное для властей, ими не приветствовавшееся и в конце концов пресеченное. Если считать его депортацией, то тогда любой пример ухода в эмиграцию надо тоже считать насильственной депортацией и геноцидом, а самыми депортируемыми и отгеноциженными (уж не знаю, есть ли такое слово...) у нас тогда станут евреи,

когда они в 1970-е — начало 1980-х гг., как черкесы в Турцию, рвались в Израиль, а СССР, как и черкесов, их туда не пускал. Тогда давайте и массовую эмиграцию в Израиль признаем актом страшного геноцида.

Если не брать трагедию 1864г., ставшую результатом агитации турецко-черкесских эмиссаров и административно-логистической ошибки русской и турецкой администраций, выселение адыгов происходило в условиях близких к идеальным.

Посмотрите, во время непризнанной геноцидом операции «Чечевица» в феврале 1944г. за 4 дня было погружено в вагоны и вывезено за пределы Кавказа 334 тыс. чеченцев, ингушей и карачаевцев, а за 13 дней — 494 тыс. — солдаты врываются в дома, будили людей, давали 40 минут на сборы, силком сгоняли на дворы и площади, вели на станцию, запикивали в скотовозы и высаживали уже в Киргизии.

Еще раз: 4 дня, 334 тыс. человек.... 4 дня, 334 тыс. человек.... Геноцидом не признана... Более-менее массовая депортация адыгов продолжалась 5 лет. 5 лет! В отличие от чеченцев, адыгам давали выбор — к союзникам, которые горячо звали и обещали манну небесную, либо на Кубань, где ждала земля больше и более плодородная, чем они имели. В их дома никто не врвался (за исключением начального периода, когда были случаи поджога аулов, чтобы стронуть черкесов с места), им давали время, они могли продать имущество, работали специальные комиссии, чьей обязанностью являлось «вникать во все нужды переселенцев», помогать им в более выгодной «продаже имущества, которое они не могут взять на пароходы», следить, чтобы «судохозяева их не при-тесняли», чтобы «суда из-за своекорыстных расчетов

владельцев излишне не перегружались и тем не развивали между ними смертности во время переезда». Семьям, не имевшим средств на переезд, выдавался провиант и пособие из расчета до 10 рублей на семью. По свидетельству того же Берже, только в 1864г. «все расходы по пособиям переселяющимся горцам со времени регулирования этой операции назначением наместника кавказским особым лиц для наблюдения за нею, составили 289 678 рублей 17 копеек.»¹...

Давайте здесь опять на минуту остановимся и взглянем на этот вопрос с позиций не нашего, а того времени и с позиций «геноцида, не имеющего аналогов в истории».

Закончилась 100-летняя Кавказская война. Адыги сломлены, беззащитны, потеряли управление, не имеют никакой способности защищаться. Они толпами собрались на черноморском берегу и представляют прекрасную цель для любого, кто стремится уничтожить черкесов как народ: ну вот он — приходи и уничтожай!

Что в этой ситуации делают немцы? Они вырезают евреев. Что в таком же положении делают турки — они вырезают армян. Хутту, хорваты, камбоджийцы, те же многострадальные индейцы делают то же самое — встречаясь с беззащитным населением противника, они его тут же истребляют.

Что делает «палач адыгского народа» Александр II? Он платит деньги для его переселения. 289 тыс. рублей на пособия горцам, 10 рублей пособия на семью — это много или мало? Наверное, это мало что скажет, но в то время содержание всей Аляски обходилось Империи

¹ Ад.П. Берже. «Выселение Черкесов с Кавказа». Тифлис. 1881

в 200 тыс. рублей ежегодно. В личном же плане... что было 10 рублей в 1864г....

«Политический преступник», ссыльный чеченский шейх Кунта-Хаджи, «возмущавший народ наглостью», получал в городе Устюжна Вологодской области «кормовых» денег из расчета 6 коп в сутки. Это было мало, но все равно в два раза больше, чем то, что он имел, проживая в Тамбове, где в течении трех месяцев питался из расчета 3 коп в сутки. Вообще же его доход как политического ссыльного составлял 1 руб.80 коп. в месяц. Это тоже было немного, но на эти деньги ссыльные жили годами, не работали, плохо-бедно, но содержали семьи и заводили детей.¹

10 рублей в то время в Сибири стоили 2 пуда (32 кг) отборной осетровой икры. 12 рублей во Владивостоке стоила корова — основа крестьянского хозяйства. Это считалось страшно дорого, правительство слало депешу за депешей с требованием организовать закупку рогатого скота в Китае с тем, чтобы сбить цены на русском Дальнем Востоке. 3 рубля в год был средний оброк (налог) который государственный крестьянин был обязан уплатить в казну. От 1 руб. 75 копеек брали турецкие капитаны за перевоз одного человека в Турцию — это тоже было очень дорого, т.к. с началом массового переезда цены взлетели, но делать было нечего — платили. Ну и, уж простите, что привожу этот пример — ребенок 11—12 лет в Стамбуле тогда стоил 30—40 рублей, а самая красивая девушка — 60—80.

¹ В. Акаев. «Шейх Кунта-Хаджи». Газета «Голос Чечено-Ингушетии». 2 марта 1991

Так, что при возможности уничтожить адыгов, уж опять извиняюсь за формулировку, бесплатно, царская власть платит очень немалые деньги за перевоз адыгов в Турцию... и это предлагают назвать геноцидом — «действием, совершаемым с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую»? Не думаю, что кто-то, владея вопросом, в это поверит.

ЕСЛИ НЕ ГЕНОЦИД, ТО ЧТО?

Ну хорошо, если это не было геноцидом, то что же это было? Война, абсолютно непохожая на боевые действия, к которым мы привыкли сейчас, она не подчинялась законам современных военных уставов и практических наставлений. Это была война, которая стала мельчайшей частичкой несравнимо более глубинных и глобальных процессов. Колонизация и глобальный передел мира — вот имя той войне! В ходе той войны великие державы того времени окончательно разделили весь мир и Западный Кавказ был лишь маленькой точкой на карте грандиозных переделов эпохи.

Это была война, в которой державам, чтобы разорвать мир на части далеко не всегда было нужно сражаться друг с другом — они медленно, но неотвратно меняли чашу весов, захватывая сферы влияния, подчиняя и покоряя народы, согласившиеся войти в их орбиту и уничтожая и выдавливая тех, кто этому противился. В той войне по отношению к вовлекаемым народам у России окончательно формируется принцип, в соответствии с которым она неукоснительно действует дальше — «Покорен — Значит — Выжил». Для северокавказских наро-

дов это работает удивительно точно, без малейшего, без мельчайшего исключения.

По меркам современного законодательства, наших нынешних норм морали и нравственности, в той войне Россия являлась агрессором и интервентом. За подобные действия сейчас Россию бы выгнали из ООН. По правилам же того времени, действия России были нормальны, ожидаемы всеми и, возможно, вообще были самыми гуманными из всего того, что делали великие державы той эпохи. Тогда они были так естественны, что веда себя Россия другим образом, этого бы никто не понял! Они были насколько естественными, как для нас сейчас является почистить утром зубы. В отношении территориальных захватов люди того времени не задавали вопросов «По какому праву?», их больше интересовало «Когда?» и «Кто первый?».

В схватке с одним из многовековых стратегических противников — Турцией, Россия выходит на Западный Кавказ. Проживавшие там адыгские народности в это время находились в сложном межвременном периоде, связанном с ослаблением и разрушением турецко-крымской системы и турецкого протектората в которые они точно вписывались и в которых довольно комфортно жили в течении нескольких веков до прихода России. Будучи многократно усиленным тем, что адыгские народности находились на разных уровнях своего развития и не были единым целым, а наоборот, соперничали и враждовали как между собой, так и внутри себя, адыги по-разному восприняли появление в регионе новой сверхдержавы. Часть горцев сразу же выбрала её объектом своей внешнеполитической ориентации, другая часть сохранила традиционную к тому времени

ориентацию на независимость с сильным турецким уклоном, третья, тоже значительная часть почти всю войну придерживалась нейтралитета.

Эта война не была похожа на привычную нам картинку непрерывных боевых действий. Она была сродни медленному освоению территории, сопровождающемуся как активными периодами боев, так и перемириями и полу-затишьями длиной в года и десятилетия. В ходе войны Россия не ставит целью уничтожить всех адыгов. Она довольно четко делит их на «мирных — немирных» и насколько жестоко относится к немирным настолько же лояльно и благоприятно она воспринимает других.

Одержав победу, Россия подвергает 4 адыгских народа, оказавших наиболее ожесточенное сопротивление и проживавших в наиболее опасных с точки зрения российской геополитики местностях, принудительной депортации, предоставив им выбор переселения в степную часть с получением всех прав гражданства, либо на территорию давнего союзника и покровителя черкесов — в Турцию. Попав под влияние турецких эмиссаров и собственной знати, преследовавшей личные цели, эти народы практически полностью уходят в Турцию. Вслед за ними и по тем же причинам уходит и значительная часть адыгов, в отношении которых депортация не осуществлялась.

Оставшиеся получают равные права и равные условия жизни со всеми остальными подданными Российской Империи.

Всё! Заканчиваем с историей. Переходим к современности.

ГЛАВА IV.

ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

10 СТАЛИНСКИХ УДАРОВ

Всё... да не всё. Помните, как Глеб Жеглов говорил еще «зеленому» оперу Шарапову: «Это ведь я только так, ловко пообещал, что возьму Кирпича. Если б это было так просто...» Так просто отойти от истории не получается. Такая история как у нас с вами бесследно не проходит. В свое время очень нелюбимый мной великий грузинский философ Мераб Мамардашвили гениально сказал про эту ситуацию: «Прошлого далеко не так безопасно, как может показаться. Ибо очень часто оно может быть набито целиком не переваренным и не пережитым будущим.»

Безотносительно от всего вышеизложенного, от вопросов кто, куда и как уходил, кто должен был победить, а кто нет, кто и как к кому относился, безотносительно от всех других вещей, надо учитывать тот факт, что Кавказская война стала величайшей катастрофой за всю историю существования адыгского народа. Величайшей катастрофой! В её результате, черкесы превратились из доминирующего, практически единственного этноса, занимавшего предгорья Западного Кавказа в разбросанный, разорванный на несколько административных единиц и стран народ, 20% которого сейчас находится на родной земле, а 80% разбросано по многим странам мира.

Кавказская война привела к тому, что адыги везде стали меньшинством, живущим в окружении народов, имеющих более сильный, доминирующий уклад жизни и более значительное влияние на все происходящее вокруг. Бывшие не так давно сильным, могущественным этносом, определявшим ход событий далеко за пределами своей территории, сейчас черкесы вынуждены прикладывать немалые усилия для того, чтобы не ассимилироваться, не превратиться в русских, турок, арабов и сохранить свою национальную идентичность, язык и осколки того, некогда великого Хабзэ, трансформировавшиеся ныне в определенный морально-этический кодекс — Адыгагъ.

На пути отстаивания своей идентичности черкесы не обошлись без огромных потерь — печальны, но закономерны судьбы убыхов и некоторых других адыгских народностей, полностью растворившихся, либо в других адыгских народностях, либо отуречившихся и «обарабившихся». Но неверно думать, что ассимиляция — это только вопросы истории, нет, такие процессы происходят и сейчас — в Турции, Сирии, Иордании, Израиле, да и в России. Несмотря на то, что Россия — единственная страна, которая дала адыгам свои национально-административные единицы, где черкесский народ имеет большие права и возможности, чем где-либо еще, доминирующая русская среда, русская наука и культура, русское деловое и административное окружение, неизбежно приводят, например, к выдавливанию адыгского языка из повседневной и деловой жизни, к сглаживанию этнокультурных различий между черкесами

и другими нациями, к постепенному размыванию адыгского этноса.

Несомненно, это плохо. Но хуже всего даже не это... не хочу быть пророком, но уже видно, что если подобная тенденция будет продолжаться (а при современном уровне глобализации она будет не только продолжаться, но и с каждым годом усиливаться!) перспектива сохранения черкесами своей национальной идентичности уже в средне-длинном периоде стоит под большим сомнением. Не надо быть крупным аналитиком, чтобы понять, что через 3—4 поколения черкесское меньшинство может раствориться в массе доминирующих наций Юга России, Турции и арабских стран.

Я понимаю, что за это утверждение меня, возможно, будут критиковать — клеймить позором, вешать ярлыки и красиво вещать о великом духе и о многовековой истории. Проблема не в духе, а в том, что в современном, быстро глобализирующемся мире, когда кредитная карточка, телевидение, Интернет, «рука Кремля» и «Вашингтонский обком» во многом определяют ритм жизни «от Москвы до самых до окраин», при сохранении нынешней ситуации адыги неминуемо повторят судьбу убыхов. Это видно так же ясно, как и то, почему не могли, просто фатально не имели возможности сохраниться убыхи. Не осознавать этого, закрывать на это глаза — значит забивать себе голову этнопатриотической шелухой и повторять ошибку убыхов, так никогда и не узнавших о том, что еще за 30 лет до выселения Л.Я. Люлье написал о том, что убыхский язык обречен на вымирание.

На вызовы нового времени адыгский мир ответил, если и не национальной идеей, то уж во всяком случае национальным планом, состоящим из 3-х пунктов. На первом месте стоит репатриация адыгов — возвращение на Кавказ нескольких миллионов потомков тех черкесов, которые когда-то покинули свои земли и их интеграция в российское адыгское общество — это, по мысли сторонников идеи, позволит черкесам вернуть свое бывшее этническое доминирование на Северном Кавказе и опять стать самой влиятельной нацией на своих исторических землях. Вторым пунктом идет объединение трех адыгских республик РФ в один субъект федерации, или в, как её называют некоторые, «Великую Черкесию», что объединит ныне разорванные этнические территории и создаст единое административное черкесское пространство на Кавказе. И надо всем этим, как тень отца Гамлета витает вопрос признания геноцида.

Триединый ответ! Но нет — это не просто ответ — это «10 сталинских ударов», которые по мысли историков середины XX в. обеспечили Советской армии полный перелом хода войны в 1944г., это переход Суворова через Альпы, это Ленинский план ГОЭЛРО — это план действий, призванный полностью переломить кризисную ситуацию, развернуть её на 180 градусов и сделать из чего-то обреченного на увядание его точно противоположную и успешную копию.

При этом, необходимо четко понимать, что эти три пункта кардинально различаются по своей сути — если первые два из них являются целями, задачами и именно тем, что в итоге должно быть достигнуто, то последний пункт — геноцид — является ничем

иным, как средством, инструментом их достижения. И именно признание геноцида в этой триединой формуле должно выступить локомотивом, движущей силой, тем побудительным фактором, который растолкает вопрос, сдвинет его с мертвой точки и в конечном итоге обеспечит реализацию первых двух факторов.

Давайте разберем ситуацию. Она проста и непроста. Под кажущейся краткостью и ясностью первых двух пунктов кроется очень и очень многое. Под репатриацией потомков адыгов понимается массовая иммиграция нескольких сотен тысяч, а то и нескольких миллионов человек одной национальности и их компактное расселение в пределах одного многонационального, взрывоопасного и высокодотационного (а значит безработного) региона со всеми вытекающими отсюда последствиями. Массовое переселение должно быть организовано и проведено самой Россией и за государственный счет, но не в интересах государства вообще, а в интересах лишь одной, проживающей в нем национальности. Исходя из взглядов, бытующих в среде адыгских этно-политических организаций и из складывающейся сейчас практики, это должно быть сделано без какого-либо, без малейшего учета интересов всех остальных наций, более того, просто даже без элементарного обсуждения этого вопроса с ними. При этом, надо четко понимать, что подобное переселение самым коренным образом изменит всю ситуацию на Северном Кавказе и приведет к кардинальным, к революционным переменам во всей обстановке в этом регионе. Первым же требованием, которое со всей неизбежностью вырастет

из вопроса миграции будет объединение 3 адыгских республик в одну, причем, совершенно наверняка это затронет территории как минимум двух других соседних субъектов федерации — Краснодарского и Ставропольского краёв, которые тоже частично находятся на земле исторической Черкесии. Сейчас невозможно даже представить к каким глобальным переменам, к каким сдвигам и социальным катаклизмам это все приведет, но то, что они будут крайне незначительными — не вызывает сомнений.

Естественно, добиться всего этого на добровольной основе очень трудно. Аналогов этого, примеров того, когда в наше время государство добровольно, само и за свой счет, в рамках официально признанной государственной политики, исключительно в интересах какой-то одной национальности и в ущерб интересам всех других этнических групп коренным образом изменило бы обстановку в одном из наиболее проблемных, экономически отсталых и взрывоопасных в политическом и военном смысле регионов в мировой практике не существует. Их просто нет. Если, конечно, не брать примеры Зимбабве и им подобные. С государственной точки зрения это алогично и противоречит самой сути, самым основам многонациональной страны, как территории, где максимальным образом учитываются интересы всех проживающих национальностей без предпочтения какой-то одной из них. Но для реализации интересов только одной национальной группы, причем, скорее всего, в коротком периоде и если таковая реализация будет происходить без какого-либо сопротивления других этнических групп, смысл в этом существует

и, значит, возникает вопрос — как этого всего добиться?

Геноцид! Вот ответ, который дается в предлагаемой триединой концепции «10 сталинских ударов»! Вот волшебная формула успеха!

Россию надо заставить! Россия должна либо добровольно признать свою вину в «одном из самых страшных преступлений, не имеющим аналогов в мировой истории» — геноциде адыгов в Кавказской войне, либо, в отрыве от всей мировой истории и политики, в отрыве от того, что действительно происходило в то время, её вину в этом должен признать Европарламент — т.е. те самые страны, которые в свое время, в рамках своей колониальной экспансии действовали намного более жестоко, чем Россия!

И вот здесь вступает в действие версия, упорно озвучиваемая наиболее либеральными представителями черкесских этно-патриотов: «Ну признайте уже!» — говорят они — «Признайте, что вам стоит? Мы же больше ничего не требуем. Вот только признайте и все! И будем спокойно жить дальше. Вам без разницы, а нам приятно». Огромная ошибка! Огромнейшая! Признанием геноцида этот процесс не закончится. С признания все только начнется!

Мне очень сложно представить, как это все может случиться и что для этого должно произойти, но если все-таки абстрагироваться буквально от всего, если чисто гипотетически, как говорится, для чистоты эксперимента, представить, что признание геноцида все-таки случилось, то перемены, которые это за собой повлечет на Кавказе, да и не только там, по своему масштабу будут сравнимы с катаклизмами,

которые могли бы случиться, не ответь Россия на агрессию Грузии в Южной Осетии. А может быть и превзойдут их!

Во-первых, Россия сразу же станет объектом жесткой критики со стороны огромного количества как больших и уважаемых, так и малых, никому не известных организаций, которые на основе уже признанного геноцида, будут требовать от Москвы восстановить статус-кво, или, как любит выражаться на встречах с рабочими и колхозницами президент Дмитрий Медведев, «вернуть ситуацию в положение «анте-беллум» — т.е. в положение, существовавшее до Кавказской войны. То есть, морально Россия теперь уже будет как бы обязана образовать черкесский субъект в границах исторической Черкесии, вернуть миллионы потомков адыгов, ушедших в Турцию, выплатить им компенсацию, трудоустроить их, дать им жилье и т.д., и т.д., и т.д. При этом, даже тогда совсем не факт, что Россия все равно пойдет на это — ну не возвращает же Турция армян после признания своего геноцида Францией! — но требовать этого, давить на Россию все равно будут. При этом только черкесы будут давить, реально желая возвращения соплеменников — остальным же все это будет глубоко безразлично. Буквально для всех остальных возможность уличить в чем-то Россию будет прекрасным средством усилить свое собственную позицию в конкурентной борьбе с Москвой, устроить очередной торг по какому-либо вопросу, не имеющему ничего общего с Кавказом, получить в чем-то очередную уступку и т.д. Ну не бывает по-другому! Жизнь такова! То есть, адыгов опять начнут использовать в своих

интересах. Опять, как и 150 лет назад возникнет ситуация, когда, в любом случае в выигрыше останутся люди, к которым адыги обратятся за помощью, а они сами уже в средне-долгом периоде окажутся в числе проигравших.

Вот такая картина. И я даже не хочу думать что произойдет, когда, посмотрев на черкесов, десятки других национальностей вспомнят былые обиды и начнут выдвигать требования признать геноцид друг друга.

При этом, было бы большой ошибкой думать, что существует какой-то тайный орган, наподобие ма-сонской ложи, или некоего мифического правительства в изгнании, которое бы откуда-то из глубокого подполья дирижировало всей ситуацией. Ничего подобного нет. И простые черкесы в массе своей под-держивают вопрос признания геноцида не из каких-то скрытых и корыстных целей, а абсолютно искрен-не — глубоко переживая трагедию своего народа и искренне заблуждаясь по поводу хода и характера Кавказской войны. Им так внушили!

Вся проблематика разворачивания вопроса о при-знании геноцида на Кавказе намного глубже модели «10 сталинских ударов», она уходит корнями глубоко в прошлое и оттуда уже «рулит» настоящим. Вопрос о геноциде не мог не встать. Это абсолютно логично и оправданно. Мы были должны, мы были просто обязаны пройти через него. И дело здесь не толь-ко в том, что, как уже говорилось ранее, безотноси-тельно от того был геноцид или нет, кто был, а кто не был прав в Кавказской войне, кого депортировали, а кто ушел сам и безотносительно всех иных причин,

у адыгского народа, как мы уже писали, существуют немалые проблемы и их надо решать.

ПОЧЕМУ ГЕНОЦИД

Дело в том, что за все последние 160 лет адыгское общество не имело возможности открыто, честно, спокойно и с точки зрения своего народа обсудить положение, сложившееся в результате Кавказской войны. Это было нельзя сделать сразу после войны, когда черкесы оказались повержены, раздавлены, раздроблены и жили в Российской Империи, где имелась совершенно определенная точка зрения на недавно выигранную войну. Этого, конечно же, невозможно было сделать и в Империи Советской, когда мы все усиленно строили новую этническую общность — советский народ и сама тема предков одной части этого народа, сражавшихся против предков другой его части была в огромной степени табуирована и политизирована. Но проблемы-то от этого не исчезли! Тема национальной катастрофы жила среди адыгов все это время. Она передавалась от отца к сыну и от деда к внуку. В результате, не имея возможности получить широкую огласку и пройти через спокойное, ровное и честное обсуждение, она была загнана вглубь, скручена и как тугая пружина сжата безжалостным временем. Пружина не могла не распрямиться!

Именно это мы наблюдаем сейчас. Пружина распрямилась! Это логично, это нормально и это правильно. Тема Кавказской войны сейчас крайне популярна в черкесском обществе. И по-другому быть не может. Но! Оставшись один на один с набросившейся

на них оглушительной, безбрежной свободой слова, с правом высказывать любые, самые дикие мнения об этой войне, столкнувшись с полным отсутствием какого-либо оппонирования, адыгское общество наполнилось огромным количеством слухов, сплетен, мифов и всякого рода псевдо исторической информации, которая, с учетом искренних и, да простят меня адыги, зачастую наивных ожиданий простых людей, выдается за правду и с чисто кавказской эмоциональностью искренне, подчеркиваю, искренне воспринимается таковой!

Пружина распрямилась! Сейчас мы становимся свидетелями того, как любая, самая невероятная информация, поданная с позиций превратно понятого патриотизма с налета считается правдой и принимается без тени сомнения даже без подтверждения, в то время как исторические данные, не совпадающие с таковой — «патриотической позицией» — отвергаются, вне зависимости от уровня и серьезности их доказательной базы. По сути, сейчас в адыгском обществе, как в миниатюре повторяется ситуация СССР конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда весь советский народ просто опьянел от обрушившейся на него свободы слова и в течении какого-то времени элементарно учился с ней жить — митинговал, обижался, ошибался, платил за свои ошибки и все-таки выходил на правильный курс. Именно это происходит и должно происходить сейчас с адыгами! Как говорил Гегель: «История учит тому, что никто не учится на чужих ошибках — все учатся на своих» и мы не вправе заставлять адыгов идти наперекор этому правилу. Все должно случиться в свое время.

Еще одна важная причина того, почему вопрос геноцида получил сейчас такое развитие — это подъем национального самосознания. Вопреки всей своей истории, полной разлада и розни, а может и благодаря ей, сейчас адыги демонстрируют достаточно сильное стремление к объединению разных ветвей своего народа. Это выражается в некоем духе единения, который можно почувствовать, разговаривая с черкесами, во всепоглощающем желании общаться с диаспорой, в желании установить официальное самоназвание народа «черкес» для всех представителей адыгских народов, в стремлении объединить 3 северокавказских республики в одну и т.д. Сказать, что черкесский народ сейчас един будет все еще серьезным преувеличением, но, в любом случае, стремление к единству адыги демонстрируют очень сильно.

По сути, сейчас черкесы проходят тот период, который русские прошли в XVI-XVII веках, когда великие московские князья, где кнутом, где пряником сбивали разрозненных и враждующих жителей русских земель в одну историческую общность — русский народ. Помните, как в гениальном фильме Тарковского «Андрей Рублев» русский князь с татаро-монголами захватывает Владимир и один княжеских ратников, русский, пытается убить ученика Рублева — молодого иконописца Фому, которого пронзительно играет уже ушедший от нас Михаил Кононов? Фома кричит: «Братцы, ну что же вы делаете!? Мы же тоже русские!» — «Я покажу тебе русских, сволочь ты владимирская!» — отвечает ратник, пытаясь ударить его копьём.

Вот из таких бжедугских, шапсугских и кабардинских «сволочей», адыги и стремятся сейчас сотворить то, чего никогда не существовало в истории — единый черкесский народ. Как же геноцид относится к этому? — спросите Вы. Прямым образом! Лучшего инструмента, чем геноцид для национального сближения не может быть! Это как раз тот вариант, когда, как в присказке, если чего-то нет, то его нужно придумать. Тема совместной борьбы, единой судьбы, общих подвигов, общих потерь и страданий всегда и во все времена выступала мощнейшим средством сплочивания народа. Лучше этого еще ничего не придумали! Именно эта тема была лейтмотивом исхода евреев в Палестину, именно она сплывала раньше и сплывает сейчас разбросанную армянскую диаспору, во многом именно благодаря ей германский народ объединился вокруг Гитлера в 1930-е годы... и Кавказ здесь не исключение!

Активно ковыряясь пальцем в полузажившей болячке, черкесы не столько преследуют тему прошлого, сколько обращаются к своему будущему. Постоянно муссируя и вдалбливая самим себе в головы тему геноцида, потомки тех, кто 200 лет назад воевал против России, за нее, либо не воевал вообще как бы говорят самим себе: «Мы с тобой одной крови. У наших предков было общее прошлое. Оно было прекрасно — это был настоящий «золотой век»! Пришли русские и все разрушили. Наши предки плечом к плечу защищали Родину и русские отнеслись к ним одинаково жестоко, без различия по национальностям, сословиям и политической ориентации. Значит и нам нечего делить. Причина всех наших бед — в том

времени. Решить все адыгские проблемы должен тот, кто разрушил «золотой век» — русские».

Ничего не напоминает? Это же массовый гипноз! Коллективные галлюцинации. Кашпировский в чистом виде. Но это работает! При этом, сама идея единения народа — хороша и правильна. Это действительно так. Ну кому в здравом уме придет в голову желать адыгскому народу межнациональной розни, распрей и разобщенности?! Проблема в другом — нельзя создавать народ на базе неверной, никогда в таком виде не существовавшей истории! Будущее всегда принадлежит тому, кто хорошо знает свое прошлое. Нельзя строить большое и светлое здание на зыбком, плывучем и неправильном оцененном грунте! Это исторический тупик — путь в никуда! Следуя по нему, адыги ставят будущее своего народа, своих детей и внуков в полную зависимость от заведомо ложной исторической теории. Нельзя писать под псевдонимом Пастернак!

Но, оставим пока гипноз... поговорим о более практических аспектах комфортности темы геноцида. Знать, зовет адыгов в Турцию... говорит им о том, что там им будет хорошо и комфортно и что там все их вопросы будут решены...

Стоп! О чем это мы? Не потерялись ли мы во времени? Потерялись. Потерялись! Одна из основных, из важнейших и из кардинальнейших причин широкого распространения среди адыгов теории геноцида — это педалирование его современной знатью. Ничего не меняется! Если раньше, по своим собственным причинам и для собственной выгоды знать

уводила всех черкесов в Турцию, то теперь она ведет их в геноцид! И можно только надеяться, что последствия этого зова будут менее катастрофичны.

Национальная интеллигенция — эта знать нашего времени — сразу же, окончательно и бесповоротно выступила локомотивом теории «страшного геноцида», её создателем, её певцом, её агитатором и пропагандистом. Современные адыгские историки, публицисты и общественные деятели вытащили из анналов истории отдельные факты о той войне, прилизали их, подчистили все ненужное, не совпадающее с «официальной» точкой зрения и искусственным образом подали это так, чтобы у неискушенного в истории, нетребовательного к доказательствам читателя не возникло и тени сомнений в наличии геноцида! Даже порядок подачи материалов о войне дается абсолютно уникальным, нереально далеко отходящим от действительности образом, состоящим из перемешанных частичек правды и полу-лжи, составленных абсолютно специфическим образом и вычищенным от всего лишнего и не совпадающего.

Так, сначала упор делается на прекрасную жизнь адыгов ДО Кавказской войны, которая преподносится с невероятной, загоризонтной степенью идеализации и практически с полным отсутствием упоминания о сложных процессах, через которые с трудом и болью шло черкесское общество того времени, о раздробленности, о неготовности к конкуренции в открытом мире, о неготовности к современной войне и т.д. Затем происходит переход непосредственно к войне, которая, с подачи адыгских профессоров и лауреатов, предстает как непрерывная столетняя

схватка всего единого народа, в одном строю и без каких-либо исключений выступившего за свою свободу. Затем, не вдаваясь в детали и упоминая в качестве причин поражения исключительно численное превосходство и жестокость российской армии, адыгские историки сразу переходят к высказываниям царских генералов о необходимости высылки черкесов и смакуют картины огромных людских страданий депортируемых адыгов на черноморском берегу. То есть: «Было хорошо — Пришли русские — Мы сражались как герои — Претерпели огромные страдания».

В результате, у простого среднестатистического адыга, с одной стороны, не разбирающегося в истории, а с другой, желающего слышать о великих делах предков, вкупе с действительно огромными страданиями переселенцев, складывается устойчивая картина такой Кавказской войны, которой в реальности никогда не было, но которая политически правильна! Человек начинает искренне верить в подобный бред и обижается, когда ему говоришь о том, что все было не так. Вот так и формируются мифы!

Причин подобного поведения национальной интеллигенции как минимум несколько.

Конечно же, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что представители интеллигенции не прилетели с Марса, а являются плотью от плоти самого народа. В этом смысле симпатии и чаяния профессора и публициста целиком совпадают с симпатиями простого человека с 8-классным образованием. Их пружина тоже распрямляется! Они тоже хотят большой, красивой и чистой истории, правда, в отличии от других

людей, они творят её сами! Лепят и пишут её прямо на наших глазах!

С другой стороны, нет ни тени сомнений, что определенная часть адыгской интеллигенции, прекрасно осознает всю историческую и политическую бредовость нынешней придворной версии Кавказской войны и существовавшего в ней геноцида. Ну не может быть по-другому! Ведь все лежит просто на поверхности и человек, обладающий даже не глубокими, а просто базовыми, полу-детскими знаниями о ней, чисто физически не может этого не видеть! Я никогда не поверю, что серьезный историк не видит, что при малейшей проверке и сопоставлении с фактами, вся эта сшитая из разномастных кусочков лабуда распадается на куски, как гнилая старая одежда!

И вот здесь в действие вступают совершенно другие, не имеющие отношения к науке и к исторической правде факторы. Во-первых, необходимо понимать, что в последние 10—15 лет адыгская историческая наука в отношении вопроса геноцида собственно наукой не является. То, что она делает — это не наука, а политика и приспособленчество. Это называется тщательной подгонкой данных для получения необходимой картинки и обслуживание совершенно определенного политического заказа — заказа на геноцид. Для этих целей из адыгской науки новейшего пост-перестроечного времени правящая и социально активная национальная элита практически полностью вытеснила все конкурентные идеи, выкорчевала все оппозиционное, все дискуссионное, все, что хоть каким-то образом могло оспорить эту никакую, просто-таки никакую с исторической точки

зрения теорию. А что остается делать — ведь она не выдержит мало-мальски серьезного спора! Само существование этой идеи возможно лишь при отсутствии оппонирующих ей идей — в историческом вакууме, в мертвой зоне, когда все придворные отлауреаченные и отпрофессоренные адыгские историки выплескивают в народ одну и только одну жвачку — идею геноцида! Идею исторической вины одного народа во всех бедах другого.

Естественно, что в течении нескольких лет тщательного административного (а не научного!) отбора все люди, кто мыслил, кто думал иначе, кто мог позволить себе усомниться и не идти в струе, были устранены. Сейчас в трех кавказских республиках на эту тему не устраиваются дискуссии, не проходят обсуждения, не идет подлинный научный диалог. Все другие идеи искоренены как класс и привитие единственной и безальтернативно «правильной» идеи геноцида начинается уже в школе! С младых ногтей детям подсовывают книжонки, где Россия представляется геноцидоносной страной, а русские генералы — палачами адыгского народа. Произошла тотальная монополизация правды, когда группа людей, обладающих властью, в силу политических, экономических, этнических и др. причин преуспела в проталкивании в общество определенной идеи и фактически приказным порядком объявила её единственно верной. Это прискорбно, но это факт. Вот так мы и живем.

Другой причиной такого поведения адыгской научной интеллигенции является элементарный страх и конъюнктурные соображения.

Приспособленчество! В условиях широкого народного спроса на идею геноцида, одобренного и прямо поддерживаемого свыше, люди боятся выступить против — элементарно боятся пойти против течения. Ученые и общественные деятели знают, что того, кто посмеет сказать, что геноцида не было (неважно насколько серьезные доказательства он приведет!) объявят врагом адыгского народа, затыкают пальцами и потихоньку выдавят из общественной жизни, в то время как того, кто будет нести околонучную ахинею и бред, доказывая свои слова фразой «ну как в это можно не верить!», будут чтить как патриота, прогрессивного ученого, всюду продвигать, да и — кто знает! — еще и Государственную премию республики Адыгея к празднику подкинут! Ну поставьте себя на место посредственностей, здесь у них, как говорил Глеб Жеглов, «любовь с интересом» — всех талантливых, умных и ищущих выдавили, а чтобы подняться наверх достаточно лишь громко вопить про геноцид. Никаких доказательств не надо — просто вопить. Вот и вопят! Нынешнее состояние адыгской историографии, по крайней мере в этом вопросе — полная деградация. Это псевдонаучность, комфортное теплое болото и служение интересам не науки, но правящих слоев. На наших глазах очередная элита заводит народ в очередной исторический тупик. Опять мы видим «исход в Турцию», «яровизацию растений» и кибернетику — «служанку империализма». Того, что происходит сейчас, через 10—15 лет адыгские ученые будут стыдиться и пытаться забыть. Лично у меня в этом нет сомнений.

Объективности ради, нужно сказать, что несправедливо было бы думать, что только позиция интеллигенции способствует проталкиванию в массы вопроса геноцида. Существует еще одна часть, еще одна прослойка современной знати, которая стоит от геноцида поодаль, но, тем не менее, в полной мере пользуется благами, которые дает само наличие в обществе этого вопроса.

Власть. Современные правящие слои адыгских республик, несомненно, являются частью национальной знати, однако, их отношение к вопросу геноцида довольно специфично. В отличие от национальной интеллигенции, власть имущие не выступают однозначно «за» признание геноцида. Но не выступают и «против»! Как в китайской пословице про дерущихся тигров, власть стоит на горе и пользуется плодами этой драки. Главным здесь является то, что власть получает эту, простите за тавтологию, «власть», равно как и деньги, из Москвы, в результате чего обвинять саму Москву в страшном геноциде ей становится уже как-то не с руки. Но настроения собственного народа ей тоже надо учитывать и периодически им следовать. На фоне этих противоположностей власть становится нараскоряку: где надо — доложит о том, что «450 лет с Россией навеки», где надо — поскорбит о «поруганной родине» и о геноциде.

Само наличие вопроса о геноциде и вопроса о возможных, а может быть и реальных требованиях к России власти крайне выгодно. По сути, именно власть является практически единственной социальной группой, которая уже сейчас получает реальную выгоду от существования этого вопроса. И

в большинстве случаев, это не выгода адыгов, а выгода её — власти.

Дело в том, что на протяжении 18 лет нынешняя северокавказская власть демонстрирует единую абсолютно провальную модель хозяйствования. Экономическая ситуация в трех адыгских республиках не критична, а давным-давно перешла за грань этой критичности. Уровень дотационности всех адыгских республик, бывших в «проклятое» советское время прибыльными и самодостаточными, превышает даже не экономические, а уже какие-то моральные и этические нормы. В течении последних лет дотации федерального центра в экономику этих субъектов составляли от 60% до 80%. Давайте задумаемся, дотации в экономику разрушенной и дважды воевавшей Чечни составляли 86%, а в экономику невоевавшей и находящейся в прекрасной климатической зоне Карачаево-Черкессии — 80%! Из каждых 10 рублей, поступивших в бюджет адыгских республик, от 6 до 8 рублей были, по сути, подарком, подачкой Москвы — теми деньгами, что заработали люди в Рязани и Вологде.

Что делают в коммерческих организациях с директором, который на протяжении 15 лет демонстрирует настолько провальные результаты? Выгоняют с треском и с волчьим билетом! Что делают с нынешними, раз за разом сменяющимися друг друга адыгскими правителями? Ничего! Конечно же, не стоит думать, что причина их «неприкасаемости» — геноцид! Нет! Но геноцид является частью той страшилки, которая в Москве так или иначе популяризируется и представляется как «У нас тут — дикие люди!

Я всё улажу, но вы дайте денег, а сами не вмешивайтесь! Тогда все будет нормально, а если нет, то тут начнется такое, что и вам самим не поздоровится...». Это стандартная тактика, свойственная многим властям имущим — исподволь разжигать ситуацию, держа её в полу-напряженном состоянии, не давая ей ни разгореться до большого пожара, ни потухнуть окончательно, чтобы потом, официально стоя на расстоянии от возмутителей спокойствия, можно было сказать кремлевским небожителям: «Я всё улажу, но вы дайте денег, а сами не вмешивайтесь!...» Это — нормально! И это происходит не только на Кавказе. Вспомним хотя бы известную фразу признанного мастера политического лавирования Батьки Лукашенко: «Многие говорят: Белоруссия должна войти в состав России. Хорошо, но мы, как руководители, должны просчитать последствия. Допустим, я принимаю такое решение. Что завтра?.. Ведь здесь наши отморозки — пусть их немного, процента два, но они самые активные. Они готовы развернуть национально-освободительную войну. Им нужен повод. И вы что думаете, у них нечем воевать? Им завтра же привезут оружие с Украины, из Прибалтики, Польши.»

И, конечно же, неправильно обвинять во всем адыгов! Тем более, что они в этом вопросе сами во многом выступают в роли пострадавших. Огромная доля вины в том, что в вопросе о геноциде ситуация зашла настолько далеко лежит на федеральном центре. Эта вина — в непонимании Кавказа, в непонимании реальных проблем черкесов, в отсутствии какой-либо реакции на многолетнее и безответное раскручивание маятника, на многолетнее одурманивание,

оболванивание честного и трудолюбивого народа, во влияние ему в уши сладкого яда «геноцида», позволившее ему поверить в его действительность, в реальность его признания и решения своих проблем этим путем. Это обвинение относится к самым разным органам федеральной власти — от вице-премьера Дмитрия Козака до министерства образования и науки РФ.

Почему в течении 15 лет, пока полным ходом шло одурманивание народа, никто из наших чиновников в сфере образования не поинтересовался — по каким книгам в Адыгее, Кабарде и Черкессии учатся дети? Что им там дается — разумное, доброе, вечное или то, что один народ — палач и убийца другого? Какие идеи им там прививают — научно доказанные и историчные или основанные на «творчестве» современных журналистов, но для кого-то удобные? Почему никто из той же Высшей школы и из Института Истории России РАН не задался вопросом «А куда, собственно, в черкесских университетах, да и вообще в адыгском обществе делся дух дискусионности и оппонирования? Как же так получилось, что все вдруг стали согласны?» Почему никому не интересно то, что Государственная премия Адыгеи, деньги на которую заработаны не в людьми в Адыгее, а жителями Тамбова и Рязани и переведены в Адыгею в виде дотации, вручается за книгу, в которой предков этих самых жителей Тамбова и Рязани абсолютно голословно, антинаучно и бездоказательно объявляют палачами адыгского народа? Как это влияет на национальную обстановку на Северном Кавказе? Не обостряет ли это межнациональные отношения?

Но это все вопросы «Кто виноват?» Намного главнее другое — «Что делать?»

ЧТО ДЕЛАТЬ

Однозначно нельзя признавать геноцид. Хотя бы потому, что его не было. Как вам это в качестве причины?

Второе. Необходимо совершенно четко осознать: никакого признания геноцида Европарламентом не будет. Это совершенно невозможно. Это полная нереальность и абсолютный уход в какой-то другой, параллельный мир, существующий только в головах людей, которые из года в год кормят адыгов этой пустой и бесплодной жвачкой. Да, надо признать, что процесс колонизации во всем мире сопровождался значительными страданиями колонизируемых коренных народов, уменьшением их численности, изменением их образа жизни, форм хозяйствования и территории обитания. Но так было во всем мире! И если в этом контексте говорить о признании геноцида, то пусть Англия, Франция, США, Германия, Бельгия, Испания, Италия, Португалия, Голландия и Турция встанут рядом с Россией и покаются за страдания, причиненные их предками. Можно так ставить вопрос? Можно! Но выдергивать из этого списка по каким-то своим причинам одну лишь Россию, распинать её на кресте, выставляя другие страны, отличавшиеся в своей колонизаторской политике намного большей жестокостью, в качестве арбитров и судей этого признания — принципиально неправильно и этому следует всячески противиться.

Я уверен, что активисты движения за признание геноцида уже сами начинают осознавать всю обреченность этой затеи. Подтверждением этого является хотя бы то, что вопрос о геноциде уже 3 года абсолютно безрезультатно болтается в Европарламенте, а лидеры адыгов начинают требовать от России уж если и не перевезти на Кавказ в знак покаяния за страшный геноцид всю адыгскую диаспору, то хотя бы (!) раздать нескольким миллионам этнических зарубежных адыгов российские паспорта.

Третье. Абсолютно неправильно рассматривать вопрос геноцида в отрыве от той роли, которую в этом вопросе сыграли сами адыгские народности. Она — огромна! Роль эта заключается как в участии адыгов в военных действиях как против российских войск, так и на их стороне и в добровольном принятии решений, приведших часть их народа в исторический тупик. Опять же, следует иметь в виду, что подобные решения были вызваны абсолютно объективными факторами и развивались аналогично тому, как это было на других территориях и в других странах, но ведь это было. Разве правильно сейчас устраивать «тут помню — тут не помню» и обвинять только одну сторону и только по её национальному признаку?

Четвертое. При рассмотрении вопроса колонизации Кавказа Россией и её результатов недопустимо концентрироваться исключительно на негативных сторонах этого явления, полностью опуская позитивные моменты, которых тоже было немало. Не вдаваясь в детали, типа письменности, прогрессивных методов хозяйствования и т.д., можно лишь сказать, что после прихода России на Кавказ, адыгское

общество перепрыгнуло в уровне своего общественного развития сразу через 2—3 ступеньки. Из закрытого раннефеодального, а в некоторых случаях и родоплеменного общества оно в течении 50 — 100 лет превратилось в общество, стоящее на пороге капиталистического периода.

Такие прыжки не проходят без последствий — трудно шагать очень широко, не порвав штанов — но историческая практика показывает, что у народов, значительно отстающих от средне-передового мирового уровня развития, есть только три пути — сделать такой прыжок и стать исторически конкурентоспособным, пусть это даже будет идти через боль и страдания; замкнуться в себе, в своих устоях и навечно остаться недоразвитым рудиментом давно ушедших эпох, как это сделали большинство индейских племен; и третий путь, по которому пошли многие и многие народы, не желавшие измениться и не знавшие как остановить ход ветреной Мадам Истории — исчезнуть. Адыги выбрали первый путь. Это говорит об их мудрости и прозорливости, но не объясняет почему народ, подтолкнувший черкесов к такому прыжку теперь нужно судить, а из совместного прошлого следует учитывать исключительно самое негативное.

Пятое и последнее. Я не знаю, что должно произойти и какие звёзды должны сойтись на небе для того, чтобы сама Россия или кто-то еще признал геноцид адыгов. Не знаю. Но если представить, что это все-таки произошло, то не надо быть Нострадамусом, чтобы увидеть то, что это признание откроет настоящий ящик Пандорры — вызовет целую череду

аналогичных требований к самим себе. Наша история такова, что в ней каждый народ когда-то терпел катастрофическое поражение и может на этой почве испытывать глубокую национальную обиду и хотеть перевоевать последнюю войну. Если сейчас признать геноцид адыгов, то другие большие и малые народы станут требовать того же. Крымские, казанские и сибирские татары смогут требовать признания геноцида у русских, русские — у крымских, у казанских татар и у монголов, народы Сибири — у русских, русские — у евреев и евреи — у украинцев и латышей, эвенки у чукчей и т.д. А там может и остальной мир подключиться. Почти все — у немцев, китайцы — у японцев и монголов, индусы — у англичан, индейцы — у американцев, негры — у европейцев и американцев, австралийцы — у австралийцев, кампучийцы — у кампучийцев и т.д., и т.д., и т.д., Это абсурд. Никто и никогда на это не пойдет. Это будет коллективное безумие. Самопоедание. Канныбализация. При этом, ни одно из подобных требований не будет позитивно направлено, не сможет решить никаких проблем и в конечном итоге не приведет к храму. Нельзя позволять мертвым хватать живых за ноги.

Вот и все. Конец рассказа. Можно расслабиться? Нет! Ирония заключается в том, что все выше сказанное не имеет никакого отношения к реальным проблемам адыгского народа. Геноцид никак не связан с проблемами адыгов и игра в его «признание — не признание» никоим образом на их решении не скажется. Это крайне важный момент, который нужно понять! Осознав это, адыгская национальная идея

сделает самое большое приобретение за последние 15 лет — потеряет иллюзии.

Иллюзии, что трагичное прошлое можно заставить построить себе светлое будущее.

Иллюзии, что монополизация правды означает её монетизацию.

Иллюзии того, что на ложно поданной и административно навязанной истории можно создать сильный народ.

Иллюзии того, что можно забыть половину своей истории и начать эксплуатировать её другую половину.

терять иллюзии — это всегда трудно, но делая это, ты выигрываешь время, получаешь перспективу и в конце концов выходишь на правильный путь. В поисках этого пути, в сладких иллюзиях адыги потеряли 15 лет. Пятнадцать лет! Пятнадцать лет в попытках убедить себя в том, что можно лишь принять скорбящий вид и все вокруг сделают все для твоего блага — Россия всё признает, всё разрешит, всех перевезет и всё объединит, а зарубежная диаспора мигом всё бросит и переедет на Родину предков, сделав адыгов снова самой многочисленной этнической группой на Северном Кавказе. Пятнадцать лет! Где результаты этой политики?

В течении последних 500 лет на стандартные, одинаковые для разных народов вызовы адыги традиционно давали нестандартные, неожиданные для окружающих, нелинейные ответы, которые не могли появиться в условиях общепринятой формальной логики. Так было и с Хабзэ, и со 100-летней войной и с добровольно-принудительным выселением народа

в Турцию. Хотим мы этого, или нет, но во многом такие нестандартные ответы и привели адыгов в нынешнее положение. И сейчас эта практика продолжается. То, как предлагается решить главный для черкесов вопрос — демографический — из этого числа.

Давайте более пристально взглянем на алгоритм предлагаемого решения:

- Россия должна признать геноцид.
- Европарламент должен признать геноцид.
- Россия должна создать условия, при которых зарубежные адыги захотели бы возвратиться на историческую родину.
- Россия должна снять все ограничения на массовое переселение адыгов на Кавказ.
- Россия должна обеспечить от 1 млн. и более переехавших адыгов рабочими местами, пенсиями, школами, медицинским обеспечением и т.д.
- Зарубежные адыги должны бросить все, оставить землю, где они живут на протяжении последних 5 поколений и вернуться.
- Кремль должен приказать административным единицам на Северном Кавказе, их элитам и людям в них живущим, отдать часть своей территории и сформировать новый субъект — Великую Черкессию.

Ничего не режет взгляд? Ничего не выглядит странным? А что должны делать сами кавказские адыги? Кто должен решать их проблемы?

Вот это и называется нестандартное решение! В традиционной системе координат подобные вопросы решаются подъемом уровня жизни, пропагандой семейных ценностей, мотивацией людей на рождение

нескольких детей и т.д. Предлагаемое же черкесскими идеологами решение со стороны выглядит так, как будто черкесы всем раздали задания, всех обязали сделать что-то, а сами сели в сторонку, надули губы и сделали обиженный вид, мол, «наших предков 150 лет назад отгеноцидили, верните XIX век!» и теперь ждут пока мир вокруг них изменится.

Короткое отступление. Помните старый советский анекдот? — Идет собрание колхоза. Главный вопрос — как убрать скопившуюся на ферме огромную кучу навоза. На трибуну выходит председатель: «Товарищи, у нас есть два выхода из положения: реальный и фантастический. Реальный: прилетят инопланетяне и всё за нас сделают. Фантастический: мы всё сделаем сами».

С позиций этого анекдота, нынешние адыгские лидеры — глубокие реалисты! Помилуй Бог, ведь это же не что-то, это — демографический вопрос, его решают ночью, с женой, с мужем, с ребенком, обучая его родному языку... Как можно поднимать демографию с помощью геноцида?! Сами эти понятия — геноцид и демография — не вяжутся друг с другом — это противоположные понятия. Но современные идеологи адыгского движения предлагают решать вопросы именно с помощью геноцида и возвращения зарубежной диаспоры.

Человеку, который придумал, что вопрос с демографией можно решить путем возвращения диаспоры адыги должны воздать самые высокие почести и тут же, прямо на месте его расстрелять! Потому, что это гений. Злой гений! Это человек, который смог увлечь практически весь народ очень красивым, сладким

и губительно тупиковым вариантом решения насущной проблемы, отвлекающим народ от действительно реальных вариантов её решения. Возвращение диаспоры — это величайшая иллюзия, с которой сейчас сталкиваются адыги. Коллективный обман зрения! Ожидание её воплощения настолько же иллюзорно и тупиково сейчас, как 150 лет назад им было ожидание всеобщего счастья после ухода народа в Турцию.

Меня часто занимает один вопрос, на который я не могу найти ответа — ну неужели люди, которые так активно и пламенно вещают о возвращении зарубежных адыгов, неужели все эти профессора, лауреаты и чемпионы мира по борьбе ни разу не попытались проанализировать историю массовых переселений народов? Скорее всего — нет. Иначе они бы сразу увидели, что у всех подобных переселений есть своя железная логика и свои собственные правила. И главное из них заключается в следующем: еще никогда в истории человечества массовое переселение народа не совершалось по романтическим мотивам. В основе грандиозных перемещений людских масс никогда не лежали такие пункты как «возвращение на родину предков», «на историческую родину», «на святую землю» и т.д. Даже если это и выдавалось таковым, то в его основе все равно лежали экономические и военно-политические мотивы. То, что новые идеологи адыгского движения объявляют возможным и на что ориентируют всю нацию — это... как бы понятнее выразиться... это сравнимо с каким-то событием, после наступления которого можно переписывать все учебники. То есть, это то, что теоретически может быть и может случиться, но если это

произойдет, то все предыдущие исторические, психологические, какие угодно законы, теории и версии, касающиеся массового сознания, управления массами, великих переселений, этностроительства и т.д. можно будет сдавать в утиль и считать, что все они опровергнуты самим ходом жизни.

Не могут адыги диаспоры в каком-либо значимом количестве приехать на Кавказ только и исключительно по зову исторической родины и только и исключительно для того, чтобы решить демографическую проблему кавказских адыгов. Ну не бывает так! При определенных условиях, действительно, более-менее массовое переселение может произойти. Конечно, ничего общего с зовом предков и возвращением на историческую родину это не имеет, но сами эти условия, впрочем, заслуживают того, чтобы их разобрали:

А) Если уровень экономического развития черкесских республик и уровень жизни людей, проживающих в них, будет настолько высоким, что адыги диаспоры станут рассматривать возвращение на родину, как экономическую миграцию с целью улучшения своих жизненных условий.

Какова вероятность этого, если сейчас уровень дотационности этих республик из федерального бюджета 60—70%? Какова вероятность этого, если сами адыгские общественные организации, насколько я знаю, говорят только о геноциде и единой Черкесии и ни разу, говорю по буквам, Н-И-Р-А-З-У не задались вопросом что нужно сделать, чтобы развить экономику республик? Как поднять производительность труда? Благополучие людей? Как уменьшить

постыдную дотационность? Как снизить хлещущую через край безработицу? Это им неинтересно. Неинтересно! Максимальный экономический интерес, который я видел со стороны адыгских общественных организаций, состоял в выбивании денег из бюджета под свои программы и идеи...

Б) Если ситуация в тех странах, в которых сейчас проживают адыги ухудшится настолько, что они будут считать переезд на Кавказ средством достижения безопасности для себя и членов своих семей. Такие примеры есть и даже не один. Это и переселение козовских адыгов, и переговоры сирийских черкесов во время обострения обстановки с Израилем, но, опять же... Какова вероятность этого? Какова вероятность наступления настолько плохой ситуации и что вообще считать ею, если даже во время обеих «Бурь в пустыне» иракские черкесы не изъявляли желания укрыться от этих бурь на Кавказе?

Причем, обратите внимание, в этот список вероятностей я даже не ставлю основной посыл современных идеологов — то, что сейчас Россия под влиянием какого-то Европарламента и каких-то мифических, микроскопических организаций вдруг признает геноцид и, соответственно, начнет раздавать зарубежным черкесам пряники с целью завлечь их на родину предков. Как говорят грузины — «Кто такой он этот Европарламент? Зачем он такой этот Европарламент? Мам-пап у него есть, а?» Верить в подобное — сверх-наивно, а убеждать в этом людей — преступно!

Я вообще склонен думать, что очень скоро сама идея о массовом возвращении диаспоры в значительной степени потеряет свою привлекательность среди

адыгов. Причина всё та же — проверка временем — ну сколько можно доказывать свою несостоятельность и иллюзорность?

В 2009г. по идее возвращения прозвенел третий звонок. Как в театре, когда уже пора. Первыми двумя звонками о несостоятельности и нежизнеспособности этой идеи была ситуация в Абхазии и вопрос, т.наз. «косовских» адыгов. Отсоединившиеся абхазы еще в середине 1990-х гг. приняли программу по возвращению потомков ушедших, рассчитывая на скорый приезд, как минимум 400 тыс. этнических абхазов, а 15 лет спустя, уже в наше время счет вернувшихся идет все еще на десятки, причем, как говорят сами абхазы, больше половины из них — турки, никакого отношения к Абхазии не имеющие и записавшиеся абхазами исключительно для получения возможности ведения бизнеса на территории Республики Абхазия. Второй звонок прозвучал при переселении «косовских» адыгов, которые убегали от войны, которых переселяли за бюджетные деньги и половина из которых, осмотревшись и поняв куда они попали, уехали из Адыгеи. Третий звонок произошел в 2009г. и название ему будет — квота для переселенцев.

Дело в том, что вопрос квоты на людей, желающих переселиться в регион из дальнего зарубежья всегда был одним из камней преткновения в вопросе о репатриации. Федеральный центр традиционно выделял небольшую квоту на регионы, говоря о том, что из-за высокой безработицы и крайнего развала экономики, произошедшего, в том числе, после прихода к власти черкесских элит, регион не сможет принять больше, адыгские лидеры же утверждали, что это

проявление целенаправленной антиадыгской политики, направленной против возвращения черкесов, многие тысячи из которых хотят приехать, но из-за отсутствия квоты не могут этого сделать. Все вышло, как в английской пословице: «Beware of what you are wishing. For you may get it!» — «Будь осторожен в своих желаниях, а то они могут сбыться». В 2009г. квота на «возвращенцев» была увеличена (оцените это!) сразу в 28 раз — с 50 человек до 1400. В результате, по квоте в 1400 человек приехали 100. Как теперь адыгские идеологи будут доказывать наличие тысячных очередей из желающих переехать на Северный Кавказ я лично не представляю.

Примерно такая же, но иного рода ситуация складывается с идеей объединения адыгских республик. Здесь все намного непонятнее. За время более-менее серьезного существования этой идеи — года 3—4 — не нашлось ни одного человека, который бы внятно сформулировал что это такое и как это все должно произойти. Объединять? Как — в каких границах, в каких целях, с какими последствиями, как проводить референдум, как работать с теми, кто будет не согласен (а таких будет невероятно много!), что делать с балкарцами и карачаевцами, что делать с русскими, как это скажется на экономике и т.д. Ни одного человека за несколько лет!

15 лет подобной политики не дали ни одного конкретного результата. Не видно и перспектив. Выход из этой ситуации может быть только два — либо нынешний пассионарный всплеск народа при отсутствии результата уже в средне-срочной перспективе неминуемо спадет, либо нужна коррекция курса

и новые направления движения. Проблема в том, что все последнее время адыгская политическая мысль просто заиклилась на следовании триединой политике «Сталинских ударов» и альтернативные варианты решения проблем, стоящих перед адыгами, серьезным образом не рассматривались и не формулировались — предлагать нечего. То есть, когда по факту мы подходим к такому пониманию ситуации, что первая часть триады — признание геноцида — неисполнима и не имеет ни малейших практических перспектив, вторая часть — возвращение диаспоры в существенных количествах — не реализована и находится на грани провала даже не столько в практическом исполнении, но уже в массовом адыгском сознании, а третью — объединение адыгских республик — за много лет даже не получилось сформулировать как некий хоть сколько бы то ни было конкретный, понятный вопрос, который можно серьезно обсуждать, так вот в этой ситуации оказывается, что среди адыгской этнически ориентированной интеллигенции отсутствует какой-либо план действий, план выхода, план дальнейшего развития.

В теории управления есть одно из правил, которое гласит: «Система характеризуется не ошибкой, которую она совершает, а своей реакцией на ошибку.» Как в свете этого мы можем охарактеризовать черкесское общество? Как систему еще не дошедшую до понимания ошибки, нечто сродни убухам, готовящимся ехать в Турцию. Это не очень хорошо говорит о зрелости адыгской элиты — в ней отсутствуют аналитики, задачей которых является рассмотрение всех возможных вариантов и направлений развития

ситуации и лидеры, способные не следовать за массой, а вести и направлять её.

Если бы кто-то решился задаться вопросом по поводу перспектив нынешнего национального курса и того что надо делать в условиях того, что курс этот год за годом неумолимо доказывает свою безрезультативность, то он бы увидел, что существует немало других путей решения тех вызовов, которые стоят перед адыгами. Он бы понял, что все то, что адыги наметили сделать — можно сделать. Но здесь есть огромная проблема, почти неразрешимая в нынешней ситуации — все эти варианты не подразумевают публичности, эпатажности, размахиваний флагами со стрелами, привлечения к себе внимания, интервью, участия в съездах и митингах, написания громких обращений, обвинений, статей и т.д. — то есть всего того, чем адыгские общественные лидеры занимались все последние 15 лет.

Эти пути не включают признания геноцида, но относятся к подъему экономики. Они направлены не на Брюссель и Москву, а на адыгов, русских и всех, кто живет на Кавказе. Они действуют не на уровне стран и парламентов (хотя и это тоже необходимо!), но выходят на уровень семьи и детей. Это планы, которые не ведут к обособлению адыгского народа и обвинению другой нации в его тяжелой судьбе, но, напротив, подразумевают совместное движение вперед, нахождение общих дорог и решение проблем адыгов через общее поступательное движение к прогрессу.

Это нелегкий путь, но именно он ведет к конкретным результатам и если черкесы выбирают результат, а не процесс, как сейчас, то альтернативы ему нет.

С этих же позиций и российская власть должна все-таки обратить внимание на проблемы адыгов и сделать шаги, которые помогли бы им, как гражданам России, почувствовать себя более защищено и не пытаться прикрыться листком никогда не существовавшего в истории геноцида.

Во-первых, конечно же, это экономика. Многие проблемы решатся сами собой как только экономика региона достигнет хотя бы такого положения, как в соседних Краснодарском и Ставропольском краях (как это и было в «проклятое» советское время!). Экономика — это вообще, отдельный, большой и очень больной вопрос, не являющийся темой данной статьи. Я все больше убеждаюсь в том, что при нынешних условиях провальный тренд изменить невозможно, как говорят математики, «при существующих переменных уравнение не решаемо».

Во-вторых, в своем сознании надо четко разделить адыгский народ, от его современной этнополитической знати, зачастую непонятно кем избранной и кого представляющей. Далеко не факт, что то, к чему призывают этнические лидеры является выражением желаний самого народа, в массе своей стремящегося не к признанию геноцида, а к достойному уровню существования, к хорошему образованию для детей и к гарантии сохранения этнической идентичности. Попытка отождествления знати с народом очень опасна, т.к. может привести к построению политики на ложных основах и убеждениях. Отождествление интересов знати и народа уже привело к трагическому исходу адыгов в прошлом и не должно повториться опять.

В-третьих, немало из того, что говорят лидеры, заслуживает действительно серьезного внимания. В настоящий момент это, конечно, отношения с адыгской диаспорой. Отношение к ней среди адыгов и неадыгов сейчас достаточно полярно разошлось — если черкесы мечтают о возвращении зарубежных братьев и сестер, то русские, армяне и другие народности Северного Кавказа побаиваются этого и воспринимают как своего рода страшилку — вот, мол, приедет 2 млн. черкесов и тогда тут начнется! И то, и другое, конечно же, бесконечно далеко от действительности. Сейчас же главным является другое — одним надо перестать выдавать, а другим перестать воспринимать диаспору, как большую дубинку. Вот этого — «сейчас приедет и начнется» — не будет. По тысяче различных причин! И тот, кто продолжает ковырять своим грязным пальцем в человеческой трагедии, выводя её на сегодняшний уровень — либо недалекий человек, либо демагог, преследующий свои личные цели.

И адыгам, и русским надо понять, что на возвращении на Кавказ миллионов адыгов свет клином не сошелся. Слава Богу, человечество выработало различные успешные варианты многовекового сосуществования диаспор при сохранении национальной идентичности и если перестать закрывать себе глаза провалившимся и проваливающимся «триединым планом» и просто оглянуться вокруг, то можно будет увидеть немало интересного в опыте тех же армян и тех же китайцев. В свое время Федор Тютчев написал: «Хотя враждебною судьбиной и были мы разлучены, но всё же мы народ единый, единой матери сыны...», он посвятил эти строки славянам, но разве

вправе мы отказывать в том же адыгам? Наличие за рубежом адыгской диаспоры, насчитывающей несколько миллионов человек, при правильном к ней отношении это в первую очередь не опасность, а уникальная возможность! Вне зависимости от решения вопроса о возвращении, необходимо укреплять связи с диаспорой — это нужно и российским адыгам (по вполне понятным причинам), и адыгам диаспоры (по столь же понятным причинам), и всем нам — россиянам. Общение между диаспорами приведет, должно привести к поддержанию идентичности адыгской нации, позволит ей почувствовать себя защищенной в меняющемся с бешеной скоростью глобальном окружении. Наличие сильного и, с определенной долей допущения, влиятельного сообщества в Турции и арабских странах — будет крайне полезно для всех людей по разным сторонам границы и полезно для России, как для государства, которое может получить еще одну национальную диаспору, по аналогии с армянской, защищающую её интересы.

В отличие от поддержания хронического дотирования провальной модели экономики северокавказских республик, российским властям на это действительно стоит тратить деньги. Представьте, насколько хорош был бы для развития связей с диаспорой единый адыгский телеканал! Правда, здесь нам не уйти от вопросов экономики, от них вообще никогда не уйти и на этом фронте у адыгских республик пока в наличии одни поражения.

В четвертых, необходимо, наконец, отказаться от теории 450-летнего «добровольного» вхождения». Это уже не смешно и в это уже никто не верит. Зачем

заниматься непонятно чем и только нервировать людей откровенной несуразицей, не имеющей никакого логического объяснения и настолько грубой, что ни к чему позитивному она уже давно не ведет. Ну не говорит же Испания о 500-летнем добровольном присоединении к ней Латинской Америки? И при этом ничего не происходит! Мы должны быть честны перед самими собой — если в прошлом этого не было — то этого не было! С точно такой же позиции исторической честности следует подходить и к многострадальной и, поверьте, мертвой теории «страшного геноцида».

Ну и, наконец, нашим научным и учебным организациям все-таки стоит поинтересоваться как и на основе каких теорий учат молодежь в школах и ВУЗах северокавказских республик. Какие книги их обязывают читать, что там написано, есть ли там упоминание о существовании других версий отношений русского и адыгского народов в прошлом. Им уже давно, очень давно пора узнать куда из северокавказских ВУЗов исчезли все ученые-историки, не согласные с версией «страшного геноцида». Возможно, они даже захотят провести всероссийскую научную конференцию под эгидой Института российской истории РАН на тему геноцида черкесов в Кавказской войне. Министерству Культуры РФ, думаю, стоит поинтересоваться какие экспозиции выставляются в содержащемся на российские деньги Адыгейском республиканском музее, насколько они объективны и какой народ там подается в качестве главной причины всех бед черкесов. Господину Владимиру Устинову, работающему полпредом президента России

в ЮФО, считаю, будет небезынтересно узнать кому и за какие книги присуждаются Государственные премии Адыгеи, деньги из федерального бюджета какой страны на них тратятся в виде дотаций и какая страна в них объявляется «палачом». Их ждут удивительные открытия!

При этом крайне важно не уподобляться сторонникам теории геноцида, сидящим в высоких кабинетах и административным образом навязывающим удобно-бредовую теорию своему народу! Крайне важно! Эти люди действуют с позиции слабости, а у нас совсем другая ситуация. Если какая-то точка зрения бытует в обществе, её нельзя запрещать. Нельзя закрывать экспозицию о геноциде в майкопском музее и нельзя изымать из списка рекомендованной к изучению в школе литературы книги «Геноцид адыгов» и «Земля адыгов»! Наоборот, экспозицию необходимо расширять за счет экспонатов о непростой жизни и других народов Северного Кавказа, а список литературы надо дополнять и включать в него другие книги, говорящие о ничтожности теории геноцида с исторической, да и любой другой точки зрения. Обратно говоря, рядом с фальшивой картиной нужно повесить настоящую! И вот после этого нужно сказать молодому гражданину нашей страны: ты уже взрослый, перед тобой две теории, изучи их и реши сам какую из них ты будешь поддерживать.

И тогда тема «страшного геноцида, не имеющего аналогов в мировой истории» уйдет. Уйдет сама собой, как теория Земли, стоящей на спинах трех китов, при сравнении со снимком из космоса. Тогда у адыгов появятся новые стимулы, найдутся

аналитики и придут новые лидеры, способные правильно оценить ситуацию и найти иные пути её решения. Эти пути не будут иметь ничего общего с признанием геноцида, но затронут насущные проблемы для всех народов Кавказа при безусловном сохранении идентичности адыгской нации.

И это будет правильно. Ведь в XXI веке интересы адыгов объективно сходятся с российскими.

Жаль, что в веке XIX они не полностью сошлись.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ АДЫГОВ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ. 13

Численность..... 14

Турецко-крымско-черкесский мир.

Основы отношений..... 35

Армия и военные действия.....53

Союзники и внешние факторы.....72

Разногласия.....94

Варианты событий..... 105

ГЛАВА II.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ГЕНОЦИД АДЫГОВ? 116

Термин «геноцид» 119

Сравнение с геноцидом индейцев в США 143

Жестокость 153

Болезни 166

Торговля 175

Адыги на стороне России 189

ГЛАВА III.

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 235

Земля 236

Сочи — земля геноцида..... 251

Не повезло с географией..... 254

Убыхи	262
Выселение адыгов	270
Если не геноцид, то что?	307

ГЛАВА IV.

ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ	310
10 Сталинских ударов.....	310
Почему геноцид.....	319
Что делать	333

Литературно-художественное издание

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЭПИФАНЦЕВ

**НЕИЗВЕСТНАЯ
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.
БЫЛ ЛИ ГЕНОЦИД
АДЫГОВ?**

Текст публикуется в авторской редакции.

Макетирование — Александр Кудрявцев

Дизайн обложки — Алена Терентьева

Сдано в набор 01.02.2010.

Гарнитура «Петербург».

Формат 60х84/16. Бумага офсетная.

Тираж 5000 экземпляров. Заказ № Заказ.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Научный проезд, 20.

Тел. (495) 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su

